

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 3(5)
июль – сентябрь
2014

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
От редакции.	5
To Our Readers and Authors.	7
Состав редакционного совета журнала	8
Состав редакционной коллегии журнала	10

Философия информационного общества

Дискуссии и обсуждения

<i>От редакции.</i> О статье В. Д. Комарова «Источники и структурные компоненты ленинизма»	12
Источники и структурные компоненты ленинизма <i>В. Д. Комаров.</i>	14
Crisis Management and Social Effectiveness <i>L. Pana (Romania).</i>	42
Социально-экономические программы по решению проблем экологии <i>Е. Г. Брындин.</i>	60

Теория и история культуры

Основные положения культурного эволюционизма Л. Уайта <i>П. Г. Выжлецов</i>	79
Сиверская. Поселок Строганов Мост. Этнографический очерк <i>Т. Н. Федяй</i>	94

Из истории отечественной науки

О работе В. С. Дерябина «Эмоции, порождаемые социальной средой» и критике в ней теории Альфреда Адлера <i>О. Н. Забродин</i>	107
Эмоции, порождаемые социальной средой <i>В. С. Дерябин (публикация О. Н. Забродина)</i>	115

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	147
--------------------------------------	-----

Content

About the Journal	4
Editorial.	5
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	6
Editorial Council of the Journal	8
Editorial Board of the Journal.	10

Philosophy of Information Society

Discussions

<i>Letter from the Editor-in-Chief. The Paper of Prof. V. Komarov “The Sources and Structural Components of Leninism”</i>	12
The Sources and Structural Components of Leninism <i>V. D. Komarov.</i>	14
Crisis Management and Social Effectiveness (<i>in English</i>) <i>L. Pana (Romania).</i>	42
Social and Economic Programs According to the Solution of Environmental Problems <i>E. G. Bryndin.</i>	60

Theory and History of Culture

Basic Ideas of L. White’s Cultural Evolutionism <i>P. G. Vyzhletsov</i>	79
Siverskaya. Stroganov Most Settlement. Ethnographic Essay <i>T. N. Fedyay</i>	94

From the History of the Science of Our Country

On the Work by V. S. Deryabin “Emotions Provoked by the Social Environment” and Criticism of Alfred Adler’s Theory <i>O. N. Zabrodin.</i>	107
Emotions Provoked by the Social Environment <i>V. S. Deryabin (publication of O. N. Zabrodin)</i>	115

Article Presentation Rules

Article Presentation Rules.	147
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих специальностей научных работников:

09.00.01 – Онтология и теория познания;

09.00.08 – Философия науки и техники;

09.00.11 – Социальная философия;

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;

24.00.01 – Теория и история культуры;

07.00.02 – Отечественная история;

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования;

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии.

Журнал выходит четыре раза в год.

Редакционная коллегия

От редакции

Пятый номер журнала – № 3(5) за 2014 г. – открывает новая рубрика – «Дискуссии и обсуждения», в которой публикуется статья В. Д. Комарова «Источники и структурные компоненты ленинизма». Проблема развития марксистской философии, использования философских идей советского периода для осмысления реальностей современного информационного общества остается мало исследованной, и данная статья является определенным продвижением вперед в обсуждении этого круга проблем. В то же время в редакционном комментарии специально подчеркнута недопустимость упрощенного подхода к оценке негативных влияний культа личности и связанных с ним массовых репрессий на развитие советского общества, тем более – невозможность отрицания или игнорирования этого трагического явления в истории России и отказа от анализа его последствий.

Рассмотрение философских проблем развития современного общества продолжается в статьях Лауры Паны (Румыния, Бухарестский политехнический университет) «Кризисный менеджмент и социальная эффективность» (публикуется на английском языке) и Е. Г. Брындина (Новосибирск) «Социально-экономические программы по решению проблем экологии». Автор последней статьи описывает исследования, проводимые под его руководством специалистами некоммерческой организации – исследовательского центра «Естествоинформатика».

Под рубрикой «Теория и история культуры» помещены две статьи. П. Г. Выжлецов в работе «Основные положения культурного эволюционизма Л. Уайта» обсуждает теоретическую концепцию культуры и механизмов ее развития, разработанную известным американским ученым второй половины прошлого века. Статья Т. Н. Федяй «Сиверская. Поселок Строганов Мост. Этнографический очерк» содержит, наоборот, преимущественно эмпирический материал об истории одного из многочисленных очагов культуры российской провинции. Такие исследования важны для национального самосознания, так как позволяют сохранить память об уходящей провинциальной культуре нашей страны XVIII – XX веков – культуры, которая к настоящему времени по ряду причин в основном утрачена.

В разделе «Из истории отечественной науки» продолжается публикация психолого-философских трудов ученика И. П. Павлова профессора В. С. Дерябина. Его работа «Эмоции, порождаемые социальной средой» по содержанию представляет из себя продолжение тематики предыдущих публикаций (см. № 1 за 2013 г. и № 2 за 2014 г.). В статьях В. С. Дерябина по существу предлагается перспективная концепция психологического и социологического обоснования исторического материализма. К сожалению, в силу определенной догматичности философской мысли в СССР такого рода подходы считались противоречащими марксизму и не получали поддержки. В результате творческое развитие марксизма часто подменялось простым многократным повторением положений, сформулированных его создателями.

По этой причине психолого-философские работы талантливого продолжателя дела И. П. Павлова смогли увидеть свет только в XXI веке на страницах нашего журнала. Решающая роль в подготовке этих публикаций принадлежит доктору медицинских наук О. Н. Забродину.

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the fifth issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Орлов Владимир Вячеславович – заведующий кафедрой философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военной академии материально-технического снабжения, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии, колледж Идахо, США (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры обработки и передачи дискретных сообщений Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологии:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Манкевич Ирина Анатольевна – доктор культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия.

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков института холода и биотехнологий Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Дискуссии и обсуждения

От редакции

О статье В. Д. Комарова «Источники и структурные компоненты ленинизма»

Статьей В. Д. Комарова наш журнал открывает новую рубрику «Дискуссии и обсуждения». В ней предполагается публикация и обсуждение материалов, содержащих новые, не общепризнанные подходы к актуальным проблемам философии и гуманитарных наук. Точка зрения авторов может сильно отличаться от точки зрения редакционной коллегии.

Виктор Дмитриевич Комаров поставил в своей статье наиболее важные вопросы развития марксистской философии в России и высказал ряд новых ценных идей, которые, по-видимому, будут обсуждаться в дальнейшем на страницах журнала. Однако сразу необходимо сделать принципиально важную оговорку. Редколлегия журнала категорически не согласна с оценкой деятельности И. В. Сталина, которой придерживается автор статьи. Поясним нашу позицию подробнее.

Общая характеристика И. В. Сталина дается в статье примерно так же, как это делалось 60 – 70 лет назад: если В. И. Ленин – продолжатель дела К. Маркса, то И. В. Сталин – «подлинный ученик и достойный преемник» В. И. Ленина, лидер коммунистического движения и социалистических преобразований мира в 30 – 50-х годах XX века. И. В. Сталин уточнял и прорисовывал детали практической модели ленинизма вместе со своими идейными соратниками, среди которых названы, в частности, В. М. Молотов и Н. А. Вознесенский. Отмечен также значительный вклад марксистов XX века – среди них И. В. Сталина и Мао Цзе-дуна – в исследование психологии трудящихся масс в ходе политической борьбы, причем характерная черта их социально-психологической науки – «реальный гуманизм».

Создается впечатление, что этот безупречный образ И. В. Сталина, ученого и гуманиста, существует где-то отдельно от реальной истории. В действительности, как известно, деятельность «достойного преемника» В. И. Ленина была гораздо трагичней и противоречивей. Вряд ли ее вообще возможно рассматривать, полностью замалчивая репрессии, которым были подвергнуты в различной форме миллионы людей. Факты сталинских репрессий настолько многочисленны и общеизвестны, что о них как-то даже неудобно специально напоминать. Очень странно звучит, поэтому, например, утверждение о реальном гуманизме И. В. Сталина или Мао Цзе-дуна. Понятно, что гуманизм в современном мире не сводится к какому-нибудь слащавому сюсюканью и рассуждению о том, что «всем должно быть хорошо». Солдат-освободитель, убивающий агрессора и оккупанта, безусловно, настоящий

гуманист. Однако в случае И. В. Сталина и Мао Цзе-дуна ситуация совсем другая: это люди, которые массово уничтожали и репрессировали своих соратников, людей, не совершивших никаких преступлений, в том числе детей, и т. п. Неужели в этом состоит реальный гуманизм, о котором мечтали Маркс, Энгельс и Ленин? Этот вопрос требует ответа, которого уважаемый автор статьи не дает. Пытаясь полностью замолчать факты массовых репрессий, проходивших под руководством И. В. Сталина (или считая их вообще не заслуживающими упоминания из-за незначительности?), В. Д. Комаров, сам того не замечая, все же косвенно затрагивает эту тяжелую и трагическую тему. Хорошо известно, до чего довел «реальный гуманизм» И. В. Сталина его «идейного соратника» Н. А. Вознесенского и жену действительно самого близкого соратника Сталина – В. М. Молотова.

Согласно многочисленным историческим свидетельствам, в советском обществе времен сталинских репрессий сформировалась социально-психологическая атмосфера, которая не способствовала развитию инициативы и социальной активности человека. Не является ли пассивность огромной части современных россиян по отношению к разнообразным сферам общественной деятельности отголоском и следствием тех времен, когда в течение целой исторической эпохи даже простое высказывание своего мнения жестко пресекалось и преследовалось? Следы этой эпохи, проявляющиеся в современной реальности, делают актуальным объективный, непредвзятый и взвешенный анализ ее исторических уроков. Философское осмысление информационного общества вряд ли может опираться на замалчивание, упрощение или приукрашивание опыта прошлого.

Letter from the Editor-in-Chief

The Paper of Prof. V. Komarov “The Sources and Structural Components of Leninism”

Abstract

The paper of Prof. V. Komarov deals with some important problems of Marxism, its development in the works of V. Lenin, the most popular Marxist in Russia, and I. Stalin, who is thought to be his main follower. But the editorial board cannot assent the author's attempt to study the theoretical work and political practice of I. Stalin without taking into consideration the large-scale repressive actions which he and his followers took against millions of people in the Soviet Union. To negate these repressive actions is also entirely inadmissible.

УДК 141

Источники и структурные компоненты ленинизма*

Комаров Виктор Дмитриевич – Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: vdkomarov@mail.ru

191123, Россия, Санкт-Петербург, Захарьевская ул. д. 22,
тел.: 8(812)578-81-17.

Авторское резюме

Состояние вопроса: История учений К. Маркса и В. И. Ленина исследовалась в российской науке в течение многих десятилетий. Однако попытка систематически изложить основные разделы ленинизма как целостной концепции предпринимается впервые.

Результаты: Ленинизм является революционной версией марксизма, развившейся в эпоху империализма, пролетарских и национально-освободительных революций. В эпоху глобального перехода от капитализма к социализму и глобализации мирового цивилизационного процесса творческое развитие учения Маркса – Ленина происходит путем системного обобщения идей, сформулированных В. И. Лениным. Основные причинные факторы возрастания революционной роли марксизма-ленинизма как науки о закономерностях общественного развития цивилизованного человечества должны быть проанализированы методом разделения источников и движущих сил развития ленинизма. Основными структурными компонентами ленинизма как творческого марксизма современной эпохи выступают: диалектико-материалистическая философия, политико-экономическая наука, социально-политическая теория научного социализма, основы научной социологии, принципы научной политологии, научные основы коммунистической идеологии, реально-гуманистические принципы социальной психологии, основы коммунистической этики, научные принципы эстетики, основы социальной педагогики и теории культурной революции, праксиологическое понимание научно-технического прогресса, научно-философская теория цивилизации.

Область применения результатов: Предложенная концепция позволяет детально проанализировать и оценить существующие в информационном обществе направления и перспективы развития марксизма и его современной формы – ленинизма.

Выводы: На рубеже тысячелетий оказалось, что только марксизм-ленинизм как научная идеология мирового коммунистического и рабочего движения может стать праксиологической базой системного решения глобальных проблем современности. Творческое развитие марксистско-

* © В. Д. Комаров, 2014.

ленинского учения стало насущной задачей революционного сплочения всех трудовых и интеллектуальных сил человечества.

Ключевые слова: марксизм-ленинизм; научная философия; аутентичный марксизм; цивилизация; диалектический материализм; научный социализм; политология; этика; эстетика; идеология; классовая борьба; социальная революция; реальный гуманизм.

The Sources and Structural Components of Leninism

Komarov Victor Dmitrievich – Military Academy of the Material and Technical Maintenance Named after General of the Army A. V. Khrulev, Military Institute (engineering), Department of Humanities, professor, Doctor of Philosophy. Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: vdkomarov@mail.ru

22, Zakharievskaja st., St.-Petersburg, Russia, 191123,
tel: +7(812)578-81-17.

Abstract

Background: The works of K. Marx and V. Lenin have been studied by Russian philosophers for dozens of years. However an attempt to describe the main parts of Lenin's doctrine systematically as integral conception is undertaken for the first time.

Results: Leninism is a revolutionary version of Marxism evolved during the epoch of imperialism, proletariat and national liberation revolutions. In the epoch of global transition from capitalism to socialism and globalization of world civilization process the creative development of Marx and Lenin's teachings takes place by systematic generalization of ideas formulated by V. I. Lenin. The main structural components of Leninism as creative Marxism of the present epoch are: the philosophy of dialectical materialism, political economy, the theory of socialism, the theory of sociology, the principles of political science, the theoretical bases of communist ideology, the humane principles of social psychology, the bases of communist ethics, the principles of aesthetics, the bases of social pedagogy and the theory of cultural revolution, praxiology of scientific and technical progress, philosophical theory of civilization.

Research implications: The presented conception allows to analyze in detail and appreciate the trends and perspectives of Marxism and Leninism theory development which exist in information society.

Conclusion: At the turn of the millennium only Marxism-Leninism as ideology of communist and proletariat movement appeared to become praxiological basis of systematic decision of nowadays global problems. The creative development of Marxism-Leninism doctrine is thought to be the essential goal of revolutionary solidarity of all labor and intellectual forces of humanity.

Keywords: Marxism-Leninism; philosophical theory; authentic Marxism; civilization; dialectical materialism; socialism theory; political science; ethics; aesthetics; ideology; the class struggle; social revolution; humanism.

Введение

Идя навстречу 145-летию со дня рождения великого сына России Владимира Ильича Ульянова (Ленина), лучшие интеллектуальные силы Отечества имеют возможность дать информационно-аналитический абрис его непреходящего творческого наследия. Необходимость такого начертания тезауруса ленинских идей, концепций, выводов и прогнозов обусловлена тем обстоятельством, что за последнее десятилетие Миллениума *мир вступил в информационную эпоху* развития цивилизации.

В современной научной литературе принято считать, что общество, сформированное в эпоху позднего развития мирового капитализма, целесообразно именовать «постиндустриальным». Однако это понятие не определённо в содержательном отношении и футурологически бесперспективно. В действительности исторический характер общества определяется всегда *качеством производительных сил*, которые его порождают.

С позиции марксизма-ленинизма как науки об общественном развитии человечества, *индустриальное общество* в его капиталистическом варианте было порождено машинными производительными силами. Это означает, что промышленная (= индустриальная) революция XVIII – XIX вв. сформировала в Европе производительные силы, состоящие из системных разновидностей машинной техники, которую создал и которой в производственном процессе управлял наёмный рабочий нового типа – *пролетариат*. Машинная база капиталистического способа производства, по Марксу, была технологическим применением природных сил *на базе науки* как системного явления культуры Нового времени.

Таким образом, индустриальное общество есть мировой продукт развития производительных сил в составе: «совокупный работник» (Маркс) и технологическая система машин.

Существенные изменения в развитии капиталистической «мир-системы» (Валлерстайн) произошли в первой половине XX века (1917 – 1940 гг.).

Во-первых, в ходе Великой октябрьской социалистической революции в бывшей Российской империи были проведены под руководством большевистской партии *социалистическая индустриализация* евразийской державы, *коллективизация и механизация* сельского хозяйства. Тем самым была создана *новая материально-техническая база* производительных сил социалистического (посткапиталистического) общества. Главной предпосылкой создания здесь производительных сил нового качества стала *цивилизационная культурная революция* в бывшей христианской, полуграмотной стране. Она позволила сформировать *рабочий класс нового типа* – главную производительную силу социалистического общества.

Во-вторых, в ходе социалистической индустриализации и культурной революции в Советском Союзе стали формироваться предпосылки нового, революционного этапа *научно-технического прогресса* человечества. Под влиянием обстановки Второй мировой войны в капиталистическом мире эти предпосылки к 50-м годам XX в. стали обретать системное качество *научно-*

технической революции (НТР). Обострение в 50-х – 60-х годах классового противоборства капиталистической и социалистической систем ведения хозяйства цивилизованных держав привело к интенсивному развёртыванию НТР в странах начального социализма во главе с СССР.

Развёртывание НТР в обеих системах рельефно обнаружило её уникальную сущность. *Глобальная сущность научно-технической революции* проявилась к началу XXI в. в том, что НТР – это системное качественное изменение в управлении технологией общественного производства на цивилизационном пути превращения природных процессов геокосмического масштаба в промышленные процессы «постиндустриального типа».

Спектры социальных последствий НТР в капиталистическом и социалистическом мирах свидетельствуют, что происходит глобальный цивилизационный поворот в историческом процессе. Человечество может прогрессировать в цивилизованном порядке только по социалистическому пути. «Постиндустриальное общество» при сохранении капиталистической системы ведения хозяйства – это *виртуальная реальность*.

Подлинное постиндустриальное общество есть объективная реальность только при «полном социализме» (Ленин). И его настоящее содержательное название – *научно-образовательное общество*. Реальный облик такого общества стал складываться впервые в истории человечества в СССР с 70-х годов XX в., когда возникшие *научно-производственные объединения* (НПО) в Ленинграде, Москве, Новосибирске, Свердловске, Киеве, Минске, Томске, Риге начали превращаться в центры формирования нового, зрелого социалистического базиса посткапиталистического общества XXI в.

В указанных условиях *ленинизм* как марксизм современной эпохи нуждается в творческом развитии. Именно для этого необходимо научное осмысление динамичной структуры этого гениального учения ради успешного применения его в революционно-практическом действии.

Первая возможность изложить результаты своего синтеза основных марксистских идей В. И. Ленина представилась мне в канун 130-летия великого сына русского народа. Некоторые творческие наброски в этом плане мне удалось представить на юбилейной Ленинской конференции в Разливе 22 апреля 2010 года. А дальше понадобилось более основательно углубиться в литературное наследие Владимира Ильича и осваивать его на том его жизненном фоне, который создали своими талантливыми литературно-биографическими произведениями В. Т. Логинов [см.: 12; 13] и С. Н. Есин [см.: 1].

Таковы обстоятельства создания представляемой на суд интеллектуальной общественности обширной статьи в данном журнале.

Источники ленинизма

Когда мы в начале третьего тысячелетия констатируем, что научно-идеологической основой современного коммунистического движения выступает *марксизм-ленинизм*, то не всегда обращаем внимание на творческую сторону дела. Между тем уже в XX веке не только марксистская основа этого

всесильного учения *существенно обновилась за счёт становления ленинизма как современного марксизма*, но и само содержание ленинизма существенно модернизировалось, особенно в ходе практической реализации грандиозного научно-социалистического проекта марксистско-ленинского происхождения. Именно последнее обстоятельство заставляет в новую, информационную эпоху глобализации цивилизационного процесса *рассмотреть обновлённую, модернизированную структуру ленинизма*.

При ближайшем рассмотрении этой важной задачи представляется естественным пойти по пути, намеченному В. И. Лениным при структурном анализе учения К. Маркса в начале XX века. Тогда, как известно, вождь большевистской партии показал, как творческая работа идейных лидеров пролетарского движения К. Маркса и Ф. Энгельса над тремя основными источниками науки об общественном развитии человечества привела к созданию *теории научного коммунизма* [см.: 9]. Эта первая в истории *научная* теория развития революционной практики трудящихся была сформирована из трёх органически, логически взаимосвязанных частей – диалектико-материалистической философии, научной политической экономии и научной теории построения социалистического общества.

Проведённый В. И. Лениным анализ научного содержания революционного марксизма позволил в дальнейшем, во-первых, разоблачить ренегатство западноевропейской социал-демократии и, во-вторых, выработать адекватную методологию марксистского анализа нового исторического этапа развития рабочего и коммунистического движения. Собственно, создание ленинизма и явилось научно-теоретическим результатом применения этой методологии для понимания перспектив общественного развития человечества в эпоху империализма и пролетарских революций.

Ленинский вариант структурной характеристики генезиса и построения марксизма был своеобразен не только тем, что позволял научно объяснить тенденции развития человечества в XX – XXI веках, но и тем, что давал научные основания для сознательного руководства процессами социалистического преобразования уникальной российской цивилизации. Это обстоятельство надо учитывать при любой попытке определить основные источники и компоненты ленинизма как модернизированного варианта *аутентичного марксизма*, ибо ленинизм – научно-идеологическое явление не только российского, евроазиатского, но и всемирного масштаба.

В философской теории понятием "источник" принято обозначать всякое явление, оказывающееся непосредственной причиной изучаемого процесса (явления). Как было показано в трудах советских философов конца 70-х и начала 80-х годов прошлого века, научный принцип социального детерминизма содержит противоречивое единство причинных факторов общественного развития двух классов – источников и движущих сил [см., например: 16]. *Источники* – это, по Аристотелю, «то, что делает», т. е. непосредственно порождающие явление (вещь) причины, а *движущие силы* – то, что способствует формированию вещи (явления), т. е. условия, обстоятельства. Предпосылки существования любого явления могут принадлежать как к

первым, так и ко вторым причинным факторам. Следует при этом заметить, что способом всякого человеческого бытия предстаёт жизнедеятельность общества на основе природного бытия. Иначе говоря, *все причинные факторы социального детерминизма имеют человеко-деятельностный характер.*

С этой методологической позиции я считаю возможным утверждать, что непосредственными причинами и предпосылками возникновения, формирования и развития *ленинизма*, т. е. его основными источниками, предстают: 1) революционная версия марксистской теории общественного развития; 2) прогрессивная линия мировой демократической культуры; 3) противоречивые движения русского мировоззрения; 4) история мировой науки. В этих ракурсах целесообразно рассматривать совокупность причинных факторов формирования и развития ленинизма как марксизма современной эпохи, т. е. научной теории преобразования капиталистического общества в мировое социалистическое сообщество всех народов на уровне машиногенной цивилизации. Хронотоп такого преобразования включает геополитическую реальность XX – XXI веков. В свете основных принципов марксизма-ленинизма именно в этот исторический период в геокосмическом масштабе утверждается первый вариант общества реального гуманизма – всемирный социализм.

Главным философским источником ленинизма как современного варианта марксистской теории общественного развития является принцип единства теории и практики как центральный и важнейший в диалектико-материалистической философии. Ключом к раскрытию эвристического значения этого принципа является ленинское понимание диалектики как теории познания и логики марксизма. Уяснение творческой природы марксизма-ленинизма возможно именно в этом направлении. Своеобразие действия всех остальных источников ленинизма можно понять лишь в свете указанного принципа.

Своеобразным «родничком» единства революционной теории и практики ленинизма является раскрытие глубокого диалектического смысла знаменитого материалистического афоризма *Ф. Энгельса* «Вначале было дело». Ставя с головы на ноги знаменитый ключевой афоризм Евангелия от Иоанна, талантливый соратник К. Маркса по существу создал теоретическую модель диалектической логики человеческой деятельности [см.: 21].

Действительно, исторически и логически *человеческая жизнь*, т. е. жизнь любой ячейки человеческого рода, *начинается с трудового дела*, которое для своего нестихийного развития нуждается в «слове», т. е. теоретическом осмыслении. Истинность (действительность) найденной словесной формулы проверяется успешностью нового варианта «дела». Однако обнаруженная связка «слово – дело» не замыкается в круг, а движется дальше по спирали: новое дело рождает мысль о целесообразности образовавшейся цепочки действий. Ищется «слово» для определения конечного смысла всех циклов разумно построенного «трудового дела» общества.

Оказывается, теоретически улучшаемое дело имеет более высокий – внешний для частичного трудового дела смысл: улучшение жизни всех членов

человеческого рода (ячейки и системы ячеек жизни людей). Выраженное в «новом слове» (теории построения жизни человеческой общности) предназначение всех циклов дел практических и духовно-теоретических становится ориентиром для оценки способа существования и направления развития *человеческого общения* как единства слова и дела, теории и практики. Циклы «дело – слово → дело¹ – слово¹» образуют *витки спирали*, которая уходит «в даль идеала», т. е. «универсального слова» (общей теории).

Думается, примерно по такой диалектической схеме осмысливал В. И. Ленин марксистскую теорию общественного развития, усматривая её краеугольный камень в принципе (человеческой, целесообразной) деятельности. Размышляя о рычаге, с помощью которого можно вполне реально изменить в гуманистическую сторону жизнь Российского общества, он вникал прежде всего в понимание «ядерной роли» *особой ячейки политической, управляющей деятельности людей* в этом обществе.

В работе «Что делать?» Ленин на основе марксистского учения о политической партии пролетариата приходит к формулировке двух методологических положений: 1) поднять трудящиеся массы на революционную переделку всего Российского общества может только крепкая организация революционеров в составе передовых представителей трудящихся классов; 2) революционным авангардом могут стать в этом движении научно образованные и организационно опытные представители городского и сельского пролетариата, а также пролетарии умственного труда из других классов.

Партийная организация пролетарских революционеров нужна для того, чтобы «слово» марксистской теории в особенных условиях помещичьи-буржуазно-мещанской России превратить в массовое «дело» социалистических преобразований всех сфер общественной жизни в этой евроазиатской стране с уникальной историей освободительной борьбы.

Так сформировалось диалектико-материалистическое представление В. И. Ленина о *социальной организации вообще как историческом способе превращения идеального в материальное*. Философский диалог о природе такой организации между большевиком Лениным и большевиком Малиновским (Богдановым) шёл почти 20 лет. В. И. Ленин с позиций революционного марксизма разрабатывал эту теорию в диалектико-материалистическом и политическом аспектах, а А. А. Богданов строил свою систему «всеобщей организационной науки» в метафизическом и позитивистском аспектах, абстрагируясь от конкретной революционно-политической практики. Многие его абстрактные построения имели авангардистский характер и были использованы, развиты в рамках зарубежной *философии структурализма*.

В советское время, особенно в 60 – 70-х годах XX века, ленинские идеи о диалектике материального и идеального в человеческой деятельности разрабатывались такими известными философами, как Э. В. Ильенков, В. Г. Афанасьев, Д. И. Дубровский, П. В. Копнин, В. В. Орлов. В 80 – 90-х годах в отечественной литературе обострилось внимание к «тектологическим построениям» богдановского толка, особенно в общей биологической теории.

В итоге можно отметить, что ленинская теория соотношения идеального и материального в человеческой деятельности (см. об этом замечания, сделанные в его «Философских тетрадах» [см.: 10]) имеет узловое значение для понимания творческой природы ленинизма, для разработки в современных условиях диалектической логики, теории отражения и социальной синергетики. Диалектико-материалистические достижения философии ленинизма методологически важны для понимания идеала и парадигмы в философии науки, для исследования геополитических структур, для раскрытия логики цивилизационного процесса и особенно процесса глобализации практической жизни человечества в информационную эпоху.

В постсоветской России актуализация ленинизма в интересах выхода к обновленному социализму справедливо связывается с уникальным опытом единства теории и практики в деятельности лидера коммунистического движения и социалистических преобразований мира в 30 – 50-х годах XX века – *Иосифа Виссарионовича Сталина*. В известном смысле можно утверждать: как Ф. Энгельс был революционно-практическим руководителем рабочего движения при гении К. Маркса, так и И. В. Сталин стал достойным реализатором научно-социалистического проекта при гении В. И. Ленина, вернейшего ученика Маркса и Энгельса.

После системной характеристики источников ленинизма можно осмыслить *основную структуру* этого научно-революционного учения, как она обозначилась в общественном сознании 40-х – 80-х годов XX века.

Основные компоненты ленинизма

Творческое осмысление и развитие марксизма В. И. Ленин начинал с уяснения его структуры по состоянию аутентичной марксистской мысли на начало XX века. Здесь мы должны преимущественно ориентироваться на основные положения ленинской статьи «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» [см.: 4]. Там, как известно, самый последовательный русский ученик К. Маркса в *мировоззренческой части* научно-революционного учения выделил четыре основных компонента в их диалектико-логической взаимосвязи: философский материализм, диалектика, материалистическое понимание истории, классовая борьба. В *экономической части* марксова учения Владимир Ильич особо выделил стоимость и прибавочную стоимость как научные достижения трудовой теории стоимости (ценности). В *социалистической части* относительно самостоятельным компонентом выступает «тактика классовой борьбы пролетариата». По существу, в последующих, постреволюционных трудах В. И. Ленина этот компонент в ленинском понимании марксизма предстаёт как четвёртая составная часть марксизма новой эпохи – «Стратегия и тактика социалистической революции и построения социализма»¹. Этот компонент

¹ Отмечу интересный факт: по цензурным соображениям редакция «Энциклопедического словаря Гранат» не напечатала в 28 томе его 7-го издания именно разделы «Социализм» и «Тактика классовой борьбы пролетариата» в статье за подписью: В. Ильин (1915 год). Видимо, уже тогда правящим кругам России были страшны разделы Марксова учения, составлявшие научную основу социалистического преобразования

ленинского представления о структуре революционного марксизма можно условно именовать *политологической частью* марксизма XX века. Дело ведь в том, что в рамках буржуазной идеологии в начале XX века под влиянием прагматизма обозначается либерально-марксистская теория политического управления массовыми процессами индустриального общества (см. труды по политической социологии Г. Зиммеля, М. Вебера, В. Парето, Г. Моска, Т. Веблена).

Развивая марксистские взгляды на тенденции капиталистического развития в эпоху империализма (особенно в период Первой мировой войны); критикуя «эволюционистский марксизм» социал-демократов II Интернационала; разрабатывая в новых условиях марксистскую теорию государства и революции; формируя политические основы первого в мире Российского социалистического государства, – *В. И. Ленин одновременно творчески структурирует марксистскую революционную идеологию уже в начальный период практической реализации основных научных установок марксизма. Своеобразная «структуралистская ипостась» марксизма новой эпохи обнаруживается в книге «Детская болезнь "левизны" в коммунизме», в «Очередных задачах Советской власти» и затем в ряде произведений Ильича периода Гражданской войны. Совсем особое место в этом «структурализме» занимают последние речи и статьи вождя РКП(б) и основателя Советского государства.*

Думается, именно «структуралистские творения» В. И. Ленина послужили после его смерти директивой его подлинному ученику и достойному преемнику И. В. Сталину, став основным теоретическим материалом для создания своеобразной *практической модели ленинизма* в работах «Об основах ленинизма» и «К вопросам ленинизма» [см.: 17].

Дальнейшее уточнение указанной модели и прорисовка деталей в структуре ленинизма как марксизма, прораставшего на революционной почве XX в. и на социалистической почве Великой России XX в., проходила под руководством и при активном участии И. В. Сталина, его идейных соратников В. В. Куйбышева, С. М. Кирова, А. А. Жданова, В. М. Молотова, Н. А. Вознесенского, Д. Т. Шепилова, П. Н. Поспелова, М. А. Суслова, Д. И. Чеснокова, П. К. Пономаренко. «Марксистский геном» ленинизма развился в идейно-теоретическом творчестве советских политических мыслителей до уровня феномена «марксизм-ленинизм», который в 1947 – 1953 годах стал прочной научно-идеологической основой целеустремлённой деятельности КПСС как ведущей силы Советского союзного государства.

И лишь начиная с «руководящей» деятельности Хрущева как творца «антисталинской подлости» (Г. Ферр) и его окружения, научно-теоретические принципы марксизма-ленинизма постепенно стали *выхолащиваться* в 60 – 70-х годах, превращаться в ритуальное цитатничество и канонизироваться в деревянные формулы догматизма. Горбачевизм превратил бывшее

российского общества «формального гуманизма». По существу, тот же формальный (юридический) гуманизм лежит в основе современного российского общества «суверенной демократии».

революционное, творчески созидательное учение Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина в безликий «коммунистический брэнд».

После контрреволюционного периода «катастрофы» и «демократических реформ» наша задача заключается в том, чтобы *реконструировать марксизм-ленинизм* в ходе его реставрации как идеологии КПРФ и СКП-КПСС, проявить его неугасимую, научную сущность как *матрицы построения обновлённого социализма* в России и общества реального гуманизма в тех странах, которые с 60-х годов XX в. при поддержке Советского Союза пошли путем социалистической глобализации народной жизни.

На основе структурного анализа процесса развития марксистско-ленинской теории в 50-х – 90-х годах XX века и в первом десятилетии XXI в. можно охарактеризовать (в общих чертах) *12 компонентов марксизм-ленинизма как научной идеологии современного коммунистического движения*. В рамках статьи трудно, конечно, обозначить все основания и источники подобного структурирования, как и отметить хотя бы основные взаимосвязи указанных компонентов. Однако такой эскиз структуры марксизм-ленинизма может, видимо, послужить началом будущего "великого синтеза" его научно-теоретического содержания.

1. Диалектико-материалистическая философия. В этом исходном, теоретико-мировоззренческом компоненте творчески синтезированы такие стороны *философии аутентичного марксизма*, как материалистическая диалектика, философский материализм, материалистическое понимание истории («исторический материализм»), научно-философская антропология, научная теория цивилизации. Здесь творчески «снимаются» основные результаты прошлых философских дискуссий марксистов о единстве «исторического материализма» и «диалектического материализма», о возможности «диалектической логики», о бытии «философии как науки», об исторической эсхатологии человеческого рода и об обществе «реального гуманизма». *Диалектико-материалистическая философия есть зрелая наука о формах всеобщего* [см.: 2], и в этом смысле она предстаёт как магистраль развития «мыслящего духа» (Энгельс) человеческого рода в информационную эпоху.

2. Политико-экономическая наука. Второй базовый компонент современного марксизм-ленинизма имеет своим предметом научно-рациональное размышление о закономерности производства и воспроизводства материальной жизни человеческого рода в геокосмических условиях. Либерально-эволюционистское толкование сущности этого компонента в легальном и каноническом марксизме было связано с тем вульгарно-метафизическим представлением, что материальное производство есть *всегда* производство вещественных благ (товаров), а политэкономия – учение о законах производства и функционирования целокупности этих благ как "богатства народов".

Между тем аутентичный марксизм всегда трактует политэкономия как научную теорию производства, обмена, распределения и потребления стоимостей как *средств* поддержания, улучшения, развития *материальной*

жизни народов в определённой природной среде обитания. Производительный труд – основной источник всякого богатства, а труд вообще как целесообразная жизнедеятельность есть вечная сущностная сила человеческого рода. *Смысл политэкономической теории* – прогрессирующая рационализация производства и распределения стоимостей для совершенствования мировой системы созидания потребительных стоимостей и ради прогресса цивилизованной жизни трудящегося человечества.

3. Социально-политическая теория научного социализма. Как известно, теория социализма стала превращаться из утопии в науку после того, как в «Капитале» Маркса была доказана неизбежность революционной смены капитализма *социализмом как переходным состоянием* индустриального общества на пути к новой, коммунистической общественно-экономической формации. Маркс путём обобщения «Монблана фактов» из жизни западноевропейского капиталистического общества показал, что в эпоху индустриального общества общеисторический закон обобществления труда и производства обуславливает достижение производительными силами человечества качественно нового состояния на мировом уровне развития машиногенной цивилизации.

Со второй половины XIX века наука становится постепенно основным источником прогресса как главной производительной силы индустриального общества (*наёмных пролетариев* – рабочих, техников, инженеров, учёных-прикладников), так и сложных технических орудий труда. По объективному закону соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, открытому К. Марксом и Ф. Энгельсом, качественно новые производительные силы развитого индустриального общества с начала XX в. начинают во всё большей степени входить в конфликт с производственными отношениями традиционного, либерально-рыночного капитализма.

Эпоха империализма начинает переполняться такими радикальными формами указанного конфликта, как пролетарские, буржуазно-демократические, народно-демократические и национально-освободительные революции. На этой волне в мировое революционное движение, особенно после Первой мировой войны, начинает включаться беднейшее крестьянство Востока и Азии, становясь естественным социалистическим союзником пролетариата как «совокупного работника» (Маркс) *нового* индустриального общества.

Внимательно изучая (на примере России и стран Востока) указанную революционную тенденцию, *В. И. Ленин* в ряде своих научных трудов 10 – 20-х годов XX века приходит к выводу, что марксистская теория и тактика пролетарской революции вообще должна существенно обновиться. Следовательно, по Ленину, необходимо на новом историческом опыте существенно обновить каноническую *марксистскую теорию и тактику диктатуры пролетариата* как революционной формы государственности трудящихся в эпоху научно-развитого, постиндустриального общества.

Осмысливая ход глобального революционного процесса в эпоху империализма, *И. В. Сталин* уже в первой лекции из цикла «Об основах

ленинизма» (апрель 1924 г.) писал: «Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было ещё развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась ещё прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развёртывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру Советов» [19, с. 71].

Заслуга Ленина в развитии марксизма не только в том, что он обновил его социально-политическую теорию в новых общественно-исторических условиях, но и в том, что он как вождь «русского коммунизма» (Бердяев) применил творчески развитую теорию научного социализма для осмысления революционного процесса в *уникальной Евразийской цивилизации (Великая Россия)*. В ходе первой и второй русской революции начала XX в. он указал на диктаторскую роль *союза* рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической России и по достоинству оценил *роль Советов как государственной формы пролетарской демократии* в странах с преобладанием крестьянского населения.

Стало быть, особенно в области теории и практики научного социализма «ленинизм является дальнейшим развитием марксизма» (И. Сталин), и потому «основы теории и тактики ленинизма ... пригодны, ... обязательны для пролетарских партий всех стран ...» [18, с. 15]. Значит, ныне творчески развиваемый коммунистами всех стран *ленинизм есть марксизм эпохи глобализации постиндустриального общества*.

4. Основы научной социологии. Основателем канонической социологии как позитивистской теории цивилизованного общества считается О. Конт. Однако на подлинно научную методологическую основу изучения общественной жизни человечества её поставило диалектико-материалистическое (монистическое) понимание истории, развитое К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным, И. В. Сталиным и марксистами XX века.

Открыв *основной закон общественного развития* [см.: 14, с. 7] и указав на сферическую структуру жизни любого *социального организма*, Карл Маркс тем самым предопределил научный подход к уяснению объекта и предмета социологической теории. По ходу последующих исследований социологов-марксистов выяснилось, что если *объектом* социологической теории любого качества может быть *общественная жизнь* народа, то *предметом* научной социологии являются закономерные черты *социальной сферы бытия* любого социального организма. Субстанцией этой сферы общественной жизни выступают материальные отношения человеческих общностей, а социальными субъектами – семейные, классовые, профессиональные, национальные, игровые общности людей. Научно-философской методологией марксистской социологии является, по Ленину, диалектико-материалистическое понимание исторического процесса, т. е. *социальная философия марксизма-ленинизма*.

5. Основные принципы научной политологии. Термин «политология» появился, как известно, в истории буржуазного учения о политике, государстве и праве при теоретическом осмыслении буржуазно-демократических итогов Первой мировой войны. В историческом аспекте предметом политологического осмысления стали «волны демократизации» глобальной политической жизни человечества, сопровождавшиеся соответствующими «откатами»: *первая*, длинная (1828 – 1942); *вторая*, короткая (1943 – 1975) и *третья*, современная (с 1974 г.), – по С. Хантингтону (рус. пер. 2003 г.). С позиций марксизма-ленинизма ясно, что формы и периоды демократизации политической жизни обуславливаются ходом, успехами, итогами классовой борьбы и революций в политической (надсоциальной) сфере общественной жизни народов различных стран.

Указав на закономерную взаимосвязь политической формы борьбы классов с экономической и духовно-идеологической формами, марксисты впервые *научно* определили *сущность политики* как сферы практических отношений между общественными классами по поводу государственной власти, *сущность государства* как властного орудия в руках экономически господствующего класса и *сущность права* как возведённой в закон воли политически господствующего класса.

В таких трудах *В. И. Ленина*, как «Развитие капитализма в России», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Карл Маркс», «Империализм как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь "левизны" в коммунизме», «Очередные задачи советской власти», «Как нам реорганизовать Рабкрин» и других были разработаны в новую эпоху основные принципы *научной, т. е. марксистско-ленинской политологии*. Эти принципы уточнялись и теоретически обогащались в ходе советского социалистического строительства И. В. Сталиным и его соратниками, а с 50-х годов XX в. – теоретиками марксизма-ленинизма (разработчиками «теории научного коммунизма») в различных странах социалистического содружества.

Можно далее указать на *основные принципы марксистско-ленинской (т. е. научной) политологии* в их системной взаимосвязи.

1) Политика есть система классовых отношений по управлению делами цивилизованного общества.

2) Динамика политической системы общества образована государством как главным институтом власти, борьбой политических партий по поводу госвласти и стихийными общественно-политическими движениями.

3) Основное содержание и направления политики определяются характером материально-экономического бытия конкретного общества.

4) Центральная задача социалистической (пролетарской) революции – создание государства трудящихся во главе с совокупным рабочим классом как гегемоном планомерного превращения де бюрократизированной политики в процесс организации общественного коммунистического самоуправления.

5) Узловая функция социалистического государства – планомерное углубление социальной политики.

6) Основной путь развития социалистической демократизации политической жизни общества трудящихся – реформирование представительной демократии в органы непосредственной демократии.

7) Динамичное политическое лидерство – переменная функция управленческого развития всех общностей трудящихся на научно-идеологической основе.

8) Укрепление международного мира в интересах социалистической глобализации – основная цель оборонной внешней политики государства трудящихся.

6. Научные основы коммунистической идеологии. Духовное развитие рабочего класса и других классов трудящихся в процессе политической борьбы с капиталократией осуществляется путём внесения в их сознание *научной идеологии*. Если признать, что марксизм-ленинизм в целом есть *наука* об объективных законах общественного развития человечества, то станет ясно: только система научно-рациональных идей может быть источником верного, эффективного, успешного решения сложных проблем борьбы за освобождение труда от господства капитала, а трудящегося населения – от гнёта буржуазной государственной машины.

Коммунистическая, марксистско-ленинская идеология есть системный продукт научной рационализации всех форм общественного сознания трудящихся современного индустриализма: политической и правовой, моральной, художественной, религиозной, философской. Она составляет основу социального интеллекта как управленческого органа «совокупного работника» (Маркс) информационной эпохи.

Ныне как никогда ранее сильна ленинская формула: «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией». Именно такая теория разрабатывается ныне усилиями мыслителей КПРФ и общественной организации «Российские учёные социалистической ориентации». Узловые положения научной идеологии марксизма-ленинизма пронизывают революционное содержание новой редакции Программы Коммунистической партии Российской Федерации, принятой XIII съездом этой партии при полном одобрении присутствовавших представителей 80 коммунистических и рабочих партий дальнего и ближнего зарубежья России.

7. Реально-гуманистические принципы социальной психологии. Как известно, общественная психология есть исходный, чувственно-эмоциональный уровень зрелости общественного сознания. Осознание повседневной реальности на чувственном уровне, переживание социальной динамики субъектами общественной жизни, коллективное бессознательное человеческого существования суть различные слои и компоненты указанной психологии. У каждого класса индустриального общества, у каждого социального слоя информационной эпохи они специфичны.

Однако *научная психология* с конца XIX в. стала объективными методами исследовать эту субъективную реальность духовной жизни индустриального общества, и в XX веке стала оформляться *социальная психология как наука* о закономерностях психической жизни различных социальных организмов и

общественных классов. Значительный вклад в становление и развитие социально-психологической науки внесли мыслители марксистско-ленинского направления, особенно в области политической психологии масс. Труды Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, А. Грамши, Д. Лукача, И. В. Сталина, С. М. Кирова, Ф. Э. Дзержинского, А. С. Макаренко, А. А. Жданова, Г. М. Димитрова, Мао Цзе-дуна внесли немалый вклад в познание психологии трудящихся масс как в ходе политической борьбы, так и в ходе формирования социалистического образа жизни народов XX столетия. Характерная черта социально-психологической науки марксистско-ленинского направления – *реальный гуманизм*.

Как известно, К. Маркс в XIX в. начал отличать гуманистическую природу формировавшегося научного коммунизма от *абстрактного гуманизма* буржуазных просветителей и социалистов-утопистов. *Коммунизм как идеологическая основа* революционного движения рабочего класса (пролетариата) научно-теоретически выражает глубокие гуманистические интересы трудящихся и формирует реальные цели их революционной борьбы.

Задача социальной психологии в её марксистско-ленинском понимании заключается в том, чтобы сориентировать психику борющихся трудовых масс на нравственно эффективные средства и реалистические формы достижения революционно-освободительных целей. Здесь особенно следует указать на *успехи в развороте духовно-нравственных сил трудящихся при решении практических революционно-гуманистических задач глобального характера* (мобилизация трудящихся на победу в Гражданской войне и создание СССР, развёртывание международного движения «Руки прочь от Советской России», морально-политическая победа советского народа в Великой Отечественной войне, морально-политическая поддержка национально-освободительной борьбы народов «третьего мира», массовое движение за мир против ядерного оружия, молодёжная антиимпериалистическая солидарность, массовая моральная поддержка героев революционно-освободительной борьбы и движения антиглобалистов).

Реальный гуманизм есть научная концепция превращения стихийного освободительного движения в сознательную борьбу за духовное и практическое освобождение трудящихся. Реальный гуманизм коммунистического движения оказывается более эффективной психологической основой освободительной борьбы, чем пацифизм, движение ненасилия и различные формы религиозной духовности.

8. Основы коммунистической этики. Прежде всего отметим, что исследования советских и зарубежных философов-марксистов 60 – 80-х годов XX в. выявили соотношение таких значительных явлений общественной жизни, как нравственность, мораль и этика.

В свете методологии марксизма-ленинизма было показано, что *нравственность* есть область практического поведения людей, действия которых направляются нормами стихийно сложившейся морали. *Понятием «мораль»* в научной философии обозначается форма общественного сознания, связанная с регулированием отношений между личностями и отношений

личности к обществу в повседневной жизни. Мораль социальных слоёв, представляющих прошлое, настоящее или будущее *формационные состояния общества*, обуславливает свободу выбора в поступках личности по отношению ко всем представителям общественности. Морально осознанное поведение личности есть факт её цивилизованной жизни в обществе.

Что же касается этики, то историко-философские исследования давно установили: *этика* есть философская теория отношений между моральным сознанием и практической жизнью людей в гражданском обществе. Предмет этики – свободное отношение личности к другой личности и обществу в цивилизованном мире. Этика представляет собой теорию жизненного поведения социальных групп, регулируемой существующей в цивилизованном обществе моралью. Основными категориями этики являются добро, совесть, долг, честь, достоинство, справедливость, чуткость. Этически оправданный стиль поведения личности в различных жизненных ситуациях принято обозначать понятием «этикет».

Стержневым моментом этики ленинизма является вопрос о существовании «общечеловеческих» моральных норм поведения личности и соответственно – о существовании внеклассовой (надклассовой) нравственности. *В. И. Ленин* в духе марксистской теории морали признавал существование в цивилизованном обществе «простых норм нравственности», которые должны элементарно соблюдаться в «человеческом общежитии». Однако он же категорически отрицал возможность существования в классовом обществе (цивилизация антагонистического типа) «общечеловеческой» (внеклассовой, сверхклассовой) нравственности. *Мораль трудящихся* – основная форма нравственного прогресса человеческого поведения.

Движение народов к обществу свободного от эксплуатации и научно организованного труда есть магистраль морального прогресса. Обращаясь к советской молодёжи на заре социалистического строительства в России, *В. И. Ленин* указывал: «Надо, чтобы всё дело воспитания, образования и учения современной молодёжи было воспитанием в ней коммунистической морали... Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созиданию нового общества коммунистов. Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чём состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения» [см.: 3, с. 309 – 313].

В полном соответствии с марксистско-ленинским подходом к конкретно-историческому пониманию происхождения и сущности нравственности мерилom добра человеческих поступков признаётся *совесть* трудящихся, которая определяет характер долга и чести человека как личности. Не случайно, характеризуя советских людей в период Великой Отечественной

войны как величайшего испытания их социалистической нравственности, наши писатели называли их «люди с чистой совестью». Сущность коммунистической этики с позиции творческого марксизма охарактеризована в известном афоризме В. И. Ленина: «... партия есть ум, честь и совесть нашей эпохи».

О тенденции исторического становления «действительно человеческой морали» высказался один из основоположников научного коммунизма Ф. Энгельс: «Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике» [20, с. 96].

Научная философия исторического становления и развития коммунистической нравственности и морали – вот что такое *марксистско-ленинская этика*.

9. Научные принципы эстетики. Как известно, эстетика есть философская теория прекрасного как сущности красоты. Понятно также, что красота выражает ценностное отношение к гармоничности бытия. В этом смысле *марксистско-ленинская эстетика есть научно-философская теория прекрасного в человеческой жизни и искусстве*.

К. Маркс и Ф. Энгельс в процессе формирования своих эстетических взглядов оценили прежде всего гегелевский диалектический подход к познанию красоты и оценкам прекрасного в художественной деятельности. Жизненным основанием эстетического Маркс полагал подлинно человеческое творчество в сознании «и по законам красоты». Практическая деятельность людей есть основной источник формирования эстетических ценностей, и потому *формирование человечности* органически включает художественное воспитание наряду с физическим, нравственным, трудовым, политическим, интеллектуальным развитием личности. В конкретных направлениях марксистские эстетические принципы развивали в своих трудах Ф. Меринг, П. Лафарг, А. Грамши, Д. Лукач.

Эстетика ленинизма имеет ту особенность, что марксистская концепция эстетического начала в человеческой деятельности была органически соединена с тенденциями революционно-демократической защиты ценностей русского и мирового реалистического искусства. Единство художественного познания и эстетической оценки народной жизни получило квалифицированную философскую интерпретацию в творчестве таких русских марксистов, как Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, А. А. Богданов, В. В. Воровский. Великое значение художественной деятельности и научно-эстетического воспитания в процессе социалистического созидания было оценено в XX в. известными афоризмами В. И. Ленина – «Искусство принадлежит народу» и «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Эстетика ленинизма в высшей мере оценивает роль *искусства* как мощного средства социализации каждого нового члена общества, его приобщения к ценностям, нормам, идеалам классической культуры, которые отвечают также потребностям развития данного общественного уклада, солидарности трудящихся классов, потребностям

цивилизационного прогресса народа, этнической группы и конкретной социальной среды.

Марксистско-ленинская эстетика вырабатывает и развивает в каждую эпоху систему социально-эстетических координат, в которых реально-гуманистически описываются новые художественные явления бытия. Эти научно-эстетические координаты включают историческую конкретность, национальное своеобразие, динамический реализм, классовую ангажированность, народность, политическую партийность и уникальность. Эстетика ленинизма как философская наука индустриальной и информационной эпох строит свои теоретические выводы и методологические обобщения на основе исследований человеческой жизни и искусства в искусствоведении, психологии, семиотике, социологии, кибернетике и информологии. Она позволяет деятелям художественного творчества строить целостные теоретические модели художественной деятельности в новаторском духе.

10. Основы социальной педагогики и теории культурной революции.

Социалистическая революция есть исторический процесс превращения эксплуататорского общества в общество свободных тружеников. В ходе социалистической революции *начинается* системное качественное изменение всех сфер общественной жизни народов в коммунистическом направлении, т. е. начинается глобальный переход от состояния предыстории человечества к его подлинно человеческой истории. Именно в этих условиях традиционный воспитательный процесс как педагогическая сторона социализации новых поколений различных общественных классов преобразуется в *социально-педагогический процесс*, т. е. ступенчатый процесс качественного обновления человеческой природы.

Диалектико-материалистическая философия с момента своего формирования вскрывает *интегративный характер* человеческой природы. Если старые материалисты усматривали предмет антропологии в биосоциальной (культурно-биологической) природе человека, то К. Маркс доказал, что действительная природа человека обнаруживается в истории его «предметного мира», который отчуждён от него в эксплуататорском обществе социального неравенства при провозглашаемом родовом, биокультурном равенстве. Историческое, реально-гуманистическое «возвращение человека к себе» подразумевает воссоединение предметно-деятельной сущности человека с его натуральной социоприродной сущностью.

В аутентичном марксизме деятельность человека рассматривается как способ существования интегративной природы этого родового существа, где в ходе целесообразной деятельности взаимопроникают и целокупно развиваются биологическая, социальная и культурная сущности человека во главе с его *социальной сущностью как ансамблем общественных отношений* конкретно-исторического содержания. Детерминация всех явлений человеческой деятельности носит интегративный характер, что в классовом обществе выглядит как закономерное взаимодействие материально-производственной,

социально-организационной, политико-управленческой и духовно-идеологической сфер жизнедеятельности любого социального организма.

Социалистическое преобразование общественной жизни любого народа есть исторический перелом в эволюционных модификациях человеческой природы в предыстории цивилизованного общества. Здесь коренным образом модифицируется интегративная природа человеческого существа, начиная с качественного изменения глобального способа производства материальной жизни общества. Тем самым обнаруживается *предмет социальной педагогики* – формирование деятельного человека для самого себя, человека – самосознательного труженика, человека – коллективиста, человека – самоорганизатора и человека универсальной духовности. С точки зрения социальной педагогики основным источником сознательной дисциплины, необходимой для поддержания порядка в построении социалистического общества, является *коллективизм*, – потребности общественного созидания, интересы свободы коллектива как «молекулы» нового общества.

Естественно, что решающим условием успеха в развитии социального воспитания может быть лишь *цивилизационная культурная революция*. Обычные, формационные культурные революции в эру предыстории человечества меняли качество культурной стороны человеческой природы без одновременного изменения биосоциальной сущности человека классового общества. *Социалистическая культурная революция* включает системное изменение качеств культурной жизни старого общества: радикальная ликвидация неграмотности всех слоёв населения, введение обязательного среднего общего образования, тотальная организация социального воспитания от детских яслей до нравственно-политического воспитания в трудовых коллективах и домах ветеранов, развитие во всех регионах страны очагов художественного воспитания, создание сплошной сети культуры труда и досуга, совершенствование сети научно-образовательных учреждений. Все эти компоненты культурной революции социалистического типа изначально находятся под контролем и управлением государства трудящихся во главе с партией научного социализма. Духовно-религиозная жизнь народа выводится из системы государственного управления и направляется в автономном развитии исключительно научно-интеллектуальным авторитетом прогрессивной общественности.

В странах с длительной историей индустриализма социалистическая культурная революция должна быть особенно *глубокой*, чтобы противостоять в процессе радикальной модификации человеческой природы тенденциям массовой культуры, издавна насаждаемой правящими эксплуататорскими классами. В странах, где длительное время существует аграрно-индустриальный принцип ведения хозяйства, такая культурная революция должна быть *широкой* в пространственно-временном ракурсе и опираться на интенсивное развитие национальной культуры, вопреки императивам капиталистической глобализации. В этом смысле характерен и показателен опыт *советской культурной революции* в России.

В январе 1923 г. В. И. Ленин писал, что социалистическая революция в нашей стране особенна: «... у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы всё-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурным, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [7, с. 377].

Творчески развивая марксистскую теорию культуры, В. И. Ленин в новых исторических условиях видел авангардную роль пролетариата в революционной модификации человеческой природы не в том, чтобы создавать на пустом месте особую «пролетарскую культуру», а в том, чтобы показать старым классам и всем слоям трудящихся образцы критического наследования классической культуры человечества и в ходе проверки ценности этого наследия, при созидании общества реального гуманизма творить *новые шедевры* материальной, социально-политической и духовной культуры освобождённого человечества. *Только Прометеева культура может укрепить интегративную природу нового человечества при переходе его в эру подлинной истории.*

11. Праксиологическое понимание научно-технического прогресса. В марксистской социологии XX века было показано своеобразными методами, что в рамках постклассической рациональности существует научно-гуманитарная теория рациональной организации человеческой деятельности. Польский академик Т. Котарбиньский обозначил её как *праксиологию*. Социологи соответствующими методами исследуют различные схемы практической и иной деятельности на предмет их эффективности. С этой точки зрения *ленинизм* можно квалифицировать как диалектико-логическую методологию праксиологии эпохи индустриального и постиндустриального общества. В этом ракурсе можно дать *схему научно-технического прогресса как актуального компонента ленинизма*.

Материалистическое понимание *техники* состоит в том, что она равновозрастна с человеческим родом и представляет собой совокупность искусственных материальных средств, предназначенных к повышению эффективности практической деятельности людей. В традиционных обществах техника развивалась усилиями изобретателей и рационализаторов, практически удовлетворявших технические потребности своего общества. С развитием мануфактурного производства начинает интенсивно применяться машинная техника, а в связи с появлением капиталистической формы товарного производства верх начинает брать «принцип крупной промышленности» (Маркс). Перевод капиталистического производства на рельсы машинной индустрии в значительной мере был стимулирован первым в истории капитализма кризисом перепроизводства, разразившимся в 20-х годах XIX века. В ходе борьбы с рабочим движением начала того века западноевропейские

капиталисты в погоне за наращиванием прибыли сообразили, что новая машинная техника может заменять усилия живого труда рабочих и тем "бесконфликтно" гарантировать повышение нормы прибыли.

Подобная эволюция машинной базы капиталистической индустрии послужила основной причиной нарастающих с начала XIX в. вложений капитала в прикладную науку, с помощью которой паровые машины, созданные до этого без всякого участия науки, стали вводиться на водном и железнодорожном транспорте, в корне меняя линию технического прогресса в капиталистическом производстве. Основным источником развития производственной и другой машинной техники становится в этих условиях наука. Естественные, технические, гуманитарные, технологические науки востребованы практическими нуждами крупной промышленности, что резко стимулирует опережающее развитие фундаментальных научных исследований. С середины XIX в. наука становится не только мощной социально-практической силой, что предвидел Ф. Бэкон, но и начинает превращаться со второй половины того же века в «непосредственную производительную силу» (Маркс). *Инженерная деятельность* на службе крупного капитала становится не только источником производственно-технологического процесса, но и каналом превращения результатов профессиональной науки в высокоприбыльную производительную силу помимо живого труда рабочих.

Обобщенно говоря, *К. Маркс* в «Капитале» и подготовительных материалах к нему [см.: 15] показал, что технические и технологические потребности капиталистического производства обусловили превращение научного прогресса в основной источник прогрессивного развития техники, начиная с рубежа XVIII-XIX веков. *Научно-технический прогресс*, как показал позже советский академик Б. М. Кедров, превратился в XIX и XX веках в основной источник развития технической базы капиталистического производства. В эпоху империализма погоня монополий за максимизацией прибылей с помощью нарастающего применения в производстве, бытовой и военной практике достижений научно-технического прогресса (НТП) вскрывает новый факт капиталистической эксплуатации: массовое применение *профессионального труда инженеров, учёных-прикладников и специалистов со средним техническим образованием* становится мощным источником присваиваемой монополистами прибавочной стоимости.

Получается, что в эпоху империализма и пролетарских революций объектом капиталистической эксплуатации становится «совокупный работник» (Маркс) наукоёмкого производства – квалифицированные рабочие, техники, инженеры, учёные-прикладники. Монополистический капитализм становится универсальным эксплуататором физического, умственного и управленческого труда достаточно высокой квалификации. Субъекты такого труда становятся наёмными работниками, т. е. «пролетариатом знаний». В учении Ленина этот факт впервые получил достойную оценку уже в годы революционного обновления России как пионера социалистического строительства.

Исходя из коренных положений марксистской теории общественного развития, *В. И. Ленин* полагал, что основная задача социалистической

революции в отношении НТП состоит в освобождении его от капиталистической формы использования, а задача победившего пролетариата – двоякая: на первых порах социалистического созидания умело использовать старых специалистов науки и техники, а параллельно создавать новую государственную систему научно-технических учреждений и формировать из рабоче-крестьянской молодёжи социалистических творцов НТП. Образцом решения первой части «двойной задачи» В. И. Ленин сделал разработку и реализацию Государственного плана электрификации России.

Первоисточником разработки этого плана перестройки энергетической базы «России социалистической» явился ленинский правительственный документ под коротким заголовком «Набросок плана научно-технических работ» (апрель 1918 г.). Это была директива на установление планомерной связи Высшего совета народного хозяйства РСФСР с Академией наук, начавшей ещё в 1915 году «систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России». Первоначальный план такого сотрудничества, по Ленину, включал «рациональное размещение промышленности в России» для её экономического подъёма, рациональную концентрацию обобществлённого производства, самоснабжение страны важнейшими видами промышленного сырья и научно-техническое совершенствование энергетической базы промышленности и транспорта [см.: 16, с. 228 – 231].

Ленинская стратегия решения второй части указанной задачи состояла, во-первых, в создании и государственной поддержке первой в мире сети научно-исследовательских и проектно-технических институтов и, во-вторых, в образовании на бюджетной основе системы высших и среднеспециальных учебных заведений для планомерной подготовки специалистов в области естественных, общественных, технических, гуманитарных наук. По существу весь этот ленинский план имел высшую цель – подведение прочной научно-технической базы под социально-экономическое и культурное укрепление первого в мире социалистического государства на территории великой евроазиатской державы. Опираясь на научно-технический компонент ленинизма, Советская партия революционного марксизма всего за полвека привела общество свободных рабочих, колхозного крестьянства и народной интеллигенции к космическим высотам мировой державности, к впечатляющим достижениям *научно-технической революции*.

В ленинизме в процессе практического испытания марксистских идей относительно сущности науки и техники была открыта основная закономерность взаимосвязи прогресса общества с прогрессивными линиями исторического развития техники и науки. Установлено диалектическое единство *закона* определяющей роли общественного прогресса в научно-техническом развитии и *закона* интенсивной включенности научно-технического прогресса в социальный. Гуманистический облик НТП возможен только в обществе реального гуманизма. *Дегуманизация НТП есть историческая вина капитализма*.

12. Основы научно-философской теории цивилизации. В. И. Ленин не оставил специальных научных трудов по теории цивилизации. Видимо, он полагал, что эта проблема не актуальна в марксизме XX века и потому опирался на те основы марксистской методологии по философскому рассмотрению теории цивилизации, которые были концентрированно представлены в книге *Ф. Энгельса* «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако известны некоторые узловые высказывания вождя большевиков по вопросам цивилизационной теории.

Так, в статье «Цивилизованное варварство» (сентябрь 1913 г.) *В. И. Ленин* называет Англию и Францию «самыми цивилизованными государствами в мире». Эти «самые цивилизованные, самые богатые, самые свободные» государства обсуждали тогда «трудный» вопрос о прорытии туннеля под Ламаншем. Техничко-экономически вопрос был решен специалистами положительно, но Англия воспротивилась, ибо, по мнению её военных авторитетов, тоннель может облегчить неприятельским войскам вторжение в Англию. С военно-технической точки зрения, пишет Ленин, это вздор. «Но цивилизованные народы загнали себя в положение варваров... Капитализм сделал то, что целый ряд капиталистов, которые потеряют «доходные делишки» от прорытия туннеля, из кожи лезут, чтобы провалить этот план и затормозить технический прогресс» [11, с. 17]. Научно-техническая рациональность оказалась не соответствующей классово-экономической целесообразности. «Капиталистическое варварство, – по Ленину, – сильнее всякой цивилизации».

И далее Ленин выдвигает теоретический тезис, который неоднократно цитировался в советских публикациях 60 – 80-х годов: «Куда ни кинь – на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства – и сделал людей *рабами* этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники – и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров».

Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниёт заживо и не даёт жить тому, что молодо» [11, с. 17].

Социально-философское резюме Ленина послужило марксистам второй половины XX века отправным пунктом для научно-философского обобщения накопившихся в литературе разработок по теории цивилизации в духе марксистско-ленинской методологии (см., напр., мою статью «Философия цивилизации» в журнале «Философия и общество» за 1998 г., № 3, с. 55 – 112). Было показано, что *цивилизация* есть такое постпервобытное состояние человечества, при котором в её локальных (континентальных) очагах производственное накопление материального богатства и развитие институтов социальной свободы обеспечивают, в конечном счёте, гуманистический прогресс культуры. Историческими источниками постепенного перехода различных стран в это состояние выступают, как показал марксизм,

общественное разделение труда, возникновение и борьба классов, управляющая деятельность государства. Именно в цивилизованном состоянии *культура всех народов начинает интенсивно развиваться* и в динамической системе обратных связей оказывать возрастающее влияние на исторический процесс, особенно в эпоху науки.

Основными источниками развития локальных цивилизаций являются прогресс производительных сил и общественных отношений в ходе исторического развития борьбы общественных классов в экономической, идеологической и политической формах. Цивилизации антагонистического типа за последние 6 тысячелетий обнаруживают историческую тенденцию смены (в прогрессивном глобальном направлении) ремесленно-земледельческой формы материальной жизни индустриально-экономической и возникновения феномена *мировой цивилизации*. (С журналистским пережлестом её иногда именуют «человеческая цивилизация» – видимо, для отделения от феномена «внеземная цивилизация»).

С ленинской точки зрения, в ходе формирования мировой цивилизации центральное место занимает процесс окончательного, глобального преодоления всяких *рецидивов варварства* в трудовом содружестве народов. Революционной борьбой во главе с пролетариатом трудящиеся классы путём взятия государственной власти переводят цивилизационный процесс из плоскости прогресса антагонистического (жертвенного) типа в плоскость социалистического типа общественного прогресса для спасения человечества от самоистребления. Именно этот высокий цивилизационный смысл передового социалистического строительства в СССР (а в будущем – в Китае и Индии) усматривал В. И. Ленин в своих последних статьях – завещаниях мировому пролетариату.

В статье «О нашей революции» Владимир Ильич обосновывает фундаментальный тезис о том, что *в российской цивилизации* оказалось целесообразным сначала на основе рабоче-крестьянской власти создать советский строй, а затем с обеспечения определенного культурного уровня *начать созидание цивилизации социалистической формы*. Для реализации этого проекта развития цивилизационного процесса нужно, по Ленину, создание таких «предпосылок цивилизованности», как устранение помещичье-капиталистического господства, установление Советской власти, плановое развитие социалистического производства с опорой на достижения культурной революции и научно-технического прогресса [см.: 8].

Социал-демократическому проекту цивилизационного прогресса, основанному на либерально-догматическом прочтении марксизма, вождь Октябрьской революции противопоставляет *научное понимание цивилизационного процесса в духе творческого марксизма*. Обращая внимание на включение в этот процесс народов Востока как громадного большинства человечества, В. И. Ленин указывает, что нам не только самим нужно успеть «цивилизаться» и обеспечить социалистическое существование «до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим

Востоком», но и показать революционному Востоку, какими путями рабочий класс с помощью новой государственной власти может обеспечить переход крестьянских масс в социалистическую цивилизацию [см.: 5].

Экономической основой материального основания социалистической цивилизации в стране с преобладанием крестьянского населения и начальным уровнем развития капитализма Ленин считал умелое, научно-плановое сочетание крупной машинной индустрии со строем «цивилизованных кооператоров». В статье «О кооперации» он писал, что «... строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [7, с. 374]. Переходной формой от капиталистической цивилизации к социалистической может быть *строй государственного капитализма*. При этом строе кооперативные предприятия суть коллективные предприятия, а если «они основаны на земле, на средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу», то это – предприятия социалистические [см.: 7, с. 376].

В итоге можно отметить, что ленинский путь к социалистической форме цивилизации лежит через научно обоснованное обобществление труда и производства в индустриальную эпоху, через антибюрократическое совершенствование государственной власти трудящихся и через культурно-техническую революцию.

В свете изложенного видно, что в эпоху империализма, пролетарских революций и национально-освободительного поворота в развитии цивилизации творческое развитие марксизма как науки о закономерности общественного прогресса человечества становится жизненной необходимостью для трудящихся всех стран. *Ленинизм* как российская форма такого развития стал ответом на революционный вызов эпохи. *Аутентичный, революционный марксизм стал главным источником ленинизма*, в содержание которого вошли не только модернизированные части классической марксистской теории, но и новые теоретические разделы – такие, как научно-теоретические обобщения прогрессирующей общественной жизни человечества и его взаимодействия с геокосмической природной средой.

В ходе формирования мировой цивилизации практическая реализация революционных идей ленинизма стала источником «раздвоения» единого исторического процесса на новую, социалистическую и старую, капиталистическую линии *глобализации* преобразовательной деятельности трудящихся всех стран. *Наступила эпоха ноосферного развития мировой цивилизации*, и в этих условиях марксизм-ленинизм становится самой эффективной научной базой развития «всеобщего интеллекта» (Маркс).

На рубеже тысячелетий оказалось, что только марксизм-ленинизм как научная идеология мирового коммунистического и рабочего движения может стать праксиологической базой системного решения глобальных проблем современности. Творческое развитие марксистско-ленинского учения стало насущной задачей революционного сплочения всех трудовых и интеллектуальных сил человечества.

Список литературы

1. Есин С. Н. Ленин: смерть Титана. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. – 496 с.
2. Каменский З. А. Философия как наука: Классическая традиция и современные споры. – М.: Наука, 1995. – 173 с.
3. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Полное собрание сочинений. Т. 41. – М.: Политиздат, 1981. – С. 309 – 313.
4. Ленин В. И. Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма // Полное собрание сочинений. Т. 26. – М.: Политиздат, 1969. – С. 43 – 93.
5. Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Полное собрание сочинений. Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С.389 – 406.
6. Ленин В. И. набросок плана научно-технических работ // Полное собрание сочинений. Т. 36. – М.: Политиздат, 1969. – С. 228 – 231.
7. Ленин В. И. О кооперации // Полное собрание сочинений. Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 369 – 377.
8. Ленин В. И. О нашей революции // Полное собрание сочинений. Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 378 – 382.
9. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // Полное собрание сочинений. Т. 23. – М.: Политиздат, 1973. – С. 40 – 48.
10. Ленин В. И. Философские тетради. – Полное собрание сочинений. Т. 29. – М.: Политиздат, 1969. – 753 с.
11. Ленин В. И. Цивилизованное варварство // Полное собрание сочинений. Т. 24. – М.: Политиздат, 1973. – С. 16 – 17.
12. Логинов В. Т. Владимир Ленин. Выбор пути: биография. – М.: Республика, 2005. – 447 с.
13. Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. – 576 с.
14. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е издание. Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – С. 1 – 167.
15. Маркс К. Машины. Применение природных сил и науки // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. Т. 47. – М.: Политиздат, 1973. – С. 351 – 583.
16. Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. Т. 4. / Под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова. – М.: Мысль, 1984. – 320 с.
17. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 652 с.
18. Сталин И. В. К вопросам ленинизма // Сочинения. Т. 8. – М.: Госполитиздат, 1953. – С. 13 – 90.
19. Сталин И. В. Об основах ленинизма // Сочинения. Т. 6. – М.: Госполитиздат, 1947. – С. 69 – 188.
20. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. Т. 20. – М.: Политиздат, 1961. – С. 1 – 338.
21. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. Т. 21. – М.: Политиздат, 1961. – С. 269 – 317.

References

1. Esin S. N. Lenin: Death of a Titan [*Lenin: smert Titana*]. Moscow, Izdatelstvo Astrel; Izdatelstvo AST, 2002, 496 p.
2. Kamenskiy Z. A. Philosophy as a Science: Classical Tradition and Contemporary Debates [*Filosofiya kak nauka: Klassicheskaya traditsiya i sovremennye spory*]. Moscow, Nauka, 1995, 173 p.
3. Lenin V. I. The Tasks of the Youth Leagues [*Zadachi soyuzov molodezhi*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 41* (Complete Works, Vol. 41). Moscow, Politizdat, 1981, pp. 309 – 313.
4. Lenin V. I. Karl Marx. A Brief Biographical Sketch with an Exposition of Marxism [*Karl Marks. Kratkiy biograficheskiy ocherk s izlozheniem marksizma*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 26* (Complete Works, Vol. 26). Moscow, Politizdat, 1969, pp. 43 – 93.
5. Lenin V. I. Better Fewer, But Better [*Luchshe menshe, da luchshe*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 45* (Complete Works, Vol. 45). Moscow, Politizdat, 1970, pp. 389 – 406.
6. Lenin V. I. Draft Plan of Scientific and Technical Work [*Nabrosok plana nauchno-tekhnicheskikh rabot*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 36* (Complete Works, Vol. 36). Moscow, Politizdat, 1969, pp. 228 – 231.
7. Lenin V. I. On Cooperation [*O kooperatsii*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 45* (Complete Works, Vol. 45). Moscow, Politizdat, 1970, pp. 369 – 377.
8. Lenin V. I. Our Revolution [*O nashey revolyutsii*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 45* (Complete Works, Vol. 45). Moscow, Politizdat, 1970, pp. 378 – 382.
9. Lenin V. L. The Three Sources and Three Component Parts of Marxism [*Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 23* (Complete Works, Vol. 23). Moscow, Politizdat, 1973, pp. 40 – 48.
10. Lenin V. I. Philosophical Notebooks [*Filosofskie tetradi*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 29* (Complete Works, Vol. 29). Moscow, Politizdat, 1969, 753 p.
11. Lenin V. I. Civilized Barbarism [*Tsivilizovannoe varvarstvo*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 24* (Complete Works, Vol. 24). Moscow, Politizdat, 1973, pp. 16 – 17.
12. Loginov V. T. Vladimir Lenin. Choice of Paths: Biography [*Vladimir Lenin. Vybory puti: biografiya*]. Moscow, Respublika, 2005, 447 p.
13. Loginov V. T. Unknown Lenin [*Neizvestnyy Lenin*]. Moscow, Eksmo; Algoritm, 2010, 576 p.
14. Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [*K kritike politicheskoy ekonomii*]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Politizdat, 1959, pp. 1 – 784.
15. Marx K. Machinery. Utilization of the Forces of Nature and of Science [*Mashiny. Primenenie prirodnykh sil i nauki*]. *Sochineniya, T. 47* (Works, Vol. 47). Moscow, Politizdat, 1973, pp. 351 – 583.
16. Konstantinov F. V., Marakhov V. G. Materialist Dialectics, Vol. 4 [*Materialisticheskaya dialektika. T. 4*]. Moscow, Mysl, 1984, 320 p.

-
17. Stalin I. V. The Questions of Leninism [*Voprosy leninizma*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1953, 652 p.
 18. Stalin I. V. To the Questions of Leninizm [K voprosam leninizma]. *Sochineniya, T. 8* (Works, Vol. 8). Moscow, Gospolitizdat, 1953. – pp. 13 – 90.
 19. Stalin I. V. Foundations of Leninism [Ob osnovakh leninizma]. *Sochineniya, T. 6* (Works, Vol. 6). Moscow, Gospolitizdat, 1947, pp. 69 – 188.
 20. Engels F. Anti-Dühring [Anti-Dyuring]. *Sochineniya, T. 20* (Works, Vol. 20). Moscow, Politizdat, 1961, pp. 1 – 338.
 21. Engels F. Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy [Lyudvig Feyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoy filosofii]. *Sochineniya, t. 21* (Works, Vol. 21). pp. 269 – 317.

UDC 316.776.3

Crisis Management and Social Effectiveness*

Laura Pana – Politechnic University of Bucharest, Faculty of Automatic Control and Computer Science, Automatic Control and Industrial Informatics Department, Associate Professor, Bucharest, Romania.

E-mail: lapana25@gmail.com

Splaiul Independentei nr. 313, sector 6, Bucuresti, CP 060042,
tel: +(40)21 402 92 69.

Abstract

Systemic change oriented crisis management is the main subject matter of the study. Social action and the ways to improve it with the aim of social effectiveness growth are also studied. New management fields are signaled out; among them, crisis management and change management are accented and concisely presented. The hierarchical structure of the system of effectiveness principles is described and explained. Social effectiveness by systemic change is maybe the best formula for social problem solving. Then, how to make changes is one of questions that our work tries to answer. Can we design, finally, a Science of change, applied by change management? Crisis and (lack or excess of) effectiveness are strongly connected, as showed by our findings. Can effectiveness be one of the foreseeable effects of the current crisis? Systemic change and effectiveness constitutes, however, the central theme of the present study. A system of criteria for social effectiveness is sketched. Economic and global effectiveness as aspects of social effectiveness are pointed out and a general or ultimate criterion of social effectiveness is distinguished.

Keywords: crisis and change management; systemic change; system of criteria for social effectiveness.

Introduction

Successful management techniques were developed in the second half of the XX century for almost all fields of social activity (economic, political or cultural), but the effectiveness of social activity as a whole is not at all modified, as we can see in the middle of the present global crisis. The reason is not only the gap between management theory and practice, nor only the lack of connection between the various activity fields or the defective co-ordination of the whole social system's evolution, but even the way in which social activities themselves are conceived and practiced. In this state of affairs, we can appeal once again to the science and technology of effectiveness – cybernetics. But we also have to find and to apply some new and adequate principles in this area of social research and social intervention in order to make effective cybernetics itself.

Our age seems to be an age of crisis; it presents even a system of crises. The way that the manifestations of the current crises are approached suggests that not all

* © L. Pana, 2014.

the current crises (economic, financial, political, ecological) are spontaneous or necessary. Some of the various types of crises, such as the managerial ones, the crises from the field of labor and of human resources, or the project crisis, all result from or are induced by the way we are conceiving and organizing the cultural and educational processes. A few aspects pertaining to the economic culture, technical culture or spiritual culture are considered in the present paper, where we also emphasize the conditions of social evolution, founded on intellectual education, oriented by a social design, and supported by the development of knowledge-based IT instruments.

We also highlight in our study the natural, informational and sociological bases of an efficient social evolution and organization, with a strong IT involvement, starting from the fact that in certain fields and at certain levels of organization, the automatic evolution or control of processes is the most efficient. The complexity of human evolution and, therefore, the necessity of its efficient orientation also need an action-centered social inquiry by which some new and self-effective principles, norms and rules of action can be formulated according to a few equally new goals, values and criteria in order to establish the effectiveness degree of social action.

The finality of the work is the development of the crisis management research field, as a field of strategic management. The place of crisis management in relation to other management fields such as change management, risk management or emergency management is established. Consequently, we explore, starting from our previous studies, the possibility of developing certain new types of programs of effective social development, information technologies based intellectual techniques included.

1. Systemic Change Oriented Crisis Management

A theory of systemic change oriented crisis management is initiated in the paper, on the basis of the selection and the application of certain principles related to Systems Dynamics, Systems Practice and Human Systems Designing. The proposed theory explains the ensemble of remnant, current or emerging crises in today's society and formulates a methodology for the management of social crises.

The developed theory explains both the great number and the rapid succession of the recent crises, the scope of the current crisis, and the failure of the repeated attempts throughout the last 50 years to solve or to postpone the developing crisis.

Based on this theory, alternative or successive – economic, political, technical – ways of crisis management, attempted in the last historical period, are identified. Obviously, among these ways, the most recent, namely the one based on IT development, was also the most successful.

The same theory offers a methodology (a set of principles) of social organization, starting from the study and the application, for the purpose of Design for Society, of three categories of principles: the evolution principles, the principles of efficient action and the principles of systemic collaborative thinking.

Probable evolutions of nowadays coexisting social systems can be examined on the basis of the same theory and this analysis allows the identification of a solution for social evolution realized as social development.

Social innovation, in its various forms, is also taken into account as a factor in the management of the system of crises; and the possibility of combining the algorithmic and the heuristic as a solution for an efficient social evolution, heuristically oriented and algorithmically realized is assessed.

We also highlight three methods of identifying a global and systemic, but modular and evolutionary, solution which could be sequentially applied for social and cultural models based on different economic, political and spiritual development strategies.

These ways of development tolerate errors, non-standard attempts and aging phenomena, exclude the acceleration of the social processes towards unknown objectives or the recourse to powerful technologies without fundamental knowledge and involve the development and application of new socio-cybernetic technologies as well as the development of intellectual techniques based on information science and technology.

2. Social Action and Social Effectiveness

Important results of social theory and valuable outcomes of cybernetic research can be reconsidered from the perspective of an action and efficacy-centred social inquiry. Our findings on this subject-matter are the followings.

1) Systems can/must be conceived as systems of action: systemic thinking can be completed or even better revised from an action centred perspective.

2) Forms of being and action can be seen as ordered from the minimum to the maximum level of organization, but can be all efficient at the highest level. Thus, efficiency is not univocally dependent on the level of complexity and the degree of organization.

3) The best order is that enabling permanent and complete reorganization.

4) Deep order and maximum level of complexity can be sometimes major impediments for the improvement of a system.

5) We need more and new criteria for social effectiveness because they are necessary in any decision issues but also because effectiveness criteria have also to be proved as effective. A few efficient criteria can be: the number of possible directions/variants of evolution/development and the balance between structure/activity, stability/development, hard/soft and input/output. We also consider that the possibility/availability for internal changes of the system, concerning these aspects, is yet the most important criterion of classification, from the perspective of the inventive thinking and of the social invention.

6) Levels of manageability and complexity are not necessarily correlated; on a scale of governing possibilities, the most ungovernable are the simple but huge systems (mega-systems) and the complex macro-systems (hyper-systems). In the latter case not the size and number of components, but the density, variability, randomness, interaction and speed are important.

7) Society is the most organized and the least controlled system. The explanation is, from our present point of view, the artificial character of social organization. There have been invented numerous new but superficial structures, often reciprocally incommensurable. At the same time, necessary social structures go

through a process of de-structuring. There are promoted super-structured forms of organization, such as multi-organizations. Problem solving is centralized, and global problems are superposed on local ones.

Intelligent social projects, activities and environments are, for now, less efficient than the natural ones; it is now the time for inventive but efficient social knowledge, thinking and action.

Complexity problems cannot be always solved by (intelligent) organization.

In social life, the degree of efficient or intelligent use of information as well as the constitution and development of the intelligent environment can be considered as parts of the efficient answer to the problems induced by the growth of complexity. Nature responded to complexity and instability by multiplication and adaptation.

But past and present studies have not found solutions to a humanly (not just technically or economically) efficient social organization and development, and futurists are tired of launching warnings. Now, social systems are managed, not led, and this seems to be a sign of a healthy rejection of the artificial, exterior (political) control.

Societies are managed from within one or another of their subsystems; for the present advanced societies: the technological one, which is yet almost entirely subordinated to that economic. There are some assumed guiding values, but not clear purposes; global ways are identified, but concrete and adequate means are not. These means have to be available for different cultures and not just for the present, but for the future ones too.

Yet we note attempts to replace not just the political, but even the technical and economic management by the knowledge management, and even some theoretical efforts to set the foundations for the building of a new economy, a culture economy.

3. New Management Fields. Crisis Management

A rich net of new managerial activities and fields can be observed in the present social dynamics:

- information management;
- knowledge management;
- culture management;
- project management;
- invention management;
- time management;
- skills management;
- talent management;
- competence management;
- motivation management;
- performance management; business performance management;
- career management;
- stress management;
- virtual management (virtual factory but all types of virtual works can benefit);
- strategic management.

It is noticeable that all previous fields of management may and need to be based on the last named and that strategic management is not only a general and constantly present concern and it includes a highly prospective attitude.

We also precise that in all these management fields other managerial activities may become necessary:

- change management;
- emergent technologies management;
- risk and emergency management;
- crisis management;
- social management.

A knowledge economy is anticipated for the next historical period, as a preparation of the culture economy [2; 3]. The need for a culture management is then implied, but also a *cultural management* can be anticipated, if even the economic dimension of social life is a part of culture.

The highest importance of culture management and competence management becomes also obvious because these management fields, now in the middle of their ascension, are at the same time really useful for other management fields such as strategic management [1].

Information machine and internet based economies are characterized by firms that are passing to new, recombined and dynamic economic models based on applications able to assist them in the optimization of their relations in the business environment and that are elaborating even network based business models [5].

In economic fields, in which the productive processes or services are digitalized, the creation, circulation and application of new methods and techniques of conception, projection, production and distribution of new, virtual, intellectual and spiritual goods are possible.

The evolution towards a knowledge society also generates a process of integration of research and innovation, which needs a new form of management, the *invention management*. Innovation itself can be conceived as a process. This process implies innovation resources, innovative relations and special institutions efficiently involved in these processes.

By present-day activities and relations that generate virtual groups and organizations that create new forms and even levels of cognition, we think that even a *virtual management* will be required.

The place of crisis management in relation to other management fields such as change management, risk management or emergency management is established.

Social Management (or societal management) is not the ensemble of all these managerial efforts as it is not an equivalent of strategic management taken without its foreseeing dimension. Social or societal management regards the systemic coordination of the social activities as a whole and subsumes, as its own dimensions, social control and social intervention.

It is necessary to add that internal changes and mainly new fields of activity appear in each moment on the chart of management, and that the scale of management levels is open and maybe that we can conceive the ensemble of these

forms and levels of activity as a system, even as a cybernetic system, which ensures an efficient social evolution. Is it a feed-up or a feed-down cybernetic system?

4. Social Effectiveness by Systemic Change

Considered as an age of changes, our age ends with systemic changes that can, either confirm and continue this characteristic trend of the current social evolution, or open a new era, an era in which the current changes will come to an end, within a homogenous and stable global system.

In the latter case, an aspect that should be considered is represented by the nature and the structure of the new social organization, aspects that will also determine the characteristics of its dynamics. The next social order will be necessarily a new one, but at this moment, its structure is hard to predict.

However, we have to formulate rigorous social models in order to avoid both:

- a) spontaneous evolutions towards crisis
- b) failed social experiments at high human costs.

Change management is implied in many, if not even in all represented levels of management. In competence management it refers to the individual, organizational and societal forms of change.

Each of the outlined forms of change is, in fact, a complex of human activities. Organizational change is, for example, a culture based one, i.e. a group or association oriented on and technically realizing social change.

We also have to highlight some methods of identifying a global and systemic, but modular and evolutionary, solution which could be sequentially applied for social and cultural models based on different economic, political and spiritual development strategies. What happens when a single type of system dominates? Are there any encouraged change and permanent development in this situation? The above described ways of development tolerate errors, non-standard attempts and aging phenomena, exclude the acceleration of the social processes towards unknown objectives or the recourse to powerful technologies without fundamental knowledge and involve the development and application of new socio-cybernetic technologies as well as the development of intellectual techniques based on information science and technology.

Some complexity generating problems also need a global intelligent construction and conduct, capable to avoid, at the same time, autocracy and technocracy.

The systemic change can subsume:

- change detecting;
- change prevention;
- change management or, eventually, change correction;
- change prediction;
- change generation.

In order to reach the fifth possible goal in social change (in various fields and with distinct instruments), the search of a methodology (a set of principles) of social organization is needed, and such principles can and must be used from the start of study to their application.

5. Principles of Effectiveness

For the purpose of Design for Society, three categories of principles can be used: substantiating principles, some more operational principles and principles with unmediated efficacy in activities of change and crisis management. There are, in fact, sets or groups of principles.

1. Substantiating principles, such as:

- evolution principles;
- synergy principles;
- principles of efficient action;
- principles of thinking (such as principles of systemic collaborative thinking).

2. Operational principles:

- principle of goals definition;
- principle of priorities setting;
- principles of terms appointing;
- principles of space and time management.

By the last synthetic formula of an operational principle we realize a generalization of the managerial model of time and space. Here we take into account some specific rules to use stable, mobile and variable space units. The right place and moment for various activities are established in different ways in distinct managerial approaches. Our time itself generates a whole vision about the new and perpetually changing physical or virtual environments generated by the computer and internet culture.

3. Principles of actual set up of a change, with an unmediated efficacy:

- reflexive planning of activity and both precise and tactful application of the plan;
- a study of the field, the specific relations and processes as the present trends;
- careful evaluation of resources and costs, advantages and disadvantages;
- competencies defined and appointed as well as responsibilities established;
- consulting and involving interested/affected people;
- anticipation and observation of some obligatory steps and terms;
- periodical evaluation of terms and quality of results;
- critical points anticipation and permanent evaluation of favourable circumstances and difficulties too;
- the study of risk factors and possible unique situations;
- drawing up flexible strategies;
- simulating, if possible, the dominant tendencies as the elaborated models;
- forecasting the whole of the probable outcomes and other consequences;
- planning the continuity of change, which is the most important for the change and crisis management activities;
- rewards allowed and sanctions established.

This set of principles, chosen to obtain or to grow the effectiveness degree of social action, is applicable in any kind of social action but it is intended to substantiate mainly social management.

From the specified perspective, we can note the following remarks.

1. The activity of change management (changes induced by the crisis included)

- has common components with any other management activities;
- is, itself, a complex activity;
- is a meta-activity, because subordinates various types of other activities.

2. Changes do not have to be forced; they can complicate the situation by generating new problems and then they can aggravate the given situation.

3. A higher effectiveness of change management as any kind of managing activity can be marked if the importance of a principle-based education is observed. Here, we pay attention not only to the organizational principles, but to some other kinds of principles as well. Our attitude can be then affiliated to the so called *principlism*, which is, however, mainly a moral trend in thinking.

Another specification becomes useful here, because the common sense tends to reduce all sorts of principles to moral principles. The latter constitutes the fund of principles that supports all other types of principles and legitimates them from the viewpoint of the perspective of the most important values by which action is directed.

In this sense, all principles are moral because of their moral basis, but, in fact, they illustrate a general concealing attitude: they are always based on specific competences, and only in the signaled broader sense, and from a subjective point of view, both principles and other sermonic attitudes can be seen as moralizing.

6. How to Make Changes. Is It a Science of Change Applied by Change Management?

Is to induce necessary changes only a practical problem, or can we create and then others can study the Science of change?

Change is the most natural and the most general phenomenon. To state the permanence of change is, then, natural too. But nature makes only necessary changes, namely, those with the maximal probability of success.

Certainly, nature has exercised changes from the beginning of the time, while we have to make changes in unprecedented and unique, uncertain or even risky situations. If in nature change means any simple form of movement, society is a complex and evolving system, where each change can be a real experiment.

This new level of complexity is sometimes addressed even by scholars dealing with physical sciences like me. Prigogine, who shows [7, pp. 140; 204] that at this level, where the coefficient of dynamism is high, we can expect an increased degree of instability too, especially if the studied social system is not closed and totally controlled, but a new one and opened to fluctuations and innovation. In this case, the future is hard to be predicted because of the multitude of changes which become possible.

Under these conditions, we have to make realistic changes, because these kinds of changes are also feasible. Changes must be measurable, i. e. realism has to be characteristic to the last sequence of action that is evaluated.

What does a realistic change mean? A study-based change, a change prepared by a description of the situation that we have to change, and a change for which we have already established the likely efficacy (both objective and subjective efficacy).

Then, similar to nature, we have to know if the projected action deserves the effort or, in other words, we have to apply the very principle of nature, the principle

of minimal effort. In social and economic terms we have the efficacy balance: the benefits of action must be greater than its costs.

But nature also behaves according to the principle of prodigality and even of prodigality of resources, coordinated with the other principle, the principle of trial-and-error, all these in her effort to ensure continuity (of life, particularly). Efficacy of social action also depends on unconditioned commitment to a goal, determination and sacrifice, as it is related to chance, opportunity and mainly to initiative.

If we take as fundamentals the above formulated ideas, it becomes clear enough that:

- changes cannot be made because we don't know what to do;
- changes are not applications of some old theories, when new ones are lacking;
- efficacy must have mainly internal sources and then changes do not have to be made only at the suggestion of certain superior but exterior instances;
- decisions on change does not have to be taken at random;
- changes are not improvising;
- any change has to take into account (through dedicated studies and even accurate calculi) precise categories of people that will benefit from a new situation generated;
- a continuous evaluation and re-evaluation of the remaining distance between the goal and the already obtained result of the change is beneficial for the global efficacy of the activity;
- we have always to submit and to analyse the results of the initiated change;
- to ensure the continuity of application of the realized change is essential.

A fundamental aspect related to the realism of change is a right understanding and settling of the goal of action. An adequate evaluation of the complexity of purpose, and then a qualified identification and implementation of the set of motivations for a change – a motivation management – are important ingredients of a successful change.

Then we have to consider and to solve, to represent and to communicate problems such as:

- what we aim at by the change;
- why the change is necessary;
- how we can find out if the change is made;
- who is affected and how they will react;
- which part of the change can be realized by the initiator and where we need others; who may be involved;
- will the change be realized in the future, by whom, and who will benefit; other long-term and general consequences.

From a prospective and thoughtful perspective, the main purpose of social change is the public good, but this one is identified in very different ways, in each economic theory or political programme; yet sometimes even pragmatic thinkers determine it as being happiness. French authors name this future desirable state as the joy of living in society when the English speaking ones, as satisfaction with life that can be analysed by some specific social indicators.

A diversity, not only linguistic one but even one of approaches, becomes obvious when we find out that happiness is designed by philosophy, promised by politics and allowed by economy. From this latter, deeply practical viewpoint, some present scholars in social sciences [4] outline that any economic model is bathing in a general vision which includes a representation of the joy to live in society.

The most important request of change management is, in our vision, to generate, to manage, to finalize, to measure and to continue a *successful change*. Change does not have to be made for the sake of change; in such a situation each social actor and even individual may understand what he wants and can act as he considers; consequently, the success will be a temporary one – a motivated success – and will end in inefficacy.

Another important commandment interdicts change at any price and asks for people's accord with the change and precises that implementation of changes does not have to be urged; in other conditions, change encourages inobservance of rules, illicit interactions and illegal initiatives. Undesirable subjective attitudes such as the lack of willingness to assume the responsibility, development of bureaucracy in its wrong sense (often manifested in unfear interpersonal relations at work), can also appear.

Change can generate incertitudes as it may be imposed by incertitudes. In both situations, it has to be introduced and managed in a way that enables people to cope successfully with the results of change. Not only understanding, accord, but involvement in cooperation in the whole process of change are needed.

A change managing team has to be established if the change is urgent, to fix the time limits in which it is opportune, the risks of an intempestive application of change, the proper rhythm, and the likelihood or even the imminence of a disaster that may occur by generating or by impeding a change.

In many cases a postponing of change is decided in order to see if time can solve the problem we have. But, generally, inactivity in social context is not the right solution, mainly because incertitude is a permanent feature of the social system and environment. In the discussed case, a defintory feature of the social existence is extended to the social activity too.

Sometimes a sentiment of a 'broken' management becomes possible, because of the dishearting perspective of the option between a sharp disastrous change and a long-term disaster, caused by indecision or by too slow action.

At the same time, even if rush changes may produce short-term legitimacy, it reduces responsibility. They can also generate unforeseen difficulties that will request supplementary efforts and can determine counter-effective results.

A manager has to distinguish between changes imposed by systemic constrains and changes required by contextual or environmental issues, that may be induced by relations with other systems but can become necessary as consequences of some theories or of some institutionally established obligations.

Besides some other influential present theories that technocrats tend to accreditate the lack of alternatives even in the case of the decision-expert, the main implication of this technocratic attitude here is the idea of a single possible way to be followed in such a complex and mobile social environment as the present one.

For this reason it is important to outline that a change can:

- modify a management way itself, an order or a system;
- introduce a new organization type, system and order;
- produce confusion and disorder or chaos;
- make possible any other change, in any sense.

Generally, when changes cannot be assimilated, managed or beared by a system, because of their multitude and rapidity, they can lead both community and individuals to arbitrary decisions, to abuses in the managing activities and even to anomy in its more or less severe forms.

7. Effectiveness by Crisis?

A classical crisis situation occurs when the lack of effectiveness is generalized and disfunctionalities appear in many or all social fields. By contrast, the present global crisis was generated, in our opinion, among other deep causes – some of them already outlined by us – by a super-efficacy, obtained in a few areas of activities, namely, computing, banking and real estate affairs.

In fact, the first of these star activities of our times is that which made possible an effectiveness of 400% or more in computing and networking as in the next two types of affairs, when by now efficacy got by technology has raised ordinarily to 40 – 50% and only exceptionally, and at a low scale, mainly experimental, at 75 %.

Only nature is close to a hundred per cent (98%) efficacy. We have to add here a necessary specification: human nature is not a part, from this poin of view, of the genuine nature, but it generates a completely new and original kingdom, named human society, where 'human' often denominates mainly an old and idealized representation and less a reality.

To put it clearly, from the perspective of our subject-matter, an artificial or even false efficacy lies on the basis of the present major crisis.

Our epoch is characterized as an 'age of crisis', also because of the large variety and the huge number of crises that occur and persist in practically all fields of activity. The scale of crises comprises, in our days, economic, social, political and moral crises. The economic crises are, in their turn, energetic crises, production, consumption or financial crises. These economic crises are generated by some deeper ones, like crises of labor or crises of education. They have then as consequences some other crises, like the ecological ones.

In order to explain the large number and the enormous variety of contemporary crises, a lot of theories were produced; a notable one is that the main cause of this system of crises is a bigger and stronger one, a managerial crisis. This explanation should be good enough, at a first sight, for it is, in fact, contrary to a few actual trends and evolutions, as it is precisely the above illustrated huge development and diversification of management fields.

This contemporary phenomenon is suggestively hit off by the term 'managerial revolution', and is described by some authors as the replacement of the 'invisible hand' identified by Adam Smith, by the 'visible hand' of contemporary technocrats with special competences in management.

Our own explanation of the present accumulation and cascade of crises is one which regards an even profounder level of social structure, motion and activity, i. e. culture. The way in which values of various sorts such as economic, juridical, moral and political are produced determines the quality, efficacy and finality of social action.

All these fundamental features of individual or collaborative work can be absent if not directed by a set of suitable values. Only in the fast situation in which the entire activity is substantiated by generally practiced values, the produced goods become cultural assets, not only wares, and can allow a life that deserves to be lived and which may have happiness as a permanent, not only as a final goal.

Maybe the main expression of the present cultural crisis that generates all the above mentioned types of crises is the project-crisis. Our civilization gathered together a huge amount of means (technical or intellectual), acquired numberless facilities and created new (real and virtual) environments, as well as an impressive quantity of various goods, but what is the purpose? We can add that some subsystems of the social system are now well managed, mainly by the reminded technical means, but the social realm as a whole and its future seems to be hazy and hazardous.

An analytical study of distinct crises that succeeded in the last 50 years is made in our previous work on social models [6], where several less general explanations and a few tables and even ten concrete examples are furnished and analysed.

Under the present conditions, besides the above outlined specific causes of crises, the latter general causes are in action without interruption, and among these general causes we can name the low, or by contrast, too high effectiveness of the action. Thus we have sequences of action or even entire domains of activity, where effectiveness is proved to be pseudo-effectiveness, low efficacy is a lasting one, and uneffectiveness gets at counter-efficacy.

In such a context we can analyse as final examples, different organizational and social structures and activities like those in banking, auctions or selling and maybe mainly governing activities. Other, particularly high-tech activities, are super-efficient but often with grave, random, risk and even menace generating effects.

Counter-efficacy may be not only a result of the lack of performance in one or more fields of activity, but also the final result and expression of many and continuous social backwards and overlooking, as the accumulation of wrong decisions or indecisions. All these 'minus' preceded, absent or deficient activities, that can also be neglected and forgotten, when added, lead to the snow ball paradigm at a social scale.

The result is that we are really experimenting now phenomena such as de-structuring of institutional structures and de-regulation of social activities. Sub-financing of important social activities and lack of coordination in department activities by the retreat of the state from vital activity fields such as research, transportation and even economic management, are many other 'outstanding' consequences of the lack of **social management** or, at least, **crisis management**.

Maybe the last and most spectacular consequences of such an unreflecting strategy or lack of strategy are: 'negative growth', state insolvency and failure of

some presumed high developed countries as well as the lack of perspective for whole regions of the world.

We are living in a negative variant of what a few important social scientists proposed as positive solutions 30 years ago. Why? Because we were not able to hear in time their voices as well as we have no eyes to see the main future social trends now.

The social innovation, in its various forms, is also taken into account as a factor in the management of the system change or crisis management.

Change management and crisis management require then innovation-critical competences, that suppose:

i) to see the firm, organization or domain as a multileveled and multisided system like society;

ii) to understand their system place in the social system and movement;

iii) to integrate diverse forms, levels and degrees of invention as change resources;

iv) to analyze invention as a system of activities that requires its own type of management, the *invention management*.

A model of the future directs each individual or social project; science offers the methods of creating, and technology – the means of simulating these models. The future society which will be, probably, a knowledge society, will be characterized by a new technical infrastructure, an information structure and by specialized e-activities such as e-work, e-business, e-commerce and even e-government or e-learning.

Knowledge society will be characterized by an institutional structure which allows the efficient use of knowledge, an educational system which prepares the population for knowledge use and generation, by a flexible and dynamic spiritual hyper-structure, able to nourish and support any kind of creation, including the creation of an efficient innovation system.

New business models are developed in information society that precedes knowledge society. Generally, business development is partly scientific, and partly subjective, based on the feelings and wishes of the business owners or markets. There are so many ways to develop a business which achieve growth and improvement, and among these there is rarely just one single best solution.

Success in business by efficacy is difficult to analyze, and hard to apply as a replicable process. 'Change in changing environment!' and 'Change things and change yourself!' may be some suitable formulae for a successful manager. Planning, implementing and managing change in a fast-changing environment is increasingly the situation in which most organizations are working.

Dynamic environments, such as described above, require not only dynamic, flexible and continuous planning and programming, but well trained staff sharing culture organization, prepared for effective optimising organizational response to market opportunities and threats, especially for a successful change management.

Long-term planning is a sound strategic vision, not a specific detailed plan, because the latter is impossible to predict reliably. 'Detailed five years plans are out-of-date two weeks after they were written' as well as 'Focus on detail, for establishing and measuring delivery of immediate actions is necessary, not medium-

to-long-term plans'; these are the newest beliefs of business management professionals.

An entire crisis intervention strategy is sometimes elaborated [4], and some specific crisis intervention skills are recommended and described, for a very large scale of individual or social crises, such as crises that occur by violent behavior in institutions or at home, by personal loss or suicide tentatives, by abuses in schools and other abuses against children or against other categories such as the present day so mediatized, commented and politically exploited sexual assaults.

The most valuable findings in this area are the presented crisis intervention models, some of them very technically described [4, pp. 37 – 40], that are suitable for different 'crisis intervention units' in a few also concretely specified circumstances, as well as a series of crisis intervention activities, rules, and personal or group skills and even habits [4, pp. 41 – 67] that are needed and that can be cultivated.

But 'big crises', the manyfold and global ones, like those we live in now, have not solutions yet and, as we a stated above, complex and persistent systemic disorders need systemic change, not in short-term, improvised and provisional solutions.

8. Systemic change and effectiveness

If a system of activities proves to be inefficient, a change becomes necessary; if all the subsystems of any society are devoid of efficacy, a systemic change is inevitable. Another important truth here is that the change of a system can be made by instituting a new system.

The systemic change can be made by continual and deep sectorial changes that not necessarily implies radical attitudes or sudden actions.

It is also true that the systemic change cannot be realized by half-accomplished, delayed or wrong-conceived reforms.

In all these latter cases the effect will also be pseudo-efficacy, ineffectiveness or counter-effectiveness.

The worst effect occurs when change is rushed, improvised or even left to incident, because the resulted social context will be characterised by arbitrary abuse and even atrocity.

Some aspects of the effectiveness problem have been already discussed in the precedent sections of the article and many other are studied in the dedicated literature, such as those related to personal and interpersonal efficacy or group and organizational effectiveness [8]. Less intensely debated, even if early introduced, are subject matters such as social and human effectiveness.

From our point of view, social efficacy centered perspective and a few other, more operational questions such as effectiveness degrees and effectiveness measurement, that were not analitically discussed enough by now, are particularly interesting.

As indicators and criteria for efficacy analysis, in such terms and in productive systems, in organizations, and in society as a whole, we can consider, among the other possible aspects.

1. The value and the right of using human resource, expressed in the:

- training and competence level of personnel on the basis of some tested aptitudes;
- motivation and stimulation of professional;
- self-evaluation of the staff;
- personal efficacy of employees;
- competence level of professional improvement.

Here we can signal out a very animated debate about the opportunity to develop one or multiple competencies: basic competencies, complementary or supplementary competencies, multiple or advanced competencies. The true option is obviously determined by the size, specialty and by the development perspectives of a firm, organization or society.

2. Economic effectiveness as main dimension of social effectiveness may also be considered, and from this point of view the following aspects can be outlined:

- resources saving;
- resources discovering or/and inventing;
- resources management;
- productivity growth;
- quality and reliability of products improving;
- energetic efficacy ensuring not only wrong consequences eliminating from the implementing and using process of a technology, but even from the beginning of its designing and development stage;
- ecological efficacy allowed by a very diversity and by a proper and dynamic hierarchy of energy forms and levels.

We have to specify here that the two last economic and, more precisely, energetic criteria of effectiveness were discussed by us on the occasion of the international scientific session held in July 27, 2011 at the Biodiversity Research Center of the Romanian Academy.

3. Internal and external motivation, legitimacy and promotion of a productive system, an organization or society as a whole can be outlined from the same, economic perspective. Here the criteria may be those which can show the degree in which the named social units can:

- answer professional demands of working teams, groups as well as social categories and other social actors and agencies;
- legitimate requirements of various organizations and regulating, governing or supervising instances, all of them being distinct from those political ones;
- satisfy community proposed aims and programs;
- give satisfaction for associates and customers if productive or commercial units are in question;
- offer proper and prompt answers to new requirements of international structures and organizations.

4. The continuity and perenity, and, if possible, a certain development degree and a projected rhythm of the system (economic unit, civic or institutional organization, social group, population etc.) by an upper level of the:

- quality of products (which fulfil needs of people, customers, parties or of states). These products can be material, instrumental or virtual, can be new activities,

conditions or relations, various forms of property or cultural attitudes as well as spiritual achievements;

– financial profitableness, that is calculated by comparing the result with that of the corresponding past period or with certain established objectives, but also by

– complex individual and social effects and implications such as educational opportunities; competencies acquiring, diversifying and developing; lifelong occupational and professional satisfaction facilitating; personal and team responsibility encouraging, nursing and cultivating;

– competitiveness ensured and risen, both by economic measures and competence and culture management.

From the economic point of view the effectiveness of a firm, company or organization can also be measured by the degree in which the compared economic indicators are favorable when analyzed and faced with those general and with those of concurrent organizations or companies.

The criteria of efficacy measurement can be pointed out in different ways; for instance, they can be static or dynamic.

If we adopt the static perspective, efficacy can be measured by:

a) the capability of a certain social unit/system to realize precisely defined objectives;

b) the possibility of system (organization, society) to ensure its internal coherence and unity as well as to allow its own continuity in a fast changing environment;

c) connecting the pre-established criteria with those specific for the functioning of the analyzed system because, as we know, it is permeated to privilege those criteria that allow the realization, at a minimal level, of the requests of all component parts of the system, which have different objectives and motivations.

When the dynamic option is operated, we can choose:

α) evolving criteria which refer to factors of internal evolution: in this case, the validity of the life-cycle theory, for any kind of evolving systems – biotic, social or technical – is tested. Various sorts of systems that can also be organizations and institutions of various types, satisfy the eco-biological theory too, because they are characterized by organizational selection, that has as its criteria: flexibility of the system, order-based growth of complexity and a corresponding reduction of uncertainty;

β) other criteria may regard the nature of change, and these changes can be:

> planned changes, i. e. occurred within the system, maybe by goals changing;

> adaptive changes, imposed by new relations and interactions of the system in the context;

> changes that occur by crisis that can be generated by accentuated unbalances, disorders as well as discontinuities and breaks;

γ) criteria imposed by the dynamics of relations between different systems and organizations.

An actual and difficult question reappears here: if a single type of system is dominant in the world, are further change and development possible?

Maybe the most important managerial attitude to be adopted and observed in systemic change, as fundament or at least as condition for a successful crisis management, is to respect and to apply these various kinds of effectiveness criteria as a system.

Then we always have to conceive and build a system of criteria when we work with the aim to generate and to evaluate if changes are made really and deeply and to establish exactly their degree of effectiveness.

A general or ultimate effectiveness criterion may be that of the degree in which a system can change and adapt the environment to its own necessities of development. This criterion, inspired from biological and social anthropology, is also valid for the whole social field.

Some global efficacy criteria are also important to observe by an economy, particularly for the degree and the modalities in which the behavior of its macro- and micro-components are influenced by its general evolution.

The way in which these effectiveness criteria are applied is crucial for choosing and developing the adequate social activities, structures, techniques and decision models. These basic activities, structures and models determine how the corresponding conceptual and even practical models are built and used as well as how and when the theories and doctrines that will substantiate or even generate social change or at least efficient solutions for a current crisis are elaborated.

In the process of change studying, generating and managing, a lot of subjective aptitudes, features and events are also important because:

- » they can be causes both by successes and failures;
- » the experience of manager can indicate how individuals can
 - initiate a change,
 - adapt themselves to change,
 - organize work and life effectively.

Some modern and useful answers to these often hard questions are now offered by the already signaled out management fields such as Carrier management, which is kindred with Time management, and based on Talent management.

In this managerial context, besides the information culture, the computer culture and the culture of computer environment, the culture of a socially-oriented mind, and the prospective culture become necessary now. A question of opportunity remains further, that of the relation between social intervention and social invention: what is more useful and successful: to change old structures or to generate new ones?

The prospective thinking also involves the concern of avoiding certain special forms of loneliness of the human being as self-privileged biological species, as social being often left at the mercy of the chance and as cosmic entity, situated itself on the verge of extinction through ecocide, through progressively abandonment of natural relations and through extreme individual originality.

References

1. Baden-Fuller C., Volberda H. W. Strategic Renewal in Large Complex Organizations: a Competence-Based View. *Competence-Based Strategic Management*. Chichester, Wiley, 1997, pp. 89 – 110.

2. Breton A. Introduction to an Economics of Culture: a Liberal Approach. *Cultural Industries: A Challenge for the Future of Culture*. U.N.E.S.C.O., Paris, 1982, pp. 40 – 50.

3. Filip Fl. Gh. Towards an Economy of Culture and an Information Infrastructure (In Romanian). *Information Society – Knowledge Society: Concepts, Solutions and Strategies for Romania*. Expert Publishing House, Bucharest, 2001, pp. 143 – 156.

4. James R. K., *Crisis Intervention Strategies*, Sixth Edition. Thomson, Brooks & Cole, 2008, 644 p.

5. McKelvey B. Complexity Science as Order-Creating Science: New Theory, New Method. *E-co*, Issue 6, №4, 2004, pp. 2 – 27.

6. Owens I., Wilson T., Abell A. *Information and Business Performance: A Study of Information Systems and Services in High Performing Companies*. Bowker-Sauer, London, 199, 206 p.

7. Prigogine I. *From Being to Beginning*. Editura Științifică, București, 1992.

8. Zlate M. Organizational Efficacy. *Organizational and Managerial Psychology* (In Romanian), Vol. I. Polirom, Iasi, 2004 pp. 189 – 205.

УДК 57(069)

Социально-экономические программы по решению проблем экологии*

Брындин Евгений Григорьевич – Некоммерческая общественная организация – Новосибирский исследовательский центр «Естествоинформатика», директор, Новосибирск, Россия.

E-mail: bryndin@ngs.ru

630090, Россия, Новосибирск-90, ул. Терешковой д.10, офис15,
тел. 8(913)895-82-19.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Человечество своей жизнедеятельностью приближает экологическую катастрофу. Технократический подход к организации жизнедеятельности, нарушающий экологию окружающей среды, заставляет природу обороняться, порождая катастрофы. Человечество переступило черту технологического развития, когда стала уязвима сама Планета.

Результаты: Спасти человечество от экологической катастрофы поможет экологическое мышление и поведение людей, их экологическая ответственность, нравственное отношение к природе; гармонизация жизнестроя благодаря безотходным индустриальным циклам совмещенных производств; формирование экомира: экодому, экогорода, экогосударств. Проблему глобальной экологической стабилизации можно решить путем реализации междисциплинарных социально-экономических программ, таких как, во-первых, экологическая программа «Чистый воздух, чистая вода, чистая пища, чистая энергия, чистые города и села, чистая природа»; во-вторых, программа развития экологической здоровьесберегающей с восполняемыми ресурсами экономики; в-третьих, программа «Развитие здоровьесберегающей медицины и системы здравоохранения»; в-четвертых, программа экологически-ориентированного междисциплинарного образования; в-пятых, программа мирной, гуманной экологической политики; в-шестых, программа гражданского просвещения гармоничной жизни для устойчивого развития; в-седьмых, программа становления справедливой демократии как образа жизни общества.

Область применения результатов: Социально-экономические программы по стабилизации экологии нужно реализовывать в масштабах всего общества под компетентным контролем институализированной инфраструктуры научно-образовательного общества и на основе экологического мышления и поведения всех слоев населения.

Выводы: Мировое сообщество должно будет пойти на решительные меры в области стабилизации экологии окружающей среды, при котором здоровые потребности сегодняшнего населения планеты будут удовлетворяться не в

* © Е. Г. Брындин, 2014.

ущерб будущим поколениям и будут гармонично сочетаться с решением социально-экономических задач и сохранением жизни на планете Земля.

Ключевые слова: экологическая катастрофа; социально-экономические программы по стабилизации экологии; экологическое мышление и поведение населения; становление экомира.

Social and Economic Programs According to the Solution of Environmental Problems

Bryndin Evgeniy Grigorevich – Research Center “Nature Informatic”, director, Novosibirsk, Russia.

E-mail: bryndin@ngs.ru

630090, Russia, Novosibirsk-90, st. Tereshkvoy, 10, office 15,
tel. +7(913)895-82-19.

Abstract

Background: Mankind activity moves to an ecological disaster. The technocratic approach to the organization of activity breaking environment ecology forces to defend the Nature accidents. The mankind crossed line of technological development when the Planet became vulnerable.

Results: Ecological thinking and behavior of people, their ecological responsibility, the moral relation to the nature, harmonization of vital system by waste-free industrial cycles of the combined productions and eco-world formation will help to rescue mankind from an ecological disaster. The problem of global ecological stabilization can be solved by implementation of social and economic interdisciplinary programs, such as, first, the ecological program "Clean Air, Clear Water, Pure Food, Net Energy, Pure Cities and Villages, Pure Nature", secondly, the program of development ecological and health the preserving with the filled economy resources, thirdly, the "Development Health of the Preserving Medicine and Health System" program, fourthly, the program of the ecological focused interdisciplinary education, fifthly, the program of peaceful, humane environmental policy, sixthly, the program of civil education of harmonious life for a sustainable development, seventhly, the program of formation of fair democracy as way of life of society.

Research implications: Social and economic programs for stabilization of ecology need to be realized under the competent direction and control of the institutionalized infrastructure of scientific and educational society and on the basis of ecological thinking and behavior of all segments of the population.

Conclusion: World community will have to undertake decisive measures to stabilize the environmental ecological processes in order to keep modern and future generations supplied with a harmony between the meeting of their reasonable needs, social and economic problems decision, with the life on the Earth being preserved.

Keywords: ecological disaster; social and economic programs for ecology stabilization; ecological thinking and behavior of the population; formation of the eco-world.

Введение

С давних времен человек постоянно изменял внешнюю среду, облегчая свое существование. До определенного момента окружающая среда могла противостоять негативным последствиям вмешательства человека. К изменению ситуации привел дальнейший прогресс человечества. Бурное развитие промышленности, значительный рост населения Земли, появление мегаполисов привели к тому, что окружающая нас среда утратила способность к самостоятельному восстановлению. Сохранение таких тенденций и в дальнейшем может создать угрозу существования самого человечества.

Согласно глобальному антропоморфному научному принципу, Вселенная сотворена для человека [см.: 1]. Этот принцип был предложен с целью объяснить с научной точки зрения, почему в наблюдаемой нами Вселенной имеют место соотношения между фундаментальными физическими параметрами, которые необходимы для существования разумной жизни. Сохранение этих параметров имеет огромное значение для стабилизации экологии окружающей среды и поддержания жизни на земле.

Космология, оперирующая на уровне сверхбольших величин, и физика элементарных частиц – на уровне малых величин, раскрывают нам гармоничное строение Вселенной. Вселенная представляет собой сбалансированный механизм, способный поддерживать жизнь. Научные исследования показали, что определенные значения многих фундаментальных констант, в том числе и социальных, необходимы для существования жизни на земле. Фундаментальные константы свидетельствуют о гармоничном устройстве Вселенной, о ее равновесии, необходимом для обеспечения условий существования жизни.

Для поддержания жизни на земле необходима стабилизация экологии окружающей среды. Экологическое общество России обратилось к общественным движениям с предложением поучаствовать в разработке программ по стабилизации экологии окружающей среды.

Общественное движение «ПРАВСТВЕННАЯ РОССИЯ» и НКО Новосибирский исследовательский центр «ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА» предложили семь социально-экономических программ содействия стабилизации экологии окружающей среды. Социально-экономические программы по стабилизации экологии окружающей среды разработаны в НКО Новосибирский исследовательский центр «ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА» руководствуясь глобальным антропоморфным научным принципом и положениями плана действий «Повестка дня на 21 век», принятого на конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году, предполагающего решение социальных и экономических проблем с учетом требований сохранения окружающей среды и без ущерба для будущих поколений [см.: 2].

1. Социально-экономические программы стабилизации экологии окружающей среды

1.1. Экологическая программа «Чистый воздух, чистая вода, чистая пища, чистая энергия, чистые города и села, чистая природа» нацелена на формирование экомира, во-первых, на повышение качества экологической экспертизы и ответственность малого, среднего и крупного бизнеса по загрязнению воздуха, воды, пищи, территории и природы. Во-вторых, на ответственность экологических служб и власти за экологическое состояние воздуха, питьевой воды, территории города и села. В-третьих, на развитие и поддержку экологических проектов и мероприятий по контролю, учету и сохранению экологии окружающей среды. В-четвертых, на разработку и внедрение автоматизированной системы учета и контроля чистоты воздуха, воды, пищи, энергии, городов и сел, окружающей природы. Информация от автоматизированной системы контроля, поступающая в государственные и общественные экологические контролирующие органы, позволит оперативно реагировать на негативные явления. В-пятых, на внедрение экономического процесса строительства и приобретения жилья на основе долевого участия. Реализация этой программы будет способствовать оперативному решению всех вопросов, направленных на восстановление экологии и использование возобновляемых источников энергии, а самое главное – на превращение земли в заповедник, в котором люди будут жить по экологическим заповедям, не нарушающим естественной природной среды.

Иерархия быта в эком мире строится по цепочке: экогосударство, экогорода, экодома. В экогосударствах, экогородах и экодомах формируются экобыт, экопроизводство и экообщение. Циклы производственных, бытовых и общественных процессов строятся на превращениях, не нарушающих гармонии естественной природы ни на материальном, ни на энергетическом, ни на духовном уровнях. Общество осуществляет превращения, не вмешиваясь в естественный ход природных явлений, в их естественное содержание, не привнося неприродных элементов в окружающий мир ни бытовыми, ни производственными, ни социальными процессами. Общество и человек живут в эком мире в гармонии на основе экологических норм быта, общения и производства. Человек с рождения в семье включается в экожизнедеятельность. Экологическое мышление, эконастрой, экоповедение приводят человека и общество к гармоничному образу жизни в доме, городе, стране и мире. Экологический мир развивается на основе научных достижений, ведущих к безотходным технологиям, не нарушающих баланс природного содержания внешней для общества окружающей среды, животного и растительного мира и жизни на Земле [см.: 3 – 6]. Экожизнедеятельность общества гармонично согласует экологическая здоровьесберегающая экономика с возобновляемыми ресурсами.

1.2. Программа развития экологической здоровьесберегающей с восполняемыми ресурсами экономики путем реализации бюджетных, инновационных, инвестиционных, хозрасчетных и самофинансируемых экономических процессов, соразмерных, сопряженных и согласованных по времени и территориально, по отраслям, по природным и человеческим ресурсам, по интеллектуальной и производственной собственности, по спросу и предложению, по качеству и количеству, по затратам и прибыли, по заработной плате и цене, по обеспечению достатка каждого человека и семьи без нарушения условий восстанавливаемости окружающей среды. Стартовой социальной нормой каждого экономического процесса должна быть норма здорового образа жизни человека. Необходимые ресурсы для реализации такой программы в России есть. Для этого потребуется разработать механизм распределения доходов и юридическую основу и принять законы, реализующие нравственное правило, согласно которому экономический процесс не имеет право на реализацию, если он не обеспечивает стартовой нормой здорового человека участников, выполняющих свои обязанности по производительности труда и качеству выпускаемой продукции или услуг. Социальная программа не имеет право на реализацию, если она не обеспечивает нормой здорового человека всех ее участников. Контроль выполнения этих законов может осуществлять налоговая инспекция. Для динамического согласования экономических процессов необходимо разработать систему оперативного внедрения инновационных предложений и систему регулируемого налогообложения, чтобы экономические процессы в ходе своего функционирования сохраняли соразмерность и сопряженность по спросу населения и предложениям его реализации, по параметрам здоровьесбережения населения и развития человека. Реализация такой программы снимет социально-экономическое напряжение в обществе, поднимет авторитет власти и будет способствовать утверждению справедливости в обществе.

Для обеспечения социальной и экономической стабильности правительство страны, власти регионов и городов совместно с ведомствами и предприятиями различных отраслей экономики рассчитывают балансы страны, регионов, городов и их жителей, которые должны финансово обеспечить производство продуктов, товаров и реализацию услуг здоровой жизнедеятельности и их потребление [см.: 7 – 14].

Государство задает фискальное правило для руководителей предприятий – обеспечить каждого добросовестного сотрудника зарплатой, составляющей не менее месячной стоимости продуктов, товаров и услуг, необходимых для здоровой жизнедеятельности.

Включаются механизмы регулирования для удержания соотношения цены, заработной платы, затрат на производство продуктов, товаров, услуг и прибыли в пределах социально-экономической стабильности:

1. Рыночный механизм регулирования предприятиями повышения производительности труда и качества продукции.

2. Рыночный механизм регулирования секторами экономики и отраслями равновесных цен.

3. Рыночно-государственный межотраслевой механизм регулирования соотношения 1 на границе социально-экономической стабильности за счет корректировки равновесных цен.

4. Государственный механизм регулирования системного нарушения соотношения 1 предприятиями, секторами экономики и отраслями за счет установления равновесных цен.

А также работают фискальные правила экономики:

А. Отсутствие спекулятивных операций.

В. Не меняются цены, если не уменьшилось качество продуктов, товаров и услуг. Уменьшаются цены, если качество ухудшилось.

С. Налоги собираются на оплату неимущественного оптимизированного труда.

Д. Оптимизируется реализация продуктов, товаров и услуг на территориях.

Для составления финансового баланса населения городских и сельских территорий необходимо определение объема финансового обеспечения деятельности субъектов хозяйствования и органов местного самоуправления, увязка материально-вещественных и финансово-стоимостных пропорций на микро уровне, определение источников формирования финансовых ресурсов субъектов хозяйствования и органов местного самоуправления, определение направлений использования финансовых ресурсов субъектами хозяйствования и органами местного самоуправления. Финансовый баланс населения городских и сельских территорий представляет собой свод всех доходов и расходов. Он учитывает профессиональные возможности трудового ресурса, хозяйственно-экономические возможности территорий по их развитию и улучшению качества жизни населения. Он помогает проводить эффективную миграционную политику на территориях страны.

Правильно составленный финансовый баланс населения городских и сельских территорий поддерживает рыночное равновесие спроса и предложения.

Макроэкономическое равновесие достигается как результат совместных действий государства и бизнеса, факторов производства, спроса и предложения, при которых способ использования производственных ресурсов для создания различных продуктов, товаров и услуг и их распределение между гражданами населения сбалансированы. Равновесие – это стабильное использование всех ресурсов и оптимальная реализация экономических интересов всех граждан населения во всех секторах, сферах, структурных элементах экономики.

Динамическое равновесие достигается регулированием ценообразования и межотраслевого баланса равновесными ценами.

Эффективный механизм стабилизации экономики осуществляется покупательной способностью, платежеспособным спросом, уравниванием цен, оптимальным повышением пенсий и пособий, а не вливанием в экономику денег, не обеспеченных товарами и услугами.

Возможности использования стандартных мер регулирования макроэкономической ситуации современной рыночной экономики исчерпаны. Финансирование социальных, экономических и экологических параметров

устойчивого развития не обеспечены. Молодежная безработица грозит потерей экономического потенциала целого поколения.

Перевести мировое сообщество на мировую равномерную здоровьесберегающую экологическую экономику можно путем модернизации современной рыночной экономики и Бреттон-Вудской платежной мировой системы.

Регулятором национальных валют экологической здоровьесберегающей экономики являются производительность труда, качество продуктов, товаров и услуг для здоровой жизнедеятельности, равновесные цены, норма здоровой жизнедеятельности. Производительность труда по выпуску продуктов и товаров и оказанию услуг для здоровой жизнедеятельности с равновесными ценами, с оплатой не менее стоимости стартовой нормы здоровой жизни позволяет перейти к единой мировой валюте.

Введением фискального правила: повышать зарплату только при увеличении производительности труда и качества продуктов, товаров и услуг, избавит экономику от инфляции из-за появления денег, не обеспеченных товарами. Тогда прибыли будут направлены на инновационные технологии производства новых продуктов и товаров и оказанию услуг, или повышение производительности труда и качества существующих продуктов, товаров и услуг, или расширение производства недостающих продуктов, товаров и услуг, имеющих 100% спрос. Такое фискальное правило формирует благоприятную инвестиционную среду для инновационной деятельности со стороны бизнеса. Становление экологической здоровьесберегающей с восполняемыми ресурсами экономики способствует развитию здоровьесберегающей медицины и системы здравоохранения.

1.3. Программа «Развитие здоровьесберегающей медицины и системы здравоохранения». Позиция ожидания больных пациентов лечебной системой медицинских учреждений увеличивает количество больного населения России и ведет население России на высокотехнологичные операции. Здоровая нация формируется на основе здорового образа жизни. Чтобы вывести население России на здоровый образ жизни, необходимо развивать здоровьесберегающую медицину и здоровьесберегающую систему здравоохранения. Здоровьесберегающая медицина будет готовить специалистов по настройке организма на здоровое состояние и здоровый образ жизни. Здоровьесберегающая система здравоохранения будет периодически осуществлять диагностику населения, учить население настройке организма на здоровое состояние и здоровый образ жизни, помогать через оздоровительные профилактические центры настраивать организм на здоровое состояние и переходить на здоровый образ жизни. Здоровый образ жизни обеспечивает человеку здоровье всю жизнь. Здоровое население сформирует здоровое общество. Для этого норма здорового человека должна стать стартовой социально-экономической нормой. Норму здорового человека для подрастающего поколения, инвалидам, пенсионерам может обеспечить динамическая система налогообложения и рента на природные ресурсы,

которые, согласно конституции, принадлежат народу. Трудоспособному населению норму здоровой жизни обеспечит экологическая здоровьесберегающая с восполняемыми ресурсами экономика, как стартовую социально-экономическую норму. Тогда здоровьесберегающая система здравоохранения сможет реализовать экономический цикл восполнения и сохранения здорового человеческого ресурса. Здоровьесберегающая медицина и здоровьесберегающая система здравоохранения переведет население России на здоровый образ жизни. К этому обязывает Указ Президента Российской Федерации № 598 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики по формированию здорового образа жизни граждан Российской Федерации» от 7 мая 2012 года. Перевод населения на здоровый образ жизни осуществляется в четыре этапа. Во-первых, освоение стиля жизни для восстановления и сохранения кислотно-щелочного баланса биологических сред организма. Во-вторых, развитие оздоровительных способностей на духовном, энергетическом, физиологическом и анатомическом уровнях для достижения здорового состояния. В-третьих, приобретение навыков здоровьесбережения для сохранения здорового состояния. В-четвертых, накопление опыта здорового образа жизни навыками здоровьесбережения в различных домашних, социальных и природных сезонных условиях (весной, летом, осенью и зимой) нужно для сохранения здорового состояния в течение года.

Здоровый образ жизни обеспечивает здоровье человеку всю жизнь. Здоровый образ жизни населения формирует здоровое общество [см.: 15 – 22]. Здоровый образ жизни утверждается в здоровом обществе как семейная и культурная традиция и передается из поколения в поколение. Здоровье и экологическое благополучие человека находятся в неразрывном единстве. Важно каждому человеку сформировать экологическое мышление. Этому способствует эколого-ориентированное междисциплинарное образование.

1.4. Программа эколого-ориентированного междисциплинарного образования. В становлении эомира важную роль играет экологическое междисциплинарное образование для формирования экологического сознания человека, когда он получает знания по специальностям и об экологической культурно-профессиональной социальной среде. В культурно-профессиональной социальной среде человек получает результаты и вознаграждения за них в нравственной форме. Междисциплинарное эколого-ориентированное образование нацелено на формирование духовно-профессионального человека и нравственно-профессиональной социальной экологической среды [см.: 23 – 28]. Междисциплинарные знания предписывают, каким образом:

- формировать гармоничную культурно-рациональную коммуникативную смысловую среду на основе гармоничных культурно-рациональных ценностей и знаний по гармонизации жизнедеятельности человека и общества;
- развивать гармоничную культурно-рациональную коммуникативную экологическую практику в гармоничной культурно-рациональной

коммуникативной смысловой среде на основе общественных договоров и солидарных практик для формирования экологической реальности культурного, профессионального здорового общества;

- активизировать участие власти, бизнеса и гражданского общества в формировании гармоничной культурно-рациональной коммуникативной смысловой среды и развитии гармоничной культурно-рациональной коммуникативной экологической практики;

- разработать законодательные акты по ресурсной и финансовой поддержке практических мероприятий по формированию культурно-рациональной коммуникативной смысловой среды и по развитию гармоничной культурно-рациональной коммуникативной экологической практики;

- обеспечить экологическую безопасность формированием гармоничной культурно-рациональной коммуникативной социальной смысловой среды с высоким уровнем культуры и этическим лексиконом общения, с гармоничными культурно-рациональными и экологическими ценностями.

Широкое экологическое образование и просвещение населения – актуальная задача всего международного сообщества, решение которой необходимо найти для стабилизации экологии. Целью экологического образования является формирование социально-экологической компетентности, то есть приобретение знаний об экологическом взаимодействии с природой, умений и навыков экологического взаимодействия, опыта созидательной гармоничной деятельности в природной среде.

Важно также, чтобы экологическое отношение к природе формировалось средствами массовой информации.

Для решения экологических проблем, стоящих сегодня перед человечеством, владение экологически грамотными способами действий в повседневной и профессиональной деятельности – это необходимое, но не достаточное условие. Достаточное условие – это экологическая ответственность людей в становлении экомира. Этому способствует мирная гуманная экологическая политика.

1.5. Программа мирной, гуманной экологической политики. Когда политика направлена на достижение гармонии человеком с обществом и природой и достижение гармонии общества с природой и каждым человеком, тогда она становится мирной, гуманной преобразующей силой. Политика не создает людей, а учитывает их такими, какими их сделала природа. Человек по природе своей существо общественное. Природа общества связана с природой человека. От природы никто не получал права повелевать другими людьми. Власть нужна для организации мирной, гуманной жизни общества, для организации осуществления прав и обязанностей человека. Власть, осуществляющая мирную, гуманную политику, – естественная, полезная для общества, выгодная для государства. Мирная, гуманная политика связана с каждой областью жизнедеятельности общества [см.: 29; 30]. Например, экологическую политику нужно направить на обеспечение экологической

безопасности и экологической ответственности. Культурную политику направить на формирование культуры для достижения духовного экологического благоустройства. Экономическую политику ориентировать на согласованную с природой хозяйственную деятельность, на социально-ориентированную экономику с экологическими производствами и восполняемыми ресурсами, на реализацию потребностей здорового образа жизни, на достижение гражданского, социального и материального благоустройства. И так далее. Чтобы развивать мирную, гуманную экологическую политику, необходимо:

- направить управленческие и организационные усилия и материальные ресурсы на развитие человека и его экологическую ответственность, на становление экомира культурного профессионального здорового гражданского общества,

- развивать мирную, гуманную дипломатию,

- развивать здоровый образ жизни как культурную традицию, чтобы иметь здоровые поколения,

- включить учреждения культуры и духовные конфессии в процесс формирования культурного профессионального здорового гражданского общества,

- перейти на социально-ориентированную экологическую экономику, стартовой нормой которой является норма здорового человека.

Формированию мирной, гуманной экологической политики способствует гражданское просвещение гармоничной жизни для устойчивого развития.

1.6. Программа гражданского просвещения гармоничной жизни для устойчивого развития. Социально-гуманитарной проблемой поликультурного общества России является обеспечение его устойчивого развития. По проблеме устойчивого развития в 1992 году была принята Декларация на уровне глав государств и правительств, в которой провозглашены обязательства государств по основным принципам достижения устойчивого развития.

Позже, в 1992 году состоялся Глобальный Форум 7650 международных неправительственных организаций из 165 стран, включая Международный союз научных союзов. Форум отметил необходимость новой теории, новых знаний в решении проблемы устойчивого развития.

Действительно, развитие общества может быть только гармоничным. Устойчивое развитие общества осуществляется путем гармонизации жизнедеятельности человека и общества. В основе гармонизации лежит духовное умножение, когда разумное, профессиональное, физическое и материальное умножение осуществляется в соответствии с духовным умножением, особенно качественное умножение.

Существует множество духовно-нравственных учений. Ценности всех духовно-нравственных учений декларируют одну цель: направить человека к благоволениям и благодеяниям [см.: 31 – 33]. Роль духовно-нравственного просвещения состоит в осуществлении этой цели. Научить человека, во-первых, вести духовную жизнь по формированию человеческих качеств, во-

вторых, вести нравственную жизнь по проявлению человеческих качеств в благоволениях и благодеяниях. Благоволения и благодеяния являются той общностью, которая делает людей толерантными, то есть стремящимися и способными к установлению и поддержанию этой общности с людьми, которые отличаются мнениями. Именно благоволения и благодеяния в профессиональной, семейной, общественной и личной сферах позволяют гармонизировать человеческую жизнедеятельность. Благоволения и благодеяния как духовно-нравственная целевая установка в жизнедеятельности граждан приводят к солидарному взаимодействию профессиональных практик. Солидарное взаимодействие профессиональных практик на основе благоволений и благодеяний способствует становлению гармоничной культурно-рациональной социальной среды. Гармоничная социальная среда – это среда соразмерная по ценностной целевой установке, сопряженная по знаниям, согласованная по действиям. Гармоничная социальная среда способствует становлению экомира и справедливой демократии как образу жизни общества.

1.7. Программа становления справедливой демократии как образа жизни общества. Согласно статье 3 Конституции РФ, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. С помощью выборов многонациональный народ нанимает власть, чтобы она реализовала статью 7 конституции Российской Федерации. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Для реализации статьи 7 конституции РФ Российская общественная палата совместно с Центральной избирательной комиссией РФ, советом по развитию институтов гражданского общества при президенте РФ и Союзом Координационных Советов России перед выборами президента РФ может выявлять путем общенародного референдума социально-экономические условия улучшения качества жизни народа, с помощью которых граждане могут обеспечить себе достойную жизнь и свободное развитие. Кандидаты в высшие органы власти представляют народу программы по реализации социально-экономических условий, принятых на референдуме. Народ выбирает наиболее реальную программу, кандидата и его команду, способных реализовать намеченные социально-экономические условия улучшения качества жизни народа, с помощью которых граждане могут обеспечить себе достойную жизнь и свободное развитие. Произойдет нравственная профессиональная ротация власти. После выборов народ и органы власти всех уровней реализуют программу создания социально-экономических условий по обеспечению достойной жизни и свободного развития каждого человека и формирование гражданского общества под контролем общественных

институтов. Тогда справедливая демократия станет образом жизни гражданского общества и будет способствовать становлению экомира [см.: 34 – 42].

Заключение

Проблема экологии окружающей среды существует во всем мире. Глобальные проблемы экологии нужно решать сообща. Все страны должны бережно относиться к природным ресурсам и их восполнению; не производить отходы: чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят; разрабатывать и использовать экологические технологии, реализовывать социально-экономические программы по стабилизации экологии, способствующие становлению экомира как образа жизни человечества.

Мировое сообщество должно пойти на решительные меры для решения проблемы стабилизации экологии окружающей среды, при котором здоровые потребности сегодняшнего населения планеты будут удовлетворяться не в ущерб будущим поколениям и будут гармонично сочетаться с решением социально-экономических задач и сохранением жизни на планете Земля.

Список литературы

1. Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: для чего мы живем и каково наше место в мире. – Ярославль: ТФ «Норд», 2001. – 384 с.
2. Коптюг В. А. Наука спасет человечество. – Новосибирск: Издательство СОРАН, 1997. – 343 с.
3. Брындин Е. Г. Философская парадигма целостности Мироздания // Материалы III-его Российского философского конгресса «Рационализм и культура 21 века». – Ростов-на-Дону. – 2003. – С. 137 – 141.
4. Брындин Е. Г. Синергетическая парадигма развития Мироздания // Выпуск №2 Международной конференции «Мироздание – структура, этапы становления и развития». – Днепрпетровск: ДНУ. – 2004. – С. 17 – 21.
5. Брындин Е. Г. Гармония Природы, человека и общества. – Новосибирск: Манускрипт, 2005. – 145 с.
6. Брындин Е. Г. Решение проблем экологии // Международная научно-практическая экологическая конференция «Образование и производство в решении экологических проблем». – Великие Луки: Дом экологического просвещения. – 2013. – С. 10 – 17.
7. Брындин Е. Г. Исполнение нравственного закона – основная социальная мера устранения социально-экономического кризиса // Международный симпозиум «Человек и христианское мировоззрение. Истина, добро и красота: их роль и значение». – Симферополь. – 2007. – С. 264 – 268.
8. Брындин Е. Г. Инновационная здоровьесберегающая рыночная экономика // Международная научная конференция «Горизонты цивилизации». – Челябинск: ООО "Энциклопедия". – 2010. – С. 54 – 66.
9. Брындин Е. Г. Глобальная равномерная инновационная экономика. – Германия: LAP Lambert Academic Publishing. – 2012. – 119 с.

10. Bryndin E. G. Solution of Problems of Resources, Ecology, Health and Poverty // Journal of International Scientific Researches. – 2013. – Vol. 5. – №1 – 2. – с. 86 – 89.

11. Брындин Е. Г. Равномерная здоровьесберегающая зеленая экономика // X Всероссийская научно-практическая конференция «Фундаментальные проблемы модернизации экономики России». – Томск: ТПУ. – 2013. – С. 21 – 27.

12. Брындин Е. Г. Оптимальное управление инновационной здоровьесберегающей экономикой // Репутациология. – 2013. – №4. – С. 22 – 24.

13. Bryndin E. G. Transition to Health Saving Up Innovative Economy // Journal of International Scientific Researches. – 2013. – Vol. 5. – №1 – 2. – с. 65 – 67.

14. Bryndin E. G. Optimum Control of the Innovative Agricultural Economy // Journal of International Scientific Researches. – 2014. – №2. – с. 13 – 15.

15. Брындин Е. Г. Экологическое немедикаментозное здравоохранение // Международный конгресс «Прогресс в фундаментальных и прикладных науках для здоровья человека». – Крым: Судак. – 2004. – С. 81 – 82.

16. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Основы здорового человека и общества. – Томск: ТПУ, 2011. – 302 с.

17. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Основы здорового долголетия. – Германия: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 225 с.

18. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Программа по обучению школьников здоровому образу жизни // II Всероссийская научно-практическая конференция «Создание интегрированного образовательного пространства для развития детской одаренности: детский сад – школа – университет», Часть I: Педагогика одаренности. – Томск: Томский ЦНТИ. – 2012. – С. 182 – 187.

19. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Мониторинг динамики повышения показателей здоровья обучающихся // Международная конференция «Современные аспекты реализации ФГОС и ФГТ». – Красноярск: КрасГМУ. – 2013. – С. 500 – 504.

20. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Как перейти на здоровый образ жизни. – Томск: ТПУ, 2013. – 288 с.

21. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Управление социальной инфраструктурой формирования здорового образа жизни населения // Международный научный симпозиум «Общество и непрерывное благополучие человека». – Томск: ТПУ. – 2014. – С. 102 – 106.

22. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Формирование мировоззрения здорового образа жизни у молодого поколения // 2-ая Всероссийская медицинская научно-практическая конференция «Развитие Российского здравоохранения на современном этапе». – М.: Эдитус. – 2014. – С. 177 – 183.

23. Брындин Е. Г. Роль гуманитарного образования в устойчивом развитии общества // Межвузовская научно-теоретическая конференция «Человек, целостность, духовность». – Оренбург: Оренбургский филиал Уральской академии государственной службы. – 2001. – С. 17 – 19.

24. Брындин Е. Г. Междисциплинарная программа образования основам становления и устойчивого развития гармоничного гражданского общества и природе гармоничной жизнедеятельности // Международная научно-практическая конференция «21 век – век глобальной трансформации Русской культуры и цивилизации». – Новосибирск. – 2003. – С. 469 – 474.

25. Брындин Е. Г. Факультативный курс лекций по социальной философии и культурологии: «Становление культурного профессионального здорового общества как фактор гармонизации гражданского общества» // Международная научно-практическая конференция «Этногенез и цивилизационные перспективы в образовании России». – Новосибирск. – 2004 – С. 595 – 597.

26. Брындин Е. Г. Целостное инновационное образование // IX Международная Научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск: ТПУ. – 2009. – С. 98 – 102.

27. Брындин Е. Г. Междисциплинарное ценностно-ориентированное образование по гармонизации жизнедеятельности человека и общества // Коллективная монография «Образ человека будущего: кого и как воспитывать в подрастающих поколениях». – К.: Издательский дом «Скиф». – 2012. – Т. 2. Глава 6. – С. 96 – 105.

28. Брындин Е. Г. Роль православной культуры в образовании // Международная научно-практическая конференция «Молодежь, семья, общество». – Рязань: Филиал НОУ ВПО «МПСУ». – 2013. – С. 24 – 26.

29. Брындин Е. Г. Гуманная мирная политика становления гармоничного гражданского общества. // II Симпозиум III Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». – Пятигорск: ПЛГУ. – 2001. – С. 44 – 47.

30. Брындин Е. Г. К всеобщему миру через становление гармоничного политкультурного общества // Репутациология. – 2014. – Т. 7, №1. – С. 16 – 18.

31. Брындин Е. Г. Глобализация жизнедеятельности общества // Сборник научных трудов «Духовность и государственность». – Оренбург: Оренбургский филиал УрАГС. – 2001. – Выпуск №2. – С. 58 – 62.

32. Брындин Е. Г. Духовное, гражданское, социальное, материальное благоустройство многонационального единства // I Симпозиум IV Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». – Пятигорск: ПГЛУ. – 2004. – С. 41 – 43.

33. Брындин Е. Г. Духовно-нравственные аспекты поликультурного общества // Международная научно-практическая конференция «Диалог религий в пространстве современной культуры». – Волгоград: ВГУ. – 2009. – С. 517 – 521.

34. Брындин Е. Г. Настройка, стабилизация и развитие гармоничной целостности человека и общества. – Новосибирск: НГУ, 2001. – 181 с.

35. Брындин Е. Г. Развитие гражданского общества в социальном государстве // Международная научно-практическая конференция «Образовательная и молодежная политика в России: проблемы и перспективы». – Новосибирск: НГАУ. – 2006. – С. 149 – 151.

36. Брындин Е. Г. Формирование социальной реальности культурного, профессионального, здорового общества // Межвузовская научно-практическая конференция «Сибирь – сердце России: вчера, сегодня, завтра (политика, экономика, образование, культура)». – Новосибирск: «Архивариус-Н». – 2007. – С. 68 – 75.

37. Брындин Е. Г. Движение гармонии от природной к социальной путем гармонизации человека и общества. – Новосибирск: НГТУ, 2007. – 228 с.

38. Брындин Е. Г. Духовная эволюция. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – 234 с.

39. Брындин Е. Г. Утверждение свободы, равенства и справедливости в культурном профессиональном здоровом обществе // Международная научно-практическая конференция «Социальные, экономические и культурные проблемы современной России». – Новосибирск: РГТЭУ. – 2008. – С. 190 – 196.

40. Брындин Е. Г. Гармонизация жизнедеятельности человека и общества – определяющий фактор их устойчивого развития // Международная научно-практическая конференция «Проблемы и подходы обеспечения качества образования при дистанционном обучении». – М.: Изд-во СГУ. – 2009. – С 40 – 47.

41. Брындин Е. Г. Основы становления гармоничного общества. – Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 226 с.

42. Брындин Е. Г. Становление справедливой демократии // Репутациология. – 2014. – Вып. 7, №. 2. – С. 84 – 91.

References

1. Gooding D., Lennox J. The Human Quest for Significance: Forming a World-View [*Mirovozzrenie: dlya chego my zhivem i kakovo nashe mesto v mire*]. – Yaroslavl, TF «Nord», 2001, 384 p.

2. Koptyug V. A. Science will Save Humanity [*Nauka spaset chelovechestvo*]. Novosibirsk, Izdatelstvo SORAN, 1997, 343 p.

3. Bryndin E. G. Philosophical Paradigm of the Universe Integrity [*Filosofskaya paradigma tselostnosti Mirozdaniya*]. *Materialy III Rossiyskogo filosofskogo kongressa “Ratsionalizm i kultura 21 veka”* (Proceedings of the III Russian Philosophical Congress “Rationalism and Culture of XXI Century”). Rostov-na-Donu, 2003, pp. 137 – 141.

4. Bryndin E. G. Synergetic Paradigm of the Universe Development [*Sinergeticheskaya paradigma razvitiya Mirozdaniya*]. *Vypusk №2 Mezhdunarodnoy konferentsii “Mirozhdanie – struktura, etapy stanovleniya i razvitiya”* (Proceedings on a theme: “The Universe: Structure, Milestones of Becoming and Development», Special issue № 2). Dnepropetrovsk, DNU, 2004, pp. 17 – 21.

5. Bryndin E. G. The Harmony of Nature, Man and Society [*Garmoniya Prirody, cheloveka i obschestva*]. Novosibirsk, Manuskript, 2005, 145 p.

6. Bryndin E. G. Solution of Problems of Ecology [*Reshenie problem ekologii*]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya ekologicheskaya konferentsiya “Obrazovanie i proizvodstvo v reshenii ekologicheskikh problem”* (Proceedings of the International Scientific and Practical Ecological Conference “Education and

Production in Ecological Problems Solution”). Velikie Luki, Dom ekologicheskogo prosvetsheniya, 2013, pp. 10 – 17.

7. Bryndin E. G. Execution of a Moral Law as the Main Social Measure for Social and Economical Crisis Removal [Ispolnenie npravstvennogo zakona – osnovnaya sotsialnaya mera ustraneniya sotsialno-ekonomicheskogo krizisa]. *Mezhdunarodnyy simpozium “Chelovek i khristianskoe mirovozzrenie. Istina, dobro i krasota: ikh rol i znachenie”* (International Symposium “Man and Christian Worldview. The Truth, the Good, the Beauty: Their Role and Meaning”). Simferopol, 2007, pp. 264 – 268.

8. Bryndin E. G. Innovative Health Preserving Market Economy [Innovatsionnaya zdorovesberegayuschaya rynochnaya ekonomika] *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Gorizonty tsivilizatsii”* (International Scientific Conference “Horizons of Civilization”). Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2010, pp. 54 – 66.

9. Bryndin E. G. Global Uniform Innovative Economy [*Globalnaya ravnomernaya innovatsionnaya ekonomika*]. Germany, LAP Lambert Academic Publishing, 2012, 119 p.

10. Bryndin E. G. Solution of Problems of Resources, Ecology, Health and Poverty. *Journal of International Scientific Researches*, 2013, Vol. 5, Nom. 1 – 2, pp. 86 – 89.

11. Bryndin E. G. Uniform Health Preserving Green Economy [Ravnomernaya zdorovesberegayuschaya zelenaya ekonomika]. *X Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Fundamentalnye problemy modernizatsii ekonomiki Rossii”* (X All-Russian Conference “Fundamental Problems of Modernization of Russian Economy”). Tomsk, TPU, 2013, pp. 21 – 27.

12. Bryndin E. G. Optimum Control of the Innovative Health Preserving Economy [Optimalnoe upravlenie innovatsionnoy zdorovesberegayushey ekonomikoy] *Reputatsiologiya* (Reputiology), 2013, №4, pp. 22 – 24.

13. Bryndin E. G. Transition to Health Saving Up Innovative Economy. *Journal of International Scientific Researches*, 2013, Vol. 5, Nom. 1 – 2, pp. 65 – 67.

14. Bryndin E. G. Optimum Control of the Innovative Agricultural Economy. *Journal of International Scientific Researches*, 2014, Nom. 2, pp. 13 – 15.

15. Bryndin E. G. Ecological Drug-Free Health Care [Ekologicheskoe nemedikamentoznoe zdravookhranenie]. *Mezhdunarodnyy kongress “Progress v fundamentalnykh i prikladnykh naukakh dlya zdorovya cheloveka”* (International Multidisciplinary Congress “Progress in Fundamental and Applied Sciences for Human Health”). Sudak, 2004, pp. 81 – 82.

16. Bryndin E. G., Bryndina I. E. Healthy Man and Society Bases [*Osnovy zdorovogo cheloveka i obschestva*]. Tomsk, TPU, 2011, 302 p.

17. Bryndin E. G., Bryndina I. E. Healthy Longevity Bases [*Osnovy zdorovogo dolgoletiya*]. Germany, LAP Lambert Academic Publishing, 2012, 225 p.

18. Bryndin E. G., Bryndina I. E. Healthy Life Style Syllabus for School Children [Programma po obucheniyu shkolnikov zdorovomu obrazu zhizni]. *II Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Sozdanie integrirovannogo obrazovatel'nogo prostranstva dlya razvitiya detskoj odarennosti: detskiy sad –*

shkola – universitet”, *Chast I: Pedagogika odarennosti* (II All-Russian Scientific and Practical Conference “Creation of the Integrated Educational Space for Children's Endowments Development: Kindergarten – School – University”, Part I, Pedagogy of Endowments). Tomsk, Tomskiy TsNTI, 2012, pp. 182 – 187.

19. Bryndin E. G., Bryndina I. E. Students Health Indicator Dynamics Increase Monitoring [Monitoring dinamiki povysheniya pokazateley zdorovya obuchayuschikhsya]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya “Sovremennye aspekty realizatsii FGOS i FGT* (International Conference “Modern Aspects of Federal State Learning Standard and Federal State Requirements Realization”). Krasnoyarsk, KrasGMU, 2013, pp. 500 – 504.

20. Bryndin E. G., Bryndina I. E. How to Pass to the Healthy Life Style [*Kak pereyti na zdorovyy obraz zhizni*]. Tomsk, TPU, 2013, 288 p.

21. Bryndin E. G., Bryndina I. E. Social Infrastructure of Forming Population's Healthy Life Style Management [Upravlenie sotsialnoy infrastrukturoy formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy simpozium “Obschestvo i nepreryvnoe blagopoluchie cheloveka”* (International Scientific Symposium “Society and Continuous Prosperity of a Man”). Tomsk, TPU, 2014, pp. 102 – 106.

22. Bryndin E. G., Bryndina I. E. Formation of Worldview of Healthy Lifestyle at Young Generation [Formirovanie mirovozzreniya zdorovogo obraza zhizni u mladogo pokoleniya]. *2 Vserossiyskaya meditsinskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Razvitie Rossiyskogo zdravookhraneniya na sovremennom etape”* (2nd All-Russian Medical Scientific Practical Conference “Development of Russian Health Protection at the Present Stage”). Moscow, Editus, 2014, pp. 177 – 183.

23. Bryndin E. G. Role of the Humanities in Sustainable Society Development [Rol gumanitarnogo obrazovaniya v ustoychivom razvitii obschestva]. *Mezhvuzovskaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya “Chelovek, tselostnost, dukhovnost”* (Interuniversity Scientific Practical Conference “Man, Integrity, Spirituality”). Orenburg, Orenburgskiy filial Uralskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby, 2001, pp. 17 – 19.

24. Bryndin E. G. Foundations of Formation and Sustainable Development of Harmonious Civil Society and Nature of Harmonious Vital Activity Interdisciplinary Syllabus [Mezhdistsiplinarnaya programma obrazovaniya osnovam stanovleniya i ustoychivogo razvitiya garmonichnogo grazhdanskogo obschestva i prirode garmonichnoy zhiznedeyatelnosti]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “XXI vek – vek globalnoy transformatsii Russkoy kultury i tsivilizatsii”* (International Scientific and Practical Conference “The XXI century – the Century of Global Transformation of Russian Culture and Civilization”). Novosibirsk, 2003, pp. 469 – 474.

25. Bryndin E. G. Optional Lectures on Social Philosophy and Theory of Culture: “Formation on Cultural Professional Healthy Society as a Harmonization of Civil Society Factor” [Fakultativnyy kurs lektsiy po sotsialnoy filosofii i kulturologii: “Stanovlenie kulturnogo professionalnogo zdorovogo obschestva kak faktor garmonizatsii grazhdanskogo obschestva”]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Etnogenez i tsivilizatsionnye perspektivy v*

obrazovaniy Rossii” (International Scientific and Practical Conference “Ethnogenesis and Civilization Perspectives in Russian Education”). – Novosibirsk. – 2004 – С. 595 – 597.

26. Bryndin E. G. Integral Innovative Education [Tselostnoe innovatsionnoe obrazovanie]. *IX Mezhdunarodnaya Nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Lingvisticheskie i kulturologicheskie traditsii i innovatsii”* (IX International Scientific and Practical Conference “Linguistic and Cultural Traditions and Innovations”). Tomsk, TPU, 2009, pp. 98 – 102.

27. Bryndin E. G. The Interdisciplinary Value-oriented Education on Harmonization of Vital Activity of Man and Society [Mezhdistsiplinarnoe tsennostno-orientirovannoe obrazovanie po garmonizatsii zhiznedeyatel'nosti cheloveka i obschestva]. *Obraz cheloveka buduschego: kogo i kak vospityvat v podrastayushchikh pokoleniyakh* (Image of the person of the future: Whom and How to Bring Up in Growing-Up Generation). Kiev, Izdatelskiy dom “Skif”, 2012, V. 2, Ch. 6, pp. 96 – 105.

28. Bryndin E. G. The Role of the Orthodox Culture in Education [Rol pravoslavnoy kultury v obrazovanii]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Molodezh, semya, obschestvo”* (International Scientific and Practical Conference “Youth, Family, Society”). Ryazan, Filial NOU VPO “MPSU”, 2013, pp. 24 – 26.

29. Bryndin E. G. Humane Peace Policy of Harmonic Civil Society Foundation [Gumannaya mirnaya politika stanovleniya garmonichnogo grazhdanskogo obschestva]. *II Simpozium III Mezhdunarodnogo kongressa “Mir na Severnom Kavkaze cherez yazyki, obrazovanie, kulturu”* (The II Symposium of the III International Congress “Peace in the North-Caucasus through Languages, Education, Culture”). Pyatigorsk, PLGU, 2001, pp. 44 – 47.

30. Bryndin E. G. To the Universal Peace through Formation Harmonious Polycultural Society [K vseobshemu miru cherez stanovlenie garmonichnogo polikulturnogo obschestva]. *Reputatsiologiya* (Reputiology), 2014, V.7, №.1, pp. 16 – 18.

31. Bryndin E. G. Globalization of Vital Activity of Society [Globalizatsiya zhiznedeyatel'nosti obschestva]. *Dukhovnost i gosudarstvennost* (Spirituality and Statehood). Orenburg, Orenburgskiy filial UrAGS, 2001, №2, pp. 58 – 62.

32. Bryndin E. G. Spiritual, Civic, Social, Material Improvement of Multinational Unity [Dukhovnoe, grazhdanskoe, sotsialnoe, materialnoe blagoustroystvo mnogonatsionalnogo edinstva]. *I Simpozium IV Mezhdunarodnogo kongressa “Mir na Severnom Kavkaze cherez yazyki, obrazovanie, kulturu”* (The I Symposium of the IV International Congress “Peace in the North-Caucasus through Languages, Education, Culture”), Pyatigorsk, PGLU, 2004, pp. 41 – 43.

33. Bryndin E. G. Spiritual and Moral Aspects of Polycultural Society [Dukhovno-nravstvennyye aspekty polikulturnogo obschestva]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Dialog religiy v prostranstve sovremennoy kultury”* (International Scientific Practical Conference “The Dialogue of Religions in the Space of Modern Culture”). Volgograd, VGU, 2009, pp. 517 – 521.

34. Bryndin E. G. Tuning, Stabilization and Development of Harmonic Integrity of a Man and Society [*Nastroyka, stabilizatsiya i razvitie garmonichnoy tselostnosti cheloveka i obschestva*]. Novosibirsk, NGU, 2001, 181 p.

35. Bryndin E. G. Development of Civil Society in a Social State [Razvitie grazhdanskogo obschestva v sotsialnom gosudarstve]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Obrazovatel'naya i molodezhnaya politika v Rossii: problemy i perspektivy"* (International Scientific and Practical Conference "Educational and Youth Policy in Russia: Problems and Perspectives"). Novosibirsk, NGAU, 2006, pp. 149 – 151.

36. Bryndin E. G. Formation of Social Reality of Cultural, Professional, Healthy Society [Formirovanie sotsialnoy realnosti kulturnogo, professionalnogo, zdorovogo obschestva]. *Mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Sibir – serdtse Rossii: vchera, segodnya, zavtra (politika, ekonomika, obrazovanie, kultura)"* (Interuniversity Scientific Practical Conference "Siberia Is a Heart of Russia: Yesterday, Today, Tomorrow (Policy, Economy, Education, Culture)"). Novosibirsk, Arkhivarius-N, 2007, pp. 68 – 75.

37. Bryndin E. G. Motion of Harmony from Natural to Social by Harmonization of a Man and Society [*Dvizhenie garmonii ot prirodnoy k sotsialnoy putem garmonizatsii cheloveka i obschestva*]. Novosibirsk, NGTU, 2007, 228 p.

38. Bryndin E. G. Spiritual Evolution [*Dukhovnaya evolyutsiya*]. Pyatigorsk, PGLU, 2007, 234 p.

39. Bryndin E. G. Assertion of Freedom, Equality and Justice in Cultural Professional Healthy Society [Utverzhdenie svobody, ravenstva i spravedlivosti v kulturnom professionalnom zdorovom obschestve]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Sotsialnye, ekonomicheskie i kulturnye problemy sovremennoy Rossii"* (International Scientific and Practical Conference "Social, Economic and Cultural Problems of Modern Russia"). Novosibirsk, RGTEU, 2008, pp. 190 – 196.

40. Bryndin E. G. Harmonization of Vital Activity of a Man and Society Is a Determining Factor of Their Sustainable Development [Garmonizatsiya zhiznedeyatel'nosti cheloveka i obschestva opredelyayuschiy faktor ikh ustoychivogo razvitiya]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Problemy i podkhody obespecheniya kachestva obrazovaniya pri distantsionnom obuchenii"* (International Scientific and Practical Conference "Problems and Approaches in Providing the High-Quality Education during Distance Learning"). Moscow, SGU, 2009, pp 40 – 47.

41. Bryndin E. G. The Foundations of Formation Harmonious Society [*Osnovy stanovleniya garmonichnogo obschestva*]. Germany, LAP Lambert Academic Publishing, 2012, 226 p.

42. Bryndin E. G. Formation of Fair Democracy [Stanovlenie spravedlivoy demokratii]. *Reputatsiologiya* (Reputiology), 2014, Vol. 7, №2, pp. 84 – 91.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130. 2

Основные положения культурного эволюционизма Л. Уайта*

Выжлецов Павел Геннадиевич – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: vyzhletsov@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В рамках антропологической традиции Л. Уайт обосновал новое направление — культурный эволюционизм, который основывался на концепции эволюции культуры. Однако оценки его научного вклада различны. Так, одни исследователи считают, что он обосновал новое направление в культурной антропологии и, как следствие, новую науку — культурологию, другие же, что только новую школу. Кроме того, в статье рассматриваются как основные тенденции развития антропологии, сложившиеся под влиянием Л. Уайта, так и два основных направления развития культурологии в России в настоящее время.

Результаты: Концепция культурной эволюции Л. Уайта явилась итогом переосмысления им идей классического эволюционизма. Согласно Уайту, особенность культурной эволюции заключается в том, что одна форма культуры вырастает из другой и перерастает в третью. Также он предложил новое определение термина «культура», обосновал понятие «культурология» и выделил предметную область соответствующей науки, разработал методологию системного подхода к изучению культуры.

Область применения результатов: Основные направления развития культурологии в России, выделяемые по отношению к теоретическому наследию Уайта, обозначают траекторию объективного понимания как истории науки, так и её теоретических основ.

Выводы: В процессе рассмотрения развития культурологии в России выделяют два основных направления как в истолковании термина «культурология», так и в выявлении основ этой науки. Направление, чрезмерно широко трактующее термин «культурология», широко понимает и дисциплинарные основы культурологии, порой не относя к ним даже культурную антропологию. В результате это приводит к историографической

* © П. Г. Выжлецов, 2014.

неточности, что в итоге оборачивается размыванием предметной области культурологии.

Ключевые слова: культурная эволюция; культурная антропология; культура; системный подход; символ; поведение; культурология.

Basic Ideas of L. White's Cultural Evolutionism

Vyzhletsov Pavel Gennadyevich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Associate Professor, PhD, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: vyzhletsov@mail.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,

tel: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Background: In the framework of the anthropological tradition L. White started a new trend i. e. cultural evolutionism, which was founded on the conception of cultural evolution. But evaluations of his theoretical works are different. Thus, some researchers consider White to have founded a new trend in cultural anthropology and as a result a new science i. e. culturology, while the others think him to establish a new school only. The paper deals with the main stages of anthropology development, which were formed under L. White's influence, and basic trends of culturology development in Russia at the present time.

Results: L. White's concept of cultural evolution was the result of his reconsideration of some principles of classical evolutionism. According to his views, a special feature of cultural evolution consists in the idea that a certain cultural form originates from the other and develops into the third one. White has given a new definition of the term 'culture', formulated the concept of 'culturology', brought up its subject of inquiry, worked out methodology of systematic approach in cultural studies as well.

Research implications: Guidelines of culturology development in Russia based on the relation to White's theoretical heritage, express the outlook on both the history of culturology and its theoretical foundations.

Conclusion: Two basic trends both in interpreting the term 'culturology' and in formulating the principles of the science could be distinguished in Russian culturology. The first one treats the term 'culturology' too broadly even forgetting about cultural anthropology as one of its basis. This leads to historiographical inaccuracy and misunderstanding the subject of culturology.

Keywords: cultural evolution; cultural anthropology; culture; systematic approach; symbol; behavior; culturology.

Л. Уайт выступил критиком психологической антропологии с одной стороны [1, с. 32] и школы Ф. Боаса в американской антропологии – с другой. Одни считают, что он обосновал новое направление в культурной

антропологии и, как следствие, новую науку — культурологию, другие же, что только новую школу.

Уайт Лесли Элвин (1900 – 1975) – выдающийся представитель американской культурной антропологии, родоначальник культурологии как науки.

Вследствие того, что наследие Л. Уайта огромно, его труды подразделяют на три группы. Основная его концепция воплощена в работе «Эволюция культуры» (один том опубликован в 1959 г., планировалось издать ещё три тома). Кроме того, ряд монографий, созданных на основе полевых исследований пуэбло, например, «Индейцы-ако-ма» (1932), «Пуэбло Санта-Ана, Нью-Мексико» (1942). Ещё одну группу составляют работы, содержащие исследование жизни и творчества антрополога Л. Моргана, в частности, двухтомное издание «Пионеры американской антропологии: Переписка Банделье с Морганом, 1873 – 1883» (1940) [2, с. 33 – 35].

В школьные годы Л. Уайт хотел стать физиком или астрономом. Однако в силу ряда обстоятельств он поступил в университет лишь в сентябре 1919 года, а до этого во время первой мировой войны служил во флоте. Он вспоминал: «Война глубоко изменила мои жизненные цели и мировоззрение. Во время войны я вдруг обнаружил, что все, чему меня официально или неофициально учили, и что я знал о моем обществе, моей стране и обо всем с этим связанным, было сильным искажением реальности. И поэтому, поступив в колледж, я решил выяснить, чем определяется поведение *народов*» [2, с. 10].

В период учебы в университетах (сначала в университете штата Луизиана, а затем в Колумбийском) Уайт сначала изучал историю и политологию, а затем психологию, социологию и философию. Магистерскую диссертацию он защитил по психологии и в 1924 г. был удостоен степени магистра.

В начале 1920-х годов в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке Уайт начал слушать курсы по антропологии. Здесь он изучал антропологию у Александра Гольденвейзера – «самого яркого преподавателя из числа последователей Боаса» [2, с. 11] – и некоторое время разделял и отстаивал взгляды этой школы.

О нескольких последующих годах Уайт вспоминал так: «Мне по-прежнему было интересно то, что я называл тогда “народами” (а не “культурой”). Поэтому я отправился в Чикагский университет изучать социологию. Социологию я забросил, осознав, что она кажется мне сплошь состоящей из теории и в очень малой степени – из фактов. Шило социологии я поменял на мыло антропологии затем лишь, чтобы обнаружить, что у антропологов есть масса фактов, но нет никаких идей» [2, с. 11].

За эти годы Л. Уайт подготовил диссертацию «Знахарские общества Юго-Запада», за которую в 1927 году был удостоен степени доктора философии в Чикагском университете. В том же году он стал преподавателем социологии и антропологии в университете Буффало, а в 1930 г. он перешел в Мичиганский университет на должность старшего преподавателя и с тех пор работал на факультете антропологии. По-видимому, в силу разных обстоятельств

(приверженность материалистической традиции, развитие эволюционной теории и др.) Л. Уайт получил звание профессора лишь в 1943 г. [2, с. 13].

В Мичиганском университете он читал как общие факультативные курсы «Эволюция культуры» и «Мышление первобытного человека», так и специальные курсы для антропологов. Признание профессионального сообщества пришло довольно поздно – в 1957 г., когда Мичиганский университет отметил его наградой «За выдающиеся достижения в области преподавания», причём она вручалась впервые. Л. Уайта «... приглашали читать лекции в Колумбийском, Гарвардском, Йельском, Чикагском, Калифорнийском университетах и в Яньцзинском университете в Пекине» [2, с. 36].

В 1962 г. Л. Уайту предложили возглавить Американскую антропологическую ассоциацию [3, с. 749].

Как в американской, так и в российской традиции научный вклад Л. Уайта рассматривается в основном с трёх позиций. Так, согласно Г. Барнсу, это:

«... 1) возрождение и реабилитация (в измененном виде) учения о культурной эволюции, обоснованного и подкрепленного большим объёмом информации, чем тот, что имелся в распоряжении эволюционистов старшего поколения (классических), и уточнённого более пристальным анализом ... при рассмотрении предмета;

2) дальнейшее развитие и точное определение понятия культуры как главного объекта антропологического исследования;

3) ... утверждение тезиса о том, что культура как со стороны её описания, так и с точки зрения эволюционного развития должна быть вверена новой и самостоятельной науке ... – культурологии, которая если не составляет всю антропологию, то ... является самым большим и важным её разделом» [2, с. 19].

Согласно российской традиции, в частности, Л. А. Мостова находит научный вклад Уайта более значительным. Так, она полагает, что Л. Уайт «создал новую концепцию понятия культуры» и «переосмыслил концепцию эволюции культуры» [3, с. 749] и на протяжении статьи делает акцент на большей самостоятельности культурологии как науки в сопоставлении с Г. Барнсом. Например, Г. Барнс видел в самой культурологии в значительной степени «проект», связанный с перспективой будущего развития.

Прежде чем рассматривать три приведённых положения, необходимо обратить внимание на некоторые теоретические и мировоззренческие аспекты становления Л. Уайта как учёного.

Известно, что поначалу он разделял антиэволюционистскую установку школы Ф. Боаса, но уже к 1930 г. взгляды Уайта претерпели изменения. Выделяют несколько факторов, приведших к этому.

С 1927 г. Уайт начал преподавать и, как он вспоминал, «в бытность свою аспирантом автор этих строк впитал антиэволюционные доктрины школы Боаса. Но, начав преподавать, вскоре обнаружил, что не может защищать эту точку зрения, а затем – что уже не в состоянии её придерживаться» [7, с. 49]. Кроме того, на переход Уайта к эволюционным воззрениям оказали влияние

как практика полевых исследований индейских племён, так и путешествие по России и Грузии в 1929 г.

Практика полевых исследований индейцев подвигла его на прочтение книг Л. Моргана, а впоследствии – Э. Тайлора и других эволюционистов. Так, если идеи Моргана оказали на него влияние в плане обращения к эволюционизму, то представления Тайлора в большей степени внесли вклад в осмысление культуры [2, с. 21].

Во время путешествия по России и Грузии Л. Уайт впервые ознакомился с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, особенно с аспектами, касавшимися сути и развития цивилизации. В связи с тем, что, разрабатывая проблему происхождения семьи, Энгельс опирался на идеи об общественной эволюции Моргана, Уайт утвердился в важности эволюционизма как подхода. Более того, работы Маркса и Энгельса помогли ему понять те причины, по которым учение Моргана о значении частной собственности для развития культуры подвергалось нападкам как со стороны католической церкви, так и буржуазных экономистов [2, с. 21 – 22].

Кроме отмеченного влияния на Уайта идей Л. Моргана и Э. Тайлора и отчасти марксизма на его становление как антрополога оказали воздействие теоретические представления А. Крёбера (статья «Надорганическое», 1917), Э. Дюркгейма и В. Оствальда. Согласно Г. Барнсу, «эти люди помогли ему увидеть ... необходимость и целесообразность специальной науки для изучения природы и развития культуры, которую он окрестил культурологией, позже обнаружив, что еще в 1915 г. известный химик Оствальд уже использовал этот термин в точно таком же значении» [2, с. 22].

Понятие «культура». Рассмотрим выделенные Р. Барнсом позиции в несколько другой последовательности, начиная с понятия «культура», так как именно природа последней считается «основой идеологии и рабочего инструментария д-ра Уайта» [2, с. 23]. Сам Уайт цитировал классическое определение культуры, данное Э. Тайлором, и считал себя наследником этой традиции.

Согласно Уайту, животное не обладает культурой – культура принадлежит исключительно человеку. Основой данного положения является то, что только человек способен создавать и воспринимать символы, то есть исключительно он обладает «способностью к символизации». Уайт пояснял это так: «Тезис, который мы выдвинем, ... состоит в том, что между сознанием человека и сознанием не-человека имеется *фундаментальное* различие. Это – различие природы, а не степени. И пропасть между двумя типами имеет огромное значение ... Человек использует символы, чего не делает ни одно другое живое существо. Организм или обладает способностью символизировать, или не обладает; никаких промежуточных стадий здесь нет. Символ можно определить как вещь, ценность или смысл которой придают те, кто ею пользуется. ... Человеческие организмы придают смысл физическим вещам или событиям, которые тем самым становятся символами... Все символы должны иметь физическую форму, иначе они не были бы доступны нашему опыту» [8, с. 36 – 37].

Кроме того, именно использование человеком символов, в первую очередь слова, является основным условием происхождения и существования культуры, которая есть способ жизни и деятельности «человеческого животного».

Он подчёркивал: «Вся культура (цивилизация) находится в зависимости от символа. Именно использование способности к символизации и привело к возникновению культуры, и именно использование символов приводит к тому, что культура может себя продолжать. Без символа не было бы культуры, а человек был бы просто животным, а не человеческим существом. Артикулируемая речь – это сама форма символического выражения... Одним словом, без символического общения в той или иной форме мы не имели бы культуры. В “Слове было начало” культуры – а также и её продолжение» [8, с. 45 – 46].

В данном контексте Уайт провёл различие между «символическим» и «несимволическим» поведением, подчеркнув при этом принципиальное условие происхождения человека: «Поведение человека бывает двух различных родов – символическим и несимволическим. Человек зевает, потягивается, ... кричит от боли, вздрагивает от страха ... и так далее. Несимволическое поведение ... помимо человека, свойственно не только прочим приматам, но также и многим другим видам животных. Однако человек общается с себе подобными посредством артикулируемой речи, пользуется амулетами, исповедует грехи, устанавливает законы, соблюдает требования этикета, истолковывает свои сны ... и так далее. Этот тип поведения уникален; только человек к нему способен; он является особенностью человека потому, что или состоит из использования символов, или зависит от него. Несимволическое поведение Homo sapiens – это поведение человека-животного; символическое поведение – это поведение человека как человеческого существа. Именно символ превратил человека из просто животного в животное человеческое» [8, с. 46 – 47].

Результат процесса символизации Уайт обозначил термином «символат» и выделил три класса последних, считая, что все они относятся к культуре: «идеи и отношения», «внешние действия», «материальные объекты» [3, с. 749 – 750].

В конечном счёте, Л. Уайт предложил следующее определение культуры, способствовав прояснению и уточнению основного предмета исследования антропологов, доступного опытного познанию: *“Таким образом, культура представляет собой класс предметов и явлений, зависящих от способности человека к символизации, который рассматривается в экстрасоматическом контексте”* [9, с. 26].

Кроме того, поскольку культура уникальна в том смысле, что она присуща только человеку, и изучать её должна специальная наука – культурология.

Эволюция культуры. Ранее уже отмечалось, что Л. Уайт обратился к изучению работ классиков эволюционизма Л. Моргана, Э. Тайлора и др. В результате он опроверг, по-видимому, главный аргумент Ф. Боаса и его последователей, который они выдвигали против эволюционизма. Так, в лекции, прочитанной в 1907 г., Боас утверждал, что эволюционисты заимствовали

теорию эволюции из биологии, вследствие чего она не применима к изучению культурных явлений. Л. Уайт, напротив, доказал, что эта теория не была заимствована у Ч. Дарвина, так как, например, в предисловии к книге «Древнее общество» Л. Морган цитировал Горация, т. е. находил её истоки ещё в античности. Кроме того, Г. Спенсер предложил свою философскую гипотезу относительно эволюции до Ч. Дарвина в 1852 г. [3, с. 750].

Согласно Л. Уайту, «теория эволюции в приложении к культуре так же проста, как та же теория в приложении к биологическим организмам: одна форма вырастает из другой» [10, с. 538]. И здесь он поясняет своё высказывание, цитируя Э. Тайлора: «Ни одна стадия развития цивилизации не возникает сама по себе, но вырастает или развивается из предыдущей стадии. Это – основной принцип ...» [10, с. 538].

С точки зрения Л. Уайта, мир включает в себя три уровня реальности («организации»), с учётом которых необходимо исследовать каждое явление: «физическая», «биологическая», «культурная». На этом основании он систематизировал подходы к изучению культурных процессов и способы их интерпретации, предложив особый культурно-эволюционный подход.

Уайт писал: «... 1) временной процесс является хронологической последовательностью единичных событий; его изучает история; 2) формальный процесс представляет явления во вневременном, структурном и функциональном аспектах, что дает нам представления о структуре и функции культуры; 3) формально-временной процесс, представляющий явления в виде временной последовательности форм; его интерпретацией занимается эволюционизм. Таким образом, мы различаем исторический, формальный (функциональный) и эволюционный процессы в отличие от просто исторического (временного) и “научного” (вневременного)» [11, с. 561].

Задача и специфика этого подхода заключается в выявлении общих черт, а, например, не в уникальности событий: «Предположим, мы изучаем мятежи и восстания с точки зрения формально-функционального подхода. В таком случае мятеж А интересует нас не тем, чем он отличается от других (хотя это, безусловно, так), но тем, чем он схож с другими мятежами. Время и место не играют роли; нам не важно, произошло восстание в декабре или в мае, во Франции или в России. Нас интересует мятеж как таковой; нам необходимо сформулировать некие общие постулаты, которые равно можно применить к любому мятежу. Нас интересует универсалия, которая сможет объяснить все частности» [11, с. 567].

Кроме того, Л. Уайт разработал энергетическую концепцию культурной эволюции. Прежде всего, следует отметить, что согласно его воззрениям культуру необходимо осмысливать из неё самой, из внутренне присущих ей законов и принципов. Законы культурных явлений и систем выявляются на основе познания как принципов взаимодействия элементов культуры, так и культурных систем в целом. Уайт исходил из того, что человеческий род есть единое целое, и отсюда следовало положение, что существует единая культура человечества, состоящая из множества различных культур и традиций. Поэтому

он считал возможным выявление общих черт и закономерностей развития культуры вплоть до настоящего времени [3, с. 751].

Согласно Уайту, культура есть целостная интегрированная система, которая состоит из четырёх «компонентов» (иначе «классов культурных явлений»): «... мы можем разделить компоненты культуры на четыре категории: идеологическую, социальную, технологическую, а также категорию чувств или оценок» [7, с. 54].

Согласно Уайту, четвёртый компонент, т. е. чувства, оценки, запреты, формируют такие «установки» («субъективный аспект»), которые необходимы людям для существования. Так, он уточняет: «Отвращение к молоку, отношение к целомудрию, к змеям, летучим мышам, к смерти ... – всё это возникает и обретает свою форму и экспрессивность в человеческом обществе за счет способности к символизации...» [7, с. 55].

Сама же культура как система включает в себя три первые составляющие, или подсистемы. Так, «идеологическая» подсистема состоит из «представлений», которые в общем можно охарактеризовать и как знания: «Представления о том, что Земля круглая (или плоская), что совы приносят несчастье, что, когда в глину добавляется примесь, керамика получается лучше, что у человека есть душа или что все люди смертны» [7, с. 54]. Эти представления находят воплощение в мифологии, теологии, философии и науке. «Социальная» подсистема включает в себя «обычаи, правила и модели поведения, институты и т. п.» [7, с. 55]. В свою очередь, «технологическая» подсистема предполагает «изготовление и использование орудий и приспособлений» [7, с. 55].

В результате Л. Уайт пришёл к заключению: «Таким образом, мы видим, что культура во всех её аспектах — идеологическом, социальном и технологическом — удовлетворяет внутренние, духовные потребности человека в той же мере, что и его внешние, материальные нужды» [7, с. 59].

Вместе с тем, отмечая важность и взаимосвязь всех подсистем, Уайт делает следующий вывод: «Назначение и функция культуры в том, чтобы сохранить и продлить жизнь рода человеческого» [7, с. 56]. Иными словами, основное предназначение культуры заключается в том, чтобы обеспечить человечеству как особому биологическому виду возможность выживания и приспособления к миру. Поэтому «технологическая» подсистема оказывается основной в культурной системе: «Технологический фактор является основным; остальные зависят от него. Более того, технологический фактор определяет ... форму и содержание социального, философского и эмоционального секторов. Технологическую базу систем, образуемых культурой, довольно легко продемонстрировать. Все живые организмы способны поддерживать себя как индивидов и сохранять себя как вид, только если определен минимален минимум приспособления к внешнему миру достигнут и поддерживается. Должна быть еда, защита от стихий и оборона от врагов. Эти жизнеподдерживающие и жизнепродлевающие процессы являются технологическими в широком, но вполне реальном смысле, то есть они осуществляются за счет материальных, механических, биофизических и биохимических средств» [7, с. 68 – 69].

Основной функцией «технологической» подсистемы и поэтому культуры в целом выступает овладение энергией и использование её на благо человека. Поэтому культура выступает у Уайта как сложная термодинамическая система [см.: 3, с. 751].

Он обозначает общий план истории культурной эволюции человечества во взаимосвязи со степенью овладения им энергией. Здесь Уайт наряду с современной стадией развития выделяет две эпохи культурного прогресса человечества:

- «земледельческая революция»;
- «топливная революция»;
- открытие атомного ядра как нового источника энергии [см.: 2, с. 28].

«Земледельческая революция» произошла в период завершения дописьменной эпохи и способствовала переходу к цивилизации. Она связана с разведением растений и одомашниванием животных, причём для Уайта: «Растения и животные – это, конечно же, формы и величины энергии, а занятия земледелием и животноводством – средства овладения этой энергией и обращения её на службу человеку ...» [2, с. 28 – 29].

«Топливная революция» заявила о себе в XVIII в. и стала результатом использования энергии воды, угля, нефти, паровых двигателей и двигателей внутреннего сгорания.

В связи с открытием атомного ядра как нового источника энергии Уайт предупреждал о том, что культурная эволюция создала цивилизацию, но она же может и уничтожить человечество в результате термоядерного взрыва.

Следует выделить и то, что Л. Уайт напрямую связал развитие культуры с количеством потребляемой энергии, за что подвергся критике. Он писал: «Мы можем суммировать свои рассуждения об энергии и орудиях труда в следующем законе культурного развития: *культура прогрессирует по мере того, как увеличивается количество энергии, используемой на душу населения в год, либо по мере увеличения эффективности или экономичности средств контроля над энергией, либо когда действуют оба этих фактора*» [7, с. 107 – 108].

Так, он сформулировал положение, которое порой называют «законом эволюции культуры», или «законом Уайта» [3, с. 751]. Относительно научного значения концепции культурной эволюции исследователи, в частности, отмечают следующее: «Главная новизна подхода д-ра Уайта к культурной эволюции и предложенной им модели разработки этого поля состоит во временных рамках, которые он устанавливает, и в особом акцентировании роли энергии в культурной эволюции» [2, с. 27].

Обоснование культурологии как науки. Исследователи полагают, что обоснование культурологии как самостоятельной науки стало результатом последовательного развития американской культурно-антропологической традиции, выделяя в ней определённые уровни исследования. Так, Уайт начал с опытного этнографического описания культурных явлений. Следующим уровнем стало сравнительное этнологическое изучение сходства и различий между локальными культурами. Идея культурологии предполагала более

высокую степень теоретического обобщения и «качественно новый уровень развития науки» – «выявление закономерностей человеческой культуры в целом» [3, с. 751].

Некоторые исследователи полагают, что в процессе обоснования культурологии как науки Л. Уайт ответил на вопрос, интересовавший его с юности: «Что же определяет поведение людей?» [3, с. 751].

С этих же концептуальных позиций Уайт проводил различие между поведением животных и человека в индивидуальном и общественном аспекте. Так, например, поведение собаки независимо от того, индивидуальное оно или групповое, определяется её биологическим организмом, который выступает в данном случае «детерминантой». У человека же как вида на символическом уровне поведение изменяется в зависимости от внебиологического фактора – культуры. Он писал: «Человеческое поведение – функция культуры: $V = f(C)$. Если изменяется культура, то изменяется и поведение» [12, с. 146].

Кроме того, Уайт уточнял, что для человека сама группа определяется культурой: «Но для человека как вида сама группа определена культурной традицией: найдем ли мы в ... человеческом обществе ремесленную гильдию, клан ... или рыцарский орден, зависит от его культуры. Открытие этого класса детерминант и отделение средствами логического анализа этих экстрасоматических культурных детерминант от биологических – как в их групповом, так и в их индивидуальном аспектах – стало одним из значительнейших шагов вперед в науке за последнее время» [12, с. 146 – 147].

Далее следует отметить то, что сама идея создания самостоятельной науки о культуре выдвигалась во второй половине XIX в., в частности, Э. Тайлором. Сам же термин «культурология» был предложен немецким химиком и философом В. Оствальдом в 1915 г. В связи с этим исследователи подчёркивают, что «... д-р Уайт оказался именно первым *антропологом*, использовавшим термин “культурология”. Если он формально и не был первым, кто предложил и применил этот термин, он, безусловно, раньше всех обосновал, защитил и развил его. Он с таким же правом может называться “отцом” культурологии, с каким Огюст Конт считается отцом социологии» [2, с. 24].

Уайт подчёркивал: «... Значение слова “культурология”: оно выявляет связь между человеческим организмом, с одной стороны, и экстрасоматической традицией, какой является культура, – с другой. Оно носит творческий характер; оно утверждает и определяет новую науку» [12, с. 156].

Возникновению культурологии предшествовали изучение человеческого мира, т. е. становление антропологии как науки, открытие социума и выделение его в самостоятельный объект изучения в конце XIX – начале XX в., когда возникла социология, и лишь к середине XX в. была выделена культура как целостная единица, обладающая собственными законами существования и развития, ставшая предметом культурологии.

В русле разработки культурологической проблематики российские исследователи усматривают научный вклад Л. Уайта в том, что он «определил

предметное поле культурологии», «обосновал использование термина “культурология”» [3, с. 751] для особой науки, предложил системный подход для исследования культуры как целостного образования.

Если охарактеризовать системный подход как своего рода общую методологию исследования, то наряду с ним Л. Уайт использовал локальные методы «моделирования» и «интерпретации». Например, метод «моделирования» предполагает допущение, что культуру можно изучать так, как будто бы она существует независимо от человека.

Исходя из американской традиции общественных наук, Г. Барнс, считая Л. Уайта родоначальником культурологии, критикует некоторые положения его концепции. В первую очередь, согласно Барнсу, культурология – это ещё только «продуктивный и дерзкий проект, почти как социология во времена Конта». Кроме того, относительно изучения развития культуры, он же замечает: «... пока ни д-р Уайт, ни кто-либо из его последователей ... еще почти ничего не сказали нам о том, в чем же реально заключаются этот ход развития, законы и тенденции, не проиллюстрировали и не продемонстрировали их подробно на примере из прошлого или настоящего» [2, с. 25].

Кроме того, согласно Барнсу, в научных гипотезах и методологии Уайт опирается на принцип последовательного «исторического материализма», причём: «Это идет не от Маркса ... а от диктуемого здравым смыслом предположения, что основная черта любой культуры – “труд бытия”, или проблема выживания... Тот акцент, который он делает на важности технологии и на ее важнейшем продукте – энергии, естественно и логично вытекает из этой изначальной приверженности историческому материализму» [2, с. 31].

В заключение следует привести оценку научного вклада Л. Уайта, данную его учеником М. Салинсом. М. Салинс критикует Уайта за крайний «детерминизм» в осмыслении культуры, вследствие чего в её системе человек оказывается сродни «кукле». Он пишет: «Культура, по Уайту, представляла собой некий независимый саморазвивающийся порядок, и человеческое поведение не могло быть ничем иным, как частным выражением этого порядка. Культура была *детерминирующей*, человеческие существа – *детерминируемыми*. ... в подкрепление этого ... взгляда Уайт однажды сказал, что индивид подобен беспилотному воздушному судну, управляемому радиоволнами с земли» [6, с. 58].

Значение и перспективность концепции Л. Уайта Салинс связывает с разработкой проблемы символа и символического как специфики культуры: «Говорить о том, как люди организуют их жизненный опыт и придают ему форму, значит затронуть то, что составляло обратную – “символическую” – сторону антропологических выкладок Уайта. “В символе, – как выразился Уайт, ... – сокрыты происхождение и основа человеческого поведения” ... В этом прослеживался взгляд на культуру как на феномен специфического рода – взгляд, который воспринял и я. Анализ культуры ... для Уайта ... был вопросом исследования особых и уникальных *человеческих* качеств этого феномена. Ни

для какой обезьяны, – говорил Уайт, – ... не существует разницы между святой водой и дистиллированной водой, ведь, с химической точки зрения, таковой действительно нет... Иным словом, упорядочивание ... мира с помощью знаковых, или символических, категорий было, согласно Уайту, отличительным признаком *человеческого*» [6, с. 61]¹.

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить следующее. Идеи Л. Уайта оказали значительное влияние на развитие культурной антропологии во второй половине XX века.

С конца 1950-х гг. культурный эволюционизм обрёл признание в научных кругах как значительное направление в области антропологии. Исследователи подчёркивают, что в течение 1960 – 1970-х годов эволюционизм претерпел ряд изменений и обрёл ту новую форму, которая получила название «неоэволюционизм» [4, с. 22].

Основной задачей неоэволюционизма становится исследование тех механизмов, которые определяют эволюционные процессы. Отсюда следует подразделение исторического развития на два взаимозависимых процесса – общую и специфическую эволюцию. Если общая эволюция исследует культурные инновации, которые способствуют развитию культуры вообще, в целом, то специфическая эволюция изучает способы приспособления локальных культур как к природной среде, так и к общественному окружению. Основной вклад в развитие этих положений внесли Дж. Стюард, М. Салинс и Э. Сервис. Так, Дж. Стюард, исходя из представления о многолинейной эволюции, предложил концепцию «культурного типа», которая выступала в качестве единицы классификации культуры и была развита в 1970-е годы.

Исследователи делают следующий вывод: «Таким образом, в отличие от классических идей эволюционизма сторонники неоэволюционизма искали способ объяснения культурного многообразия, которое интерпретировалось не как ... проявления “общего закона”, а как имеющее самодовлеющую адаптационную значимость» [4, с. 22]. На основе представления о специфической эволюции сложилось новое направление – «экологическая антропология» (А. Вайда, Р. Раппапорт). В центре внимания экологической антропологии оказались механизмы формирования специфических черт конкретных культур. Так, особые черты культуры рассматривались как производные от приспособления их носителей к окружающему миру. Влияние неоэволюционистских идей сохраняется в антропологии и в настоящее время.

В заключение необходимо отметить, что культурология не получила должного развития в США, но с начала 1990-х годов она нашла серьёзное распространение в России в качестве особой науки о культуре. Так, примерно десятилетие тому назад Ю. В. Осокин особо отмечал, что термин

¹ Л. Уайт проводил различие между понятиями «символ» и «знак»: «Мы определяем знак как физическую вещь или событие, функция которой состоит в том, чтобы указывать на какую-либо другую вещь или событие. Смысл знака может быть внутренне присущ его физической форме и его контексту, как в случае с высотой ртутного столбика в термометре как указанием на температуру или с возвращением малиновки весной» [8, с. 38 – 39].

«культурология» закрепился в российской научной литературе в результате его очень широкого толкования. Вследствие этого «... к “культурологическим наукам” (“родословную” которых стали почему-то отсчитывать, начиная с деятельности *российских философов, историков и филологов* втор. пол. 19 в.!) оказались причисленными столь разные научные направления, как историко-культурные исследования “общего” и литературоведческого профиля, исследования религиозного аспекта культуры, культуры ментальностей ... этнолингвистические и семиотические исследования культуры и даже *искусствоведение и эстетика...*» [5, с. 1072].

Наряду с тенденцией к расширенному истолкованию термина «культурология» в российской традиции Осокин выделял, скажем, более узкий подход, связанный с переосмыслением некоторых положений Л. Уайта. В частности, к ним относятся: а) идея Уайта о том, что сущность культуры заключается в её надбиологическом и системном характере; б) для изучения культуры как сложной и саморазвивающейся системы необходимо использовать методологию системного подхода.

С точки зрения Ю. В. Осокина, для того чтобы преодолеть «теоретико-методологические несообразности», порождаемые и расширенным истолкованием термина «культурология», необходимо обратиться к «фундаментальным посылкам Уайта» [5, с. 1073].

Следует подчеркнуть, что первая из указанных выше тенденций продолжает развиваться и в настоящее время. Например, когда пишут о дисциплинарных основах культурологии, утверждают, что культурология опирается на историю, философию, искусствоведение, социологию, лингвистику и др., и отсюда её «интегративный потенциал» [1, с. 612] рассматривается как более широкий. В данном контексте возникает вопрос о том, почему в числе первых в этот ряд не включена традиция культурной антропологии, в русле которой культурология впервые и была обоснована как наука.

Таким образом, как расширенное истолкование термина «культурология», так и забвение традиции культурной антропологии в качестве дисциплинарной основы науки приводит к путанице области историографии и, в конечном счёте, к размыванию предмета исследования культурологии.

Список литературы

1. Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология: предмет и структура // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 606 – 615.
2. Барнс Г. Э. Моя дружба с Лесли Уайтом // Л. Уайт. Избранное: Эволюция культуры. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 5 – 46.
3. Мостова Л. А. Уайт Лесли Элвин // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. Т. 2. – С. 749 – 752.

4. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология: Состояние и динамика развития // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 11 – 28.
5. Осокин Ю. В. Культурология // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2007. – Т. 1. – С. 1069 – 1074.
6. Салинс М. Фрагменты интеллектуальной автобиографии // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 6. – С. 57 – 78.
7. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1064 с.
8. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 960 с.
9. Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 17 – 49.
10. Уайт Л. А. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 536 – 559.
11. Уайт Л. А. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 559 – 590.
12. Уайт Л. А. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 141 – 156.

References

1. Astafeva O. N., Razlogov K. E. Culturology: Object and Structure [Kulturologiya: predmet i struktura]. *Sotsiokulturnaya antropologiya: Istoriya, teoriya i metodologiya: Entsiklopedicheskiy slovar* (Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary, ed. Y. M. Reznik). Moscow, Akademicheskii proekt, Cultura; Kirov: Konstanta, 2012, pp. 606 – 615.
2. Barnes H. E. My Personal Friendship for Leslie White [Moya druzhba s Lesli Uaytom]. *L. Uayt. Izbrannoe: Evolyutsiya kultury* (L. White. Collected Works: Evolution of Culture). Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, pp. 5 – 46.
3. Mostova L. A. White Leslie Alvin [Uayt Lesli Elvin]. *Kulturologiya: Entsiklopediya. V 2 t, Glavnyy. redaktor i avtor proekta S. Y. Levit* (Culturology: Encyclopedia, ed. S. Y. Levit). Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007, V. 2, pp. 749 – 752.
4. Orlova E. A. Cultural (Social) Anthropology: State and Dynamics of development [Kulturnaya (sotsialnaya) antropologiya: Sostoyanie i dinamika razvitiya]. *Sotsiokulturnaya antropologiya: Istoriya, teoriya i metodologiya:*

Entsiklopedicheskiy slovar, pod redaktsiey U. M. Reznika (Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary, ed. Y. M. Reznik). Moscow, Akademicheskii Proekt, Kultura; Kirov: Konstanta, 2012. pp. 11 – 28.

5. Osokin U. V. Culturology [kulturologiya]. *Kulturologiya: entsiklopediya, V 2 t, Glavnyy. redaktor i avtor proekta S. Y. Levit* (Culturology: Encyclopedia, ed. S. Y. Levit). Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007, V. 1, pp. 1069 – 1074.

6. Sahlins M. Fragments of an Intellectual Autobiography [Fragmenty intellektualnoy avtobiografii]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2008, № 6, pp. 57 – 78.

7. White L. The Evolution of Culture [*Izbrannoe: Evolyutsiya kultury*]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, 1064 p.

8. White L. The Science of Culture [*Izbrannoe: Nauka o kulture*]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, Moscow, 960 p.

9. White L. A. The Concept of Culture [Ponyatie kultury]. *Antologiya issledovaniy kultury. Interpretatsii kultury* (Anthology of Research Culture. Interpretation of Culture). Saint Petersburg, Izdatelstvo SPbGU, 2006. pp. 17 – 49.

10. White L. A. The Concept of Evolution in Cultural Anthropology [Kontseptsiya evolyutsii v kulturnoy antropologii]. *Antologiya issledovaniy kultury. Interpretatsii kultury* (Anthology of Research Culture. Interpretation of Culture). Saint Petersburg, Izdatelstvo SPbGU, 2006, pp. 536 – 559.

11. White L. A. History, Evolutionism and Functionalism: Three Types of Interpretation of Culture [Istoriya, evolyutsionizm i funktsionalizm kak tri tipa interpretatsii kultury]. *Antologiya issledovaniy kultury. Interpretatsii kultury* (Anthology of Research Culture. Interpretation of Culture). Saint Petersburg, Izdatelstvo SPbGU, 2006, pp. 559 – 590.

12. White L. A. The Science of Culture [Nauka o kulture]. *Antologiya issledovaniy kultury. Interpretatsii kultury* (Anthology of Research Culture. Interpretation of Culture). Saint Petersburg, Izdatelstvo SPbGU, 2006, pp. 141 – 156.

УДК 908

Сиверская. Посёлок Строганов Мост. Этнографический очерк*

Федяй Татьяна Никифоровна – краевед, независимый исследователь.

E-mail: [sivtatiana @ yandex.ru](mailto:sivtatiana@yandex.ru)

Авторское резюме

Состояние вопроса: В Ленинградской области на берегах красивой реки Оредеж раскинулся посёлок Сиверская. Первые упоминания о нём относятся к 1499 году, хотя, конечно, люди здесь селились и раньше. Сейчас Сиверская состоит из многих частей: посёлков, деревень. На сегодняшний день существует много литературы с описанием старейших из них, но посёлок Строганов Мост в краеведческой литературе упоминается, в основном, лишь вскользь ввиду его относительной «молодости». Автору хотелось раскрыть, по возможности, историю и этой части Сиверской.

Результаты: Опрос старожилов и использование дореволюционных документов помогли узнать прошлое посёлка, а общение с нынешними жителями позволило проследить эволюцию его развития с положительной и отрицательной сторон.

Область применения результатов: Изучение местной истории одного из районов России как составной части целостного процесса развития отечественной культуры.

Выводы: История провинциальных населённых пунктов – неотъемлемая часть целостной истории России. Ее изучение особенно важно для национального самосознания, так как в течение последнего столетия многие культурные объекты и местные культурные традиции оказались безвозвратно утрачены.

Ключевые слова: Краеведение; Оредеж; Сиверская; Строганов Мост; старожилы; Иван Николаевич Крамской.

Siverskaya. Stroganov Most Settlement. Ethnographic Essay

Fedyay Tatyana Nikiforovna – a local ethnographer, independent researcher.

E-mail: [sivtatiana @ yandex.ru](mailto:sivtatiana@yandex.ru)

Abstract

Background: Siverskaya settlement stretches on the banks of the picturesque Oredezh river in Leningrad region. It was first mentioned in 1499, but definitely people had settled there much earlier. Now Siverskaya consists of many separate settlements and villages. For the time being there is a lot of literature which describes the oldest of them, but Stroganov Most settlement being rather ‘young’ is mentioned not very often. The author aims to trace the history of this part of Siverskaya.

* © Т. Н. Федяй, 2014.

Results: Interviewing old residents and studying pre-revolutionary documents helps to get some information about the past of the settlement. The communication with inhabitants allows us to outline positive and negative sides of its development.

Research implications: Studying local history of a Russian region as an important constituent of the entire process of cultural development of Russia.

Conclusion: The provincial settlement local history studying is an integral part of Russian history as a whole. This investigation is of a high importance for the national self-consciousness development, for a lot of culture artifacts and traditions were lost irrevocably in our country during the last century.

Keywords: Local ethnography, Oredezh, Siverskaya, Stroganov Most, old residents, Ivan Nikolaevich Kramskoy.

Раскинулся этот посёлок на правом берегу реки Оредеж до железнодорожного моста и носил сначала название Большевской берег или Новое Большево по имени находящейся поблизости деревни Большево, так как земли Большевского берега принадлежали крестьянам этой деревни. В конце XIX века граф Строганов построил на свои средства мост через Оредеж, который соединял дорогу от железнодорожного вокзала с именем графа в Орлино.

Так и привилось впоследствии новое название посёлка – Строганов Мост. И сейчас в посёлок можно добраться от вокзала либо через этот Строганов мост, либо через пешеходный мостик из Военного городка, называемый раньше «Куринка».

В настоящее время эти мосты железобетонные, но до 1960-х годов они были деревянными.

Местность Большевского берега была, по воспоминаниям старожилов, лесистая, мало обжитая, но к концу XIX века (уже в 1857 году была построена железная дорога и появилась станция Сиверская) в связи с огромным дачным строительством стали интенсивно осваиваться новые земли по берегам реки. Крестьяне Большева не упускали случая заработать за счёт сдачи домов дачникам из Петербурга, строили дачи летние без печей или тёплые дома с печами, и некоторые из них имели по несколько домов на этих землях (называли даже 15 – 17 домов). В Новом Большево появились улицы Николаевская и Александровская (по берегу), Владимирская, Мариинская, Михайловская, Шоссе Крамского (параллельно железной дороге), а также Большевская Набережная и Приютская, окружавшие детский приют с домовою церковью во имя Тихвинской иконы Божией Матери [3]. В конце Михайловской улицы находился летний театр [3], содержал который мещанин Павел Александрович Урлихсон. В театре устраивались спектакли, детские праздники и танцевальные вечера (театр не сохранился).

Отдельно необходимо упомянуть о берегах Оредежа в посёлке. В районе современной Большевской Набережной часть берега обращает на себя внимание красным цветом и состоит из красного плотного песчаника Девонской формации, из которого вытекают незамерзающие ключи с чистой водой.

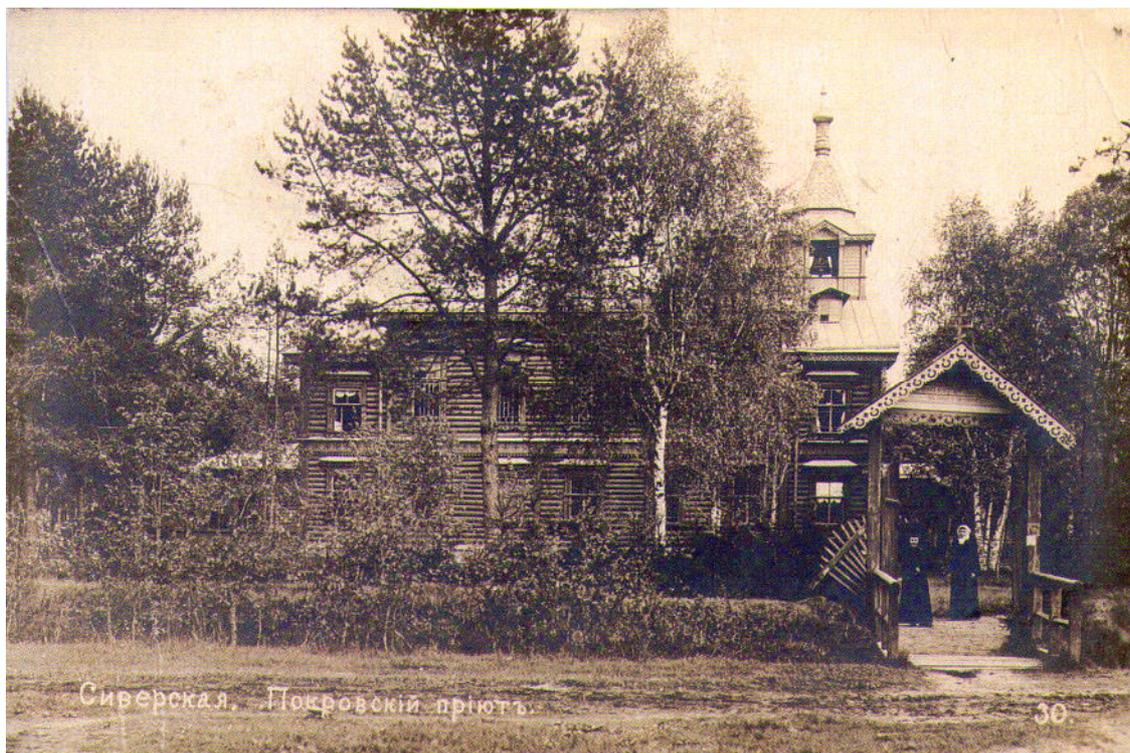

Известность посёлок Новое Большево приобрел в связи с постройкой дачи и мастерской в 1881 году знаменитым художником Иваном Николаевичем Крамским. Дача находилась на правом берегу реки у Строганова моста. Вот как описывает её побывавший в гостях у Крамского Илья Ефимович Репин: «Он покупает землю в живописной местности, на Сиверской станции, и устраивает там превосходную во всех отношениях мастерскую, особо от большого двухэтажного дома для семьи, чтобы не мешали работать... Огромное окно укрепили железными рельсами, пол был на одной плоскости с землёю, чтобы можно было ставить натуру на воздух, перед окном-стеклянную стеною – и переносить её прямо в картину... Дом просторный, весёлый... Масса цветов рассыпается богатым ковром по куртинам... Внизу до живописной речки Оредеж клумбы клубники и других ягод до самой собственной купальни... словом, полный помещичий дом с прекрасным шоссе к главному подъезду и со штатом слуг» [4, с.192].

Здесь, в Сиверской, Крамской написал свои известные работы «Полесовщик», «Крестьянин с уздечкой», «Неизвестная» и другие. В апреле 1887 года Иван Николаевич умер в Петербурге, а дачей до национализации в 1918 году стал владеть его сын Анатолий Иванович (сразу необходимо отметить, что с 1919 года были национализированы и многие другие двухэтажные дачи, владельцы которых либо ушли с Белой армией, либо просто были выселены, а дома стали использоваться под детские учреждения). Дача Крамского сгорела в январе 1944 года при бомбёжке во время освобождения Сиверской от немцев.

Сохранившейся достопримечательностью посёлка Строганов Мост является деревянный храм Тихвинской иконы Божией Матери. В 1895 году большой участок земли был приобретен у крестьян Большева Обществом вспоможения бедным прихода Покровской церкви Петербурга для строительства приюта для девочек. Трудями настоятеля церкви священника Василия Александровича Акимова за два года было выстроено двухэтажное здание с учебными классами, спальнями, библиотекой, домовою церковью, кухней. Архитектором был В. П. Кондратьев, а строительство осуществлялось на пожертвования. На участке был вырыт колодец, устроена оранжерея. 9 июля (н. ст.) 1897 года Епископ Гдовский Вениамин (ныне причисленный к лику святых как священномученик) совершил освящение приюта и домовою церкви при нём в честь Тихвинской иконы Божией Матери.

Девочки обучались рукоделию, вышивке, работали в оранжерее. Со временем начальную школу стали посещать и местные девочки.

С 1914 года храм стал приходским и не закрывался даже в богоборческие и в военные годы, а с 1920 года и до смерти уже после войны настоятелем храма был священник Константин Красовский, сохранивший храм в лихолетье.

В марте 2007 года в храме случился пожар, сгорела верхняя часть храма с колокольней, но усилиями настоятеля о. Алексия (Терентьева) и на пожертвования прихожан и благотворителей храм восстановлен.

До сих пор в старой части разросшегося после войны посёлка стоят дома, построенные в конце XIX – начале XX века; и когда новые хозяева начинают делать ремонт, то обнаруживают под старыми обоями газеты того времени.

Один из таких красивых старинных домов на берегу Оредежа запечатлел на своей картине местный художник И. Н. Радюкевич.

Кому принадлежал этот дом первоначально – установить не удалось, но после 1920-х годов в нём находилось лесничество, а в послевоенные годы он стал коммунальным – в нём жило 6 семей. В 90-е годы дом стал частным и претерпел изменения.

В самом начале Советской улицы (бывшей Николаевской) сохранились с небольшими изменениями два деревянных дома: один двухэтажный (о нём ещё будет сказано дальше), а другой – одноэтажный с красивыми верандами. По воспоминаниям старожилов они принадлежали купцу.

По этой же улице на берегу Оредежа было несколько двухэтажных домов, которые в советское время летом использовались под пионерские лагеря и детский сад. В период перестройки детские учреждения закрылись, а дома разрушились, и их разобрали на дрова.

Теперь нужно вернуться к даче Крамского. С 1920 года в это здание переехала 43-я школа Октябрьской железной дороги, в которую принимали на начальное четырёхклассное обучение и полное содержание детей железнодорожников из Сиверской и ближайших деревень. Чтобы заработать деньги на дополнительное питание для учащихся, учителя устраивали спектакли и распространяли на них билеты. К 1935-му году школа стала семилетней. По воспоминаниям бывших учеников освещалась школа сначала керосиновыми лампами, а к новогоднему празднику 1933 года именно в школе зажглись первые в посёлке электрические лампочки.

После пожара в бывшей даче Крамского учебный год в 1944 году с большими трудностями начался в двухэтажном доме №1 по Советской улице и доме №5. Строганов мост и железнодорожный мост были разрушены, перебирались по доскам и уцелевшим остаткам мостов. Учебных пособий практически не было. Учились ребята в три смены. Постепенно школа развивалась: к 1965-у году она стала восьмилеткой, а через год – средней. Директор школы, заслуженный учитель РФ В. К. Мартынов добился в 1967 году от Октябрьской железной дороги выделения средств на здание новой школы-десятилетки, которое и было построено, но уже на другом берегу Оредежа.

А в бывшем здании школы в доме №5 стала располагаться спортивная лодочная база, и часто в летнее время можно было видеть на реке скользящие быстрые байдарки. Сейчас, конечно, этого нет – там частный дом за сплошным забором. В доме №1 живут семьи железнодорожников.

Теперь о годах войны. В Сиверской и её окрестностях немцы были с конца августа 1941 года по 30 января 1944 года. Здесь находилась 18-я армия под командованием генерал-полковника Георга Линдемманна (кстати, предполагавшегося коменданта Ленинграда). При штабе армии находились абвер, гестапо, СД, разведшкола, тайная и гражданская полиция. Была образована местная администрация, суд, назначены старосты. В посёлке Строганов Мост был филиал тайной полевой полиции ГФП-520, которой руководил заместитель начальника отдела штаба 18-й армии по контрразведке Борис Мейснер (родившийся в Пскове и говоривший по-русски). Квартировали немцы практически во всех тёплых домах, выгоняя хозяев в бани и временки. На нынешней Молодёжной улице (бывшей Комсомольской) напротив парка находилось гестапо, на Спортивной и Владимирской – тюрьмы. (Номера домов не указываются специально, чтобы не причинять нынешним хозяевам морального неудобства).

Так как немецкое командование боялось эпидемий, то в «благополучной» Сиверской, как пишет Н. А. Ломагин в книге «Неизвестная блокада», в июне 1942 года были введены карточки на хлеб, по которым выдавали работающим 300 граммов хлеба или 225 граммов муки, а неработающим – в два раза меньше [2, с. 385].

В парке, который находится между современными Молодёжной улицей и Новым Шоссе, были нарыты траншеи в человеческий рост, в которых население сначала укрывалось от бомбёжек. В эти траншеи и закапывали

расстрелянных немцами евреев, цыган, коммунистов и тех, кто помогал партизанам. Привлекали для этого местных. После освобождения Сиверской эти траншеи были вскрыты, и был составлен АКТ: «1944 год 6 и 8 октября Чрезвычайной Комиссией Гатчинского района произведено вскрытие могил-ям, расположенных в парке по Комсомольской улице в пос. Строганов Мост... Одна из вскрытых траншей длиной 75 метров, глубиной в человеческий рост, местами была заполнена почти доверху трупами... Были опознаны...

п. п. Главного судебно-медицинского эксперта Ленфронта профессор Владимирский.

Акт подписали: Беляев С.М. Кузьмина (председатель с/совета) Красовский (протоерей) Кихина (директор школы)

Комиссия в составе... в пос. Строганов Мост и у пос. Дружноселье установили, что в них зарыто до 4000 человек» [1, с. 64].

В 1995 году в этом парке установили памятный камень, а теперь стоит памятник жертвам войны, идея установки которого принадлежит В. К. Мартынову и В. Т. Анисимову. Архитектором является Ю. Ш. Кинцурашвили, скульптором – Ю. Ф. Кузнецов.

В годы хрущёвской оттепели посёлок возрождался. Появились новые улицы. Население работало на стекольном заводе в Дружной Горке, на сиверских предприятиях, в военной части, в колхозе. По посёлку в тёплое время года ходило на пастбище большое стадо коров, коз. Нанимали всем

миром пастуха. У всех были огороды. Молодёжи было много – успевали и работать, и учиться либо в Ленинграде, либо в Гатчине, а летними вечерами собирались на больших полянах, чтобы поиграть в различные игры с мячом. Надо отметить, что на улицах была чистота, так как стеклянная тара сдавалась, бумажная упаковка сжигалась, консервные банки было принято закапывать под яблонями, а пищевые отходы шли домашним животным.

В конце Советской улицы был открыт врачебный участок, и население посёлка всегда могло обратиться к врачу за медицинской помощью. Несколько лет назад он закрылся, здание снесено, и больным приходится ездить на другой край Сиверской.

В короткий период до начала 1960-х годов появились дачевладельцы из города, которым сельсовет выделял участки без обязательной прописки или постоянной работы в этой местности. Одними из таких дачников стали известные артисты балета Алла Ким и Шалва Пицхелаури, купившие дом в конце Ключевой улицы. К ним часто в гости приезжали народная артистка РСФСР (в то время) Эдита Пьеха с мужем Александром Броневицким, основателем первого в СССР вокального ансамбля «Дружба», народная артистка РСФСР, солистка театра оперы и балета им. Кирова (ныне Мариинского) Алла Осипенко и её партнёр – артист балета Джон Марковский. Сейчас домом владеет их сын – артист Георгий Пицхелаури, к которому приезжали популярный певец Юрий Охочинский, музыканты группы «Земляне».

На Советской улице жил художник М. Д. Стручов (1931 – 2000). В годы учёбы в Академии Художеств он был знаком с художником Ильёй Глазуновым. Много лет Михаил Дмитриевич преподавал в сиверских школах. Его красивая студия, которую он сам проектировал, всегда привлекает внимание своим необычным для посёлка видом.

На Спортивной улице живёт член Товарищества Гатчинских Художников И. Н. Радюкевич (он, кстати, учился в 43-ей школе). Сиверские пейзажи занимают большое место в его творчестве.

На Полевой улице живёт лыжный тренер В. М. Шилова. Она была личным тренером шестикратной Олимпийской чемпионки Любви Егоровой, которая во времена своей спортивной карьеры часто приезжала к ней в гости. Сейчас В. М. Шилова преподаёт в своей частной лыжной школе. Она также является выпускницей 43 школы, в которой лыжный спорт всегда был популярен.

Облик посёлка стал сильно меняться в последние годы: дома с пластиковыми окнами, обшиты сайдингом; вместо огородов – газоны; высокие и часто сплошные заборы.

На Колхозной улице возле магазина открыли летнее кафе, в котором в выходные дни энтузиасты стали устраивать бесплатные кинопоказы с обсуждением фильмов, а также читать популярные лекции на различные темы. В администрации добились разрешения обустроить спортивную площадку на небольшом участке земли на пересечении Советской улицы и Большевской Набережной. Вот только с пляжами не всё ладно. Мусор не все за собой убирают, да и качество воды вызывает сомнения: не попадают ли канализационные «очищенные» стоки в реку из новых коттеджей.

«Всё течет, всё изменяется».

Автор благодарит жителей посёлка Строганов Мост Белякова В. Б., Белякову Л. А., Козыреву В. А., Кузнецову Н. В., Лобанову Н. П., Мартынову В. С., матушку Нину (Терентьеву) за помощь в написании статьи.

Все фотографии – из архива автора.

Список литературы

1. Акт от 08.10.1944 г. // Муниципальное образование «Сиверское городское поселение Гатчинского муниципального района Ленинградской области» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mo-siverskoe.ru/wp-content/uploads/proekt_blagoustroistvo_4.doc (дата обращения 28.09.2014).

2. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. – СПб: Издательский Дом «Нева», 2002. – 960 с.

3. Д-ръ А. А. Лучинский и инженеръ Н. В. Никитинъ. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. – С.-Петербургъ: издание Сиверскаго Добровольнаго Пожарнаго Общества, 1910. – 48 с.

4. Репин И. Е. Далёкое близкое. – М.-Л.: «Искусство», 1964. – 512 с.

References

1. Deed of 08 October 1944 [*Akt ot 08.10.1944 g*]. Available at: http://mo-siverskoe.ru/wp-content/uploads/proekt_blagoustroistvo_4.doc (accessed 28 September 2014).

2. Lomagin N. A. Unknown Blockade [*Neizvestnaya blokada*]. Saint Petersburg, Izdatelskiy Dom «Neva», 2002, 960 p.

3. Luchinskiy A. A., Nikitin N. V. Siverskiy Country Place on the Warsaw Railway [*Siverskaya dachnaya mestnost po Varshavskoy zheleznoy doroge*]. Saint Peterburg, Izдание Siverskago Dobrovolnago Pozharnago Obschestva, 1910, 48 p.

4. Repin I. E. Far and Near [*Dalekoe blizkoe*]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo, 1964, 512 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 612.821; 316.6

О работе В. С. Дерябина «Эмоции, порождаемые социальной средой» и критике в ней теории Альфреда Адлера*

Забродин Олег Николаевич – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6-8,
тел.: 8 950 030 48 92.

Авторское резюме

Предмет исследования: Комментарий к работе В. С. Дерябина «Эмоции, порождаемые социальной средой», к проведенным в ней: социопсихологическому анализу механизмов возникновения эмоций, связанных со становлением в обществе, основанном на классовой эксплуатации и в социалистическом обществе, а также к критическому разбору теории А. Адлера.

Результаты: К анализу социальных эмоций-чувств (гордость, тщеславие, лесть и др.), проявляемых в капиталистическом и социалистическом обществах, В. С. Дерябин подошел с позиций материалистической диалектики, конкретности истины и историзма. В связи с этим возникновение и развитие гордости и тщеславия автор прослеживает не только у представителей отдельных классов, но также и классовых прослоек, использует данные онтогенеза и филогенеза. При этом автор подчеркивает историческую изменчивость этих чувств. Особый интерес представляют изложение автором взглядов А. Адлера на возникновение социальных эмоций в буржуазной среде и критический разбор теории их развития, основанной на стремлении личности к «сверхкомпенсации».

Выводы: В. С. Дерябин осуществил впервые: 1) социопсихологический анализ социальных эмоций, в первую очередь – гордости и тщеславия, выявил их зависимость от классовой структуры общества и историческую изменчивость; 2) провел подробный критический разбор теории А. Адлера.

Ключевые слова: эмоции; гордость; тщеславие; социальная среда; А. Адлер.

* © О. Н. Забродин, 2014.

On the Work by V. S. Deryabin 'Emotions Provoked by the Social Environment' and Criticism of Alfred Adler's Theory

Zabrodin Oleg Nikolaevich – St. Petersburg State Medical University Named after Academician Pavlov, Ministry of Public Health of Russian Federation, Anesthesiology and Resuscitation Department, senior research worker, Doctor of Medical Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6-8 Lew Tolstoy st., St. Petersburg, Russia, 197022,

tel: +7(812) 585-60-13.

Abstract

Purpose: A commentary on the work of V. S. Deryabin 'Emotions provoked by a social environment', his socio-psychological analysis of the mechanisms of emotions associated with the development in society based on class exploitation and in socialist society, and his critical analysis of A. Adler's theory.

Results: The analysis of some social emotions and feelings (pride, vanity, flattery and others) which exist both in capitalist and socialist societies was made by V. S. Deryabin on the basis of materialist dialectics, concreteness of truth and historicism. In this regard, the author traces the origin and development of pride and vanity not only in some representatives of different classes but also in some strata of society and uses ontogenesis and phylogenesis data. The author emphasizes the historical variability of these feelings. His description of A. Adler's views on the rise of social emotions in a bourgeois environment as well as critical analysis of his theory of social emotions development on the basis of personality aspiration for 'overcompensation' are of a particular interest.

Conclusion: V. S. Deryabin was the first to make socio-psychological analysis of emotions, namely pride and vanity, to reveal their social dependence on society stratification and historical variability, and to examine in detail A. Adler's theory.

Keywords: emotions; pride; vanity; social environment; A. Adler.

Представляемая работа была написана Викториним Сергеевичем Дерябиным (1975 – 1955) – учеником и продолжателем дела Ивана Петровича Павлова – в начале 50-х годов в виде психосоциологического очерка, включенного им в монографию «Чувства, влечения, эмоции». И монография, и входящий в нее очерк были изданы в значительно сокращенном виде в 1974 г. [см.: 2]. При этом не вошли в книгу разделы: «Об эмоциях, связанных со становлением в среде социалистического общества», «Взгляды А. Адлера на воспитание», многие примеры из художественных произведений. Данная публикация воспроизводит полный текст автора.

В. С. Дерябин разрабатывал вопросы социальной психологии еще с середины 40-х годов, о чем свидетельствуют его работы «О сознании», «О Я», «О счастье», вошедшие в монографию «Психология личности и высшая нервная деятельность» [см.: 3]. К ним относятся также написанные в первой

половине 50-х гг. работы «О потребностях и классовой психологии» [см.: 5] и «О некоторых законах диалектического материализма в психологии» [см.: 6], изданные в настоящем журнале.

Известный американский ученый Т. Шибутани в предисловии к своей книге «Society and Personality» (неточный перевод на русский в советском издании – «Социальная психология») пишет, что «дисциплина эта еще только формируется» [9, с. 7]. В разделе книги «Развитие социальной психологии» автор отмечает, что большой вклад в развитие этой науки внесли антропологи, психиатры, психологи, социологи и даже этнографы, но при этом не упоминает физиологов. Таким образом, в этом разделе его книги нет истории развития социальной психологии как отдельной науки. Можно видеть, что в исследованиях В. С. Дерябина большинство упомянутых аспектов этой науки рассматривается в рамках единого целого.

Автор для краткости называл работу «Эмоции, порождаемые социальной средой» – «О гордости», по названию первого подраздела очерка и ставил ее наравне с другими своими работами, посвященными социальной психологии. Так, в «Письме внуку» он писал: «От меня останутся рукописи (“Чувства, влечения и эмоции”, “О гордости”, “О Я”, “О сознании”, “О счастье”). Если хочешь познакомиться с кусочком «человекознания» - прочти» [см.: 4].

В отличие от очерков «О сознании», «О Я», «О счастье», комментируемый очерк нельзя назвать психофизиологическим, так как в нем психофизиологический компонент социальных чувств непосредственно не рассматривается, что во время написания очерка (первая половина 50-х гг.) было неприемлемым. В своей программной статье «Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности» [см.: 1, с. 899] В. С. Дерябин вынужден был сделать оговорку: «Я не ставлю перед собой задачи распространить закономерности, наблюдаемые при наиболее простых аффективных реакциях, на процессы более сложные» (в том числе на социальные чувства – О. 3.).

Следует сказать, что для времени написания комментируемого очерка у нас в стране было принято относить отрицательные черты характера человека в первую очередь к представителям капиталистического общества, основанного на экономическом неравенстве. Проявления же этих черт у членов социалистического общества рассматривались как выражение «наследия капитализма в сознании людей». Думается, не избежал такой точки зрения и В. С. Дерябин, концентрируя внимание на отрицательных социальных чувствах – гордости (в бытовом понимании), тщеславии, честолюбию, лести, зависти в разделе «Об эмоциях, связанных со становлением в среде общества, основанного на классовой эксплуатации». Напротив, во втором разделе очерка – «Об эмоциях, связанных со становлением в среде социалистического общества» – главное внимание уделяется чувствам, полезным для всего общества: альтруизм, взаимопомощь, гордость за положительный вклад в жизнь страны. Обосновывает это автор тем, что в социалистическом обществе в отсутствие классовой эксплуатации «устраняется база для развития антисоциальных чувств и установок».

При исследовании социальных эмоций В. С. Дерябин последовательно применяет конкретно-исторический подход. Автор сосредоточивает внимание на социальной обусловленности таких эмоций, или, по современной терминологии, – социальных чувств, как гордость, тщеславие, честолюбие. При этом он, следуя своим представлениям о ведущей роли аффективности в психической жизни, подчеркивает, что определение своего отношения к другим членам общества чаще возникает в качестве эмоциональных реакций, связанных с интеллектуальными процессами. Сюда относятся такие эмоции, как гордость, тщеславие, чувство собственного достоинства, обида и т. п.

Далее он показывает, что характер этих чувств зависит от социального положения субъекта: «В противоположность самовозвеличивающим эмоциям имеющих власть, богатых, ставящих себя выше окружающей социальной среды, у слабых, униженных, низко стоящих по социальному положению, имели место при сношении с “сильными мира” эмоции неуверенности, робости, застенчивости, боязливости, стеснительности. В реакции по отношению к вышестоящим часто возникали чувства покорности, преданности, самоуничтожения. Эмоции самовозвышения, характерные для господствующих классов, связаны со структурой классового общества и меняются в связи с его историей. В обществе, основанном на классовой эксплуатации, они носят антисоциальный характер, вытекающий из преимущественного положения немногих» [7].

В. С. Дерябин подходит к рассмотрению социальных эмоций с позиций диалектики как науки о развитии и всеобщей связи. В связи с этим он использует данные филогенеза и онтогенеза и привлекает данные из книги Чарльза Дарвина «Выражение душевных волнений» о внешнем проявлении гордости у индюков и павлинов, оговаривая при этом невозможность проведения аналогии с человеческими социальными чувствами. Пантомимика гордости у человека сопровождается сокращением мышцы, выворачивающей нижнюю губу, повышением тонуса мышц-разгибателей, а покорность связана с преобладанием тонуса мышц, сгибающих позвоночник. В настоящее время это объяснимо тем, что стенические эмоции (гнев, ярость) у животных и людей сопровождаются активацией симпатико-адреналовой системы, усиливающей мышечный тонус. Филогенетическая преемственность низших и высших эмоций доказывается, по В. С. Дерябину, общностью их пантомимики: одной и той же пантомимикой выражается чувство превосходства не только в физической силе, а и в других отношениях – гордость красотой, сознание превосходства, связанного с высоким общественным положением, с богатством, с какими-либо личными свойствами, которые вызывают чувство превосходства.

Используя данные онтогенеза, В. С. Дерябин отмечает, что у детей выражение гордости и превосходства возникает рано, а именно в то время, когда содержание интеллекта до смешного незначительно. Возникает инстинктивное понимание сложных ситуаций и поразительно правильная реакция на них. Для подростка характерны стремление к превосходству над сверстниками, различные возвышающие его над ними фантазии. Взрослый же

стремится к возвышению в социальной среде сообразно с ситуацией, в которой он находится, и со своими личными возможностями.

Идя по пути конкретного социологического анализа, автор прослеживает побудительные причины развития чувства гордости у представителей различных классов. Для примера он сравнивает крестьянина и дворянина-помещика и отмечает отчетливую разницу в их реакциях. Сын сельского священника, Викторин Сергеевич хорошо был знаком с крестьянским бытом и психологией крестьянина. В связи с этим он приходит к выводу, что условия жизни крестьянства несравненно меньше могли вызывать и культивировать чувство гордости, чем жизненная ситуация дворянской среды. Напротив, не только для высшего, но и для среднего и мелкого дворянства были характерны гордость, надменность, пренебрежение к ниже стоящим, что легко сочеталось с заискиванием, лестью, угодничеством по отношению к стоящим выше. В этой связи автор приводит ряд примеров гипертрофированного тщеславия и повышенного самолюбия, характерных для дворянско-офицерской среды. Важно подчеркнуть, что автор рассматривает проявления гордости не только у представителей отдельных классов: крестьянства, аристократии, буржуазии, но также у лиц и прослоек одного и того же класса. При этом он отмечает, что у них гордость может иметь разную форму проявления, а также меняться на разных этапах исторической жизни класса.

В. С. Дерябин чужд вульгарного социологизирования, отмечая, что чувство превосходства связывается не только с властью или богатством. Человек может гордиться превосходством над другими в самых разнообразных областях жизни: успехами в области искусства и науки, во всякого рода творческой работе.

Как и при анализе гордости, при описании тщеславия автор отмечает в нем наличие эмоционального компонента. Человек, испытывающий чувство тщеславия, действует не по логическим соображениям, а «инстинктивно» – точнее, в силу автоматически возникшей эмоциональной реакции: боязнь осуждения («что скажут?»), страх насмешки, стыд, стеснение в присутствии посторонних – все это прямо или косвенно внушается и воспитывается средой. Однако и тут, подчеркивает автор, человек наиболее сильно реагирует на оценку той среды, в которой вращается, а к мнению вне этой среды он чувствителен менее или совсем равнодушен. Яркую картину тщеславия В. С. Дерябин иллюстрирует примерами из «Севастопольских рассказов» Л. Толстого, его любимого писателя [см.: 8].

Следует заключить, что при анализе социальных чувств – гордости, тщеславия – В. С. Дерябин выступает как последовательный диалектик, стремясь изучить рассматриваемый вопрос «во всех связях и опосредствованиях» – как социальных, так и исторических.

Особое место в работе В. С. Дерябина занимает изложение теории формирования социальных эмоций личности в буржуазной среде австрийского психиатра и психолога Альфреда Адлера (1870 – 1937) и ее критика. Этот раздел в значительной степени носит самостоятельный характер, хотя автор включил его в первый раздел очерка, рассматривающий социальные эмоции в

капиталистическом обществе. Не удалось найти сведений о переводах книг А. Адлера на русский язык. Быть может, поэтому он не был подвергнут такой сокрушительной критике, как З. Фрейд, книги которого с начала 30-х гг. у нас перестали издаваться. В. С. Дерябин был хорошо знаком с книгой А. Адлера «Человекознание» [10], которая была в его домашней библиотеке. Думается, что и термин «человекознание», который он использовал, мог быть связан с названием этой книги. В связи с тем, что труд А. Адлера был посвящен формированию социальных эмоций, В. С. Дерябин в очерке подробно знакомит с ним читателя.

В 1907 году А. Адлер сформулировал учение о компенсации присущего человеку изначально чувства неполноценности как универсального механизма психического развития. В отличие от своего учителя Зигмунда Фрейда, А. Адлер подчеркивал целостность и внутреннюю непротиворечивость личности. Душевная жизнь человека рассматривалась им как комплекс приспособлений нападения и защиты. Все поведение человека определяется целью – достичь превосходства и могущества, одолеть других прямым или обходным путем. Постановка этой цели вызывается первым столкновением ребенка с трудностями жизни и сознанием своей слабости. Поставленная цель определяет установку к жизни. По Адлеру, «уже у грудного ребенка можно установить, как он относится к жизни». Создается детский шаблон, определяется направление жизни к превосходству. Человек не может освободиться от жала, вонзившегося в него в раннем детстве. В стремлении к удовлетворению влечений и защите своих интересов индивид ищет не только компенсации чувства малоценности, но и стремится к перестраховке, к сверхкомпенсации. К субъективно созданной непомерно высокой цели, к «фикции», как к твердо стоящей точке, направляются все творческие силы личности.

Толкование сновидений для Адлера является важнейшим методом установления фиктивности цели. Цель его – показать пациенту то, что изобличает его как организатора своей болезни. При помощи психоанализа, который Адлер называет художественным, обнаруживается план жизни, согласно которому человек стремится получить господство над трудностями жизни и своей неуверенностью.

Раздел «Критические замечания к теории А. Адлера» представляет собой анализ ее В. С. Дерябиным. Он проводит аналогию между теориями А. Адлера и З. Фрейда. По Фрейду, движущей силой психики является «либидо», по Адлеру – стремление к превосходству, вытекающее из чувства неполноценности. Фрейд говорил о сексуальной природе неврозов, Адлер выводил их из стремления к непомерно высокой цели – фикции. Однако ни теория Адлера, ни теория Фрейда не охватывают всех случаев неврозов. В настоящее время установлено, что у людей, чаще у мужчин, которых недооценивают на работе, не дают возможности карьерного роста, уязвленное самолюбие, обида, оскорбленное чувство собственного достоинства приводят к развитию нейрогенных заболеваний, в особенности язвенной болезни желудка

и двенадцатиперстной кишки. И страх, и нужда, и тяжелое материальное положение, и т. п. также могут стать причиной неврозов.

Недостатки теории Адлера, как и Фрейда, по мнению В. С. Дерябина, заключаются в односторонности, в чрезмерном преувеличении роли в психике изучавшихся ими факторов, в придаче им универсального значения, а также нередко в подходе к фактам с предвзятой точки зрения, в подгонке фактов под их теории.

Список литературы

1. Дерябин В. С. Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1951. – Т. 1, В. 6. – С. 889 – 901.
2. Дерябин В. С. Чувства. Влечения. Эмоции. – М.: Издательство ЛКИ, 2013. – 224 с.
3. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность (психофизиологические очерки «О сознании», «О Я», «О счастье»). – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 200 с.
4. Дерябин В. С. Письмо внуку // Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. – 2005. – Vol. 11, № 3 – 4. – С.57 – 78.
5. Дерябин В. С. О потребностях и классовой психологии (Публикация О. Н. Забродина) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1. – С. 110 – 137. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения 29.09.2014).
6. Дерябин В. С. О некоторых законах диалектического материализма в психологии // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 2. – С.87 – 119. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-02.pdf> (дата обращения 29.09.2014).
7. Дерябин В. С. Эмоции, порожденные социальной средой // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 3. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1203> (дата обращения 09.10.2014).
8. Забродин О. Н. Творчество Л. Н. Толстого в психофизиологосоциологических исследованиях В. С. Дерябина // Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. – 2013. – Vol. 19, № 1. – С. 50 – 56.
9. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. – 534 с.
10. Adler A. Menschenkenntnis. Leipzig: Hirzel, 1931. – 230 С.

References

1. Deryabin V. S. Affectivity and Regularities of Higher Nervous Activity [Affektivnost i zakonomernosti vysshey nervnoy deyatelnosti]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatelnosti Imeni I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity). 1951, Vol. 1, № 6, pp. 889 – 901.
2. Deryabin V. S. Feelings. Inclinations. Emotions [*Chuvstva. Vlecheniya.*

Emotsii]. Moscow, Izdatelstvo LKI, 2013, 224 p.

3. Deryabin V. S. Psychology of the Personality and Higher Nervous Activity (Psychophysiological Essays “About consciousness”, “About I”, “About Happiness”) *Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatelnost (psikhofiziologicheskie ocherki “O soznanii”, “O Ya”, “O schaste”)*. Moscow, Izdatelstvo LKI, 2010, 200 p.

4. Deryabin V. S. Letter to the Grandson [Pismo vnuku]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae*, 2005, Vol. 11, № 3 – 4, pp.57 – 78.

5. Deryabin V. S. About the Needs and Class Psychology (O. N. Zabrodin’s Publication) [O potrebnostyakh i klassovoy psikhologii (Publikatsiya O. N. Zabrodina)]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, № 1, pp. 110 – 137. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnyie-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed 29 September 2014).

6. Deryabin V. S. About Some Laws of Dialectical Materialism in Psychology (O. N. Zabrodin’s Publication) [O nekotorykh zakonakh dialekticheskogo materializma v psikhologii]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 2, pp. 87 – 119. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnyie-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-02.pdf> (accessed 29 September 2014).

7. Deryabin V. S. Emotions Provoked by the Social Environment [Emotsii, porozhdaemye sotsialnoy sredoy]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 3. Available at: <http://fikio.ru/?p=1203> (accessed 09 October 2014).

8. Zabrodin O. N. Tolstoy's Creative Work in Psychophysiological Researches of V. S. Deryabin [Tvorchestvo L. N. Tolstogo v psikhofiziologosotsiologicheskikh issledovaniyakh V. S. Deryabina]. *Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae*, 2013, Vol. 19, № 1, pp. 50 – 56.

9. Shibutani T. Society and Personality: The Interactionist Approach to Social Psychology [*Sotsialnaya psikhologiya*]. Moscow, Progress, 1969, 534 p.

10. Adler A. *Menschenkenntnis*. Leipzig, 1931, 230 p.

УДК 316.6; 612.821

Профессор В. С. Дерябин
Эмоции, порождаемые социальной средой
(Публикация О. Н. Забродина)*

**1. Об эмоциях, связанных со становлением в среде общества,
основанного на классовой эксплуатации**

Общественное мнение оценивает личные качества человека: умный, глупый, хитрый, красивый и т. д.; определяет отношение общества к его личности: уважаемый, не пользующийся уважением, приятный, неприятный и проч., дает оценку его материальному положению.

Каждый сам участвовал в создании этих оценок. Сам желал и желает иметь определенную оценку в общественном мнении. Всякий человек в той или иной мере чувствителен к суждению о нем и реагирует на общественное мнение о себе, на свое положение в глазах общества, ставит себя в каком-либо отношении выше одних лиц и ниже других. Определение своего отношения в этом смысле к другим может носить интеллектуальный характер, но гораздо чаще возникает в качестве эмоциональных реакций, связанных с интеллектуальными процессами. Сюда относятся такие эмоции, как гордость, тщеславие, чувство собственного достоинства, обида и т. д.

В. И. Даль [см.: 2] дает такое определение слов, означающих такого рода эмоции: «Гордый, надменный, высокомерный, кичливый, надутый, спесивый, зазнающийся – кто ставит себя выше прочих». В этом сопоставлении приведен ряд слов в качестве синонимов, но слова эти имеют разные оттенки. Так, относительно слов «спесь» и «чванство» сказано: «Спесь: глупое самодовольствие, ставящее в заслугу сан, чин, знаки отличия, род свой... Спесь чаще всего одолевает внезапно разбогатевших людей низших сословий».

«Чванство – гордость знати, богатства».

«Тщеславие – кто жадно ищет славы мирской, или суетной, стремится к почету, к похвалам, требует признания мнимых достоинств своих, делает добро не ради добра, а ради похвалы и внешних почестей».

«Честолюбие – искание внешней чести, уважения, чести, почестей».

«Честолюбец – человек, страстный к чинам и отличиям, ко славе и похвалам, а потому действующий не по нравственным побуждениям, а по сим видам».

Слово «самолюбие», которое в буквальном смысле соответствует слову «эгоизм», употребляется в речи в другом значении. По Далю, «самолюбие – щекотливость, обидчивость, желание первенства, почета, отличия, преимущества перед другими. Польстив самолюбию самолюбивого человека, можно им управлять. Где затронута самолюбие, там уж он не уступит».

* © О. Н. Забродин, 2014.

О гордости

Русский человек в своей многовековой истории испытал, что такое гордость, высокомерие, спесь и чванство. Гордость в устах русского народа была качеством отрицательным и находила полное осуждение, в чем сказывался и религиозный взгляд на это чувство.

В. И. Даль приводит такие выражения: «В убогой гордости дьяволу утеха». «С умом носу не поднимешь» [2, с. 378]. Гордость, спесь, чванство по народному представлению свойственны правящим и богатым, угнетателям, насильникам и обидчикам. В народной песне дается описание внешнего вида спеси: «Ходит спесь надуваючись».

В противоположность самовозвеличивающим эмоциям власть имущих, богатых, сильных, ставящих себя выше окружающей социальной среды, у слабых, униженных, низко стоящих по социальному положению имели место при сношении с «сильными мира» эмоции неуверенности, робости, застенчивости, боязливости, стеснительности. В реакциях по отношению к вышестоящим часто возникали чувства покорности, преданности, самоуничижения.

В психологии нет точно очерченной терминологии для обозначения оттенков сказанных выше эмоций. Эмоции самовозвышения связаны со структурой классового общества и меняются в связи с его историей. В классовом обществе, основанном на эксплуатации одного класса другим, они, нося антисоциальный характер, вытекают из преимущественного положения немногих; в обществе социалистическом, основанном на равенстве и отсутствии эксплуатации, они частью совершенно теряют под собой почву, частью получают иное содержание и теряют свой антисоциальный характер, о чем подробнее будет говориться далее.

У животных нет, конечно, реакций, развивающихся у человека под влиянием условий социального существования. Гордость, тщеславие, обида и проч. – специфически человеческие эмоции.

Ч. Дарвин [см.: 3] упоминает, что павлин и индюк, когда они прогуливаются, распутив перья, порою описываются как эмблема гордости. А. Брем об испанских козлах пишет – «это гордые животные». Лошадь тоже может иметь «гордый вид». Такое «вчувствование» во внутренний мир животного на основании его внешнего вида является, конечно, необоснованным.

Гордость находит внешнее выражение в мимике и позе. Ч. Дарвин [3, с. 157] описывает это выражение так: «Гордый человек обнаруживает свое чувство превосходства над другими, держа голову и туловище прямо. Он высокомерен и старается казаться как можно более крупным, так что о нем говорят в переносном смысле, что он надут от гордости».

Мускул, выворачивающий нижнюю губу, называется мускулом гордости (*m. superbus*). Выражение гордости прямо противоположно выражению покорности (поза с преобладанием мышц, сгибающих позвоночник). Разгибательную позу гордого человека можно считать внешним выражением силы.

У детей выражение гордости и превосходства наблюдается очень рано. Блейлер [см.: 1] пишет, что у детей сложнейшие эмоциональные реакции наблюдаются и в то время, когда содержание интеллекта очень незначительно. Возникает инстинктивное понимание сложных ситуаций и поразительно правильная реакция на них. Так, когда его пятимесячный мальчик встал в первый раз самостоятельно на ноги, он ясно проявил этим свою гордость: глядел вокруг себя как петушок, так что родители не могли удержаться от смеха. Ребенок не перенес смеха над своим новым искусством и разразился страшным криком, носившим характер обиды. На одиннадцатом месяце ребенок, сидя на полу, потребовал, чтобы отец поставил его на ноги. Тот отказал, мотивируя тем, что он намочил на пол. Тогда ребенок с видом превосходства и решимости медленно поднялся с пола и победоносно посмотрел на отца, как бы говоря: «Если ты не хочешь меня поднять, то я могу помочь себе сам». Эти факты и другие наблюдения (мне, например, приходилось наблюдать проявление обидчивости у детей в возрасте моложе полутора лет) показывают, что гордость и обидчивость впервые появляются очень рано, как только ребенок начинает чувствовать свое отношение к окружающей среде. Ребенку очень многое запрещается старшими, и от него требуются те или иные действия. Старшие имеют силу и власть и распоряжаются всеми жизненными благами. Ребенок мечтает: «Когда я буду большой и сильный...» и т. д. Он желает быть всех выше и всех сильнее, влезает на стул, вытягивается, поднимает ручки над головой и говорит: «Я всех больше». Он выказывает иной раз забавную хвастливость.

К. И. Чуковский отмечает, что «у детей, даже возвращенных в коллективе, тяга к беспрестанной похвальбе пропадает лишь на восьмом или девятом году, а до той поры они с обаятельным эгоцентризмом выпячивают свое «я» при всяком случае и ревниво следят, чтобы оно ни на миг не претерпело ущерба».

У подростка возникают возвышающие его фантазии. Он мечтает о том, что будет актером, музыкантом, певцом, мореплавателем, полководцем и т. д. Взрослый желает своего возвышения в социальной среде сообразно с ситуацией, в которой он находится, и со своими личными данными.

Под влиянием условий существования в человеческом обществе развивались два ряда реакций. Одни – связанные с сознанием своего превосходства и со стремлением себя возвысить: гордость, заносчивость, чванство, самомнение, хвастовство, самолюбие, чувство собственного достоинства. Другие порождались сознанием бессилия: забитость, робость, боязливость, неуверенность в себе, чувство покорности, самоуничижение, угодничество, заискивание, льстивость. В разных классах общества, в разные исторические отрезки времени вызывались и культивировались разные реакции.

К. Маркс и Ф. Энгельс [9, с. 47] писали, что «в период господства аристократии господствовали понятия: честь, верность и т. д.». При этом для аристократии были характерны: чувство превосходства, гордость своей породой, готовность с оружием в руках защищать свою честь, хвастливое желание поставить себя выше в среде равных себе, что порождалось условиями

их жизни.

Но понятия «чести» регулировали поведение по отношению к равным себе и не были ручательством за честность. В Московском государстве, отмечает В. О. Ключевский, «государственные руководители и церковное пастырство воспитывали в древнерусском человеке две совести: публичную для показа гражданам и частную для себя, для домашнего обихода. Первая требовала соблюдать честь и достоинство звания, в каком кому приводилось состоять; вторая все разрешала и только требовала периодической покаянной очистки духовником, хотя бы раз в год» [6, с. 140].

Если, для примера, сравнить положение крестьянина и дворянина-помещика у нас до революции, то выявляется разница в их реакциях. Все интересы крестьянина, жившего земледелием, сводились к возможно более благоприятному сведению результатов сельскохозяйственного года. Он мог лучше или хуже вести свое хозяйство, но мнение кого-то другого не имело реального значения для его жизни. У него не было честолюбивых планов, не мыслилось какое-либо повышение по общественной лестнице, как у дворянина на службе. Если его выбирали старостой или старшиной, то для рядового крестьянина это была тяжелая повинность, при выполнении которой, вследствие неумения разбираться в делах, он находился в зависимости от пройдохи писаря и чувствовал себя не на своем месте.

Лишь немногие становились корыстными вершителями волостных дел, но это не было целью, к которой стремился рядовой крестьянин. Жизнь протекала в узких рамках семьи и своей деревни, где достоинства и недостатки каждого были известны с детства и во всех деталях. Каждый имел свою твердо установившуюся оценку, основанную на фактическом знании личности с детства. Бесполезно было при таких условиях пускать пыль в глаза, стремиться изобразить себя не тем, что есть на самом деле: это никого не могло обмануть и не имело никакого реального значения. Конечно, и деревня видела аляповатую спесь и чванство богатого мужика, и крестьяне не представляли однородной массы: были сильные и слабые, умные, ловкие и глупые, были те или иные основания для возникновения чувства гордости, но в общем условия жизни крестьянства несравненно меньше могли вызывать и культивировать чувство гордости, чем жизненная ситуация дворянской среды.

Традиции дворянства шли от феодальных времен, когда при дворах правителей толпилось дворянство, добиваясь расположения и милости правителя, волей которого раздавались земли и выгодные должности. Каждый, добивающийся благосклонности повелителя, стремился блеснуть своей храбростью, силой, умом, находчивостью, старался импонировать уменьем себя держать, – словом, показать свое превосходство над другими и способность оправдать доверие владыки. Люди, добившиеся высокого положения и звания, стремились передать его своим детям и удержать в роде. Таково было местничество бояр, представлявшее борьбу за наследование родового права.

У рыцарей честь, своеобразно понимаемая, ставилась дороже жизни. Сознание своей власти, могущества, богатства порождали гордость, надменность, пренебрежение к нижестоящим и легко сочеталось с

заискиванием, лестью, угодничеством по отношению к стоящим выше. «Гонор» польской шляхты – характерный пример развития дворянской гордости при определенных исторических условиях.

Эти черты были свойственны не только высокому дворянству, но и среднему и мелкому. «Мелочь» подражала «большим». Эти черты исторически передавались и сохранялись в той или иной степени и в то время, когда дворянство уже клонилось к упадку.

Л. Н. Толстой, описывая офицерскую среду 60-х годов девятнадцатого века, часто подчеркивает гипертрофированное тщеславие и повышенное самолюбие, имевшие место в этой среде. Вот перед нами Козельцев старший из «Севастопольских рассказов». «У него одно из тех самолюбий, которое до такой степени слилось с жизнью и которое чаще всего развивается в одних мужских, и особенно военных, кружках, что он не понимал другого выбора, как первенствовать или уничтожаться, и что самолюбие было двигателем даже его внутренних побуждений: он сам с собой любил первенствовать над людьми, с которыми себя сравнивал» [10, с. 160]. Вот «Калугин со своею блестящею храбростью и тщеславием, двигателем всех поступков» [10, с. 157]. Тщеславию офицерской среды Л. Н. Толстой неизменно противопоставлял простоту, прямоту и твердость солдат.

В повести «Рубка леса» под выстрелами происходит такой разговор.

« – Вы где брали вино? – лениво спросил я Болхова, между тем как в глубине души моей одинаково внятно говорили два голоса: один – господи, приими дух мой с миром, другой – надеюсь не нагнуться, а улыбаться в то время, когда будет пролетать ядро, – и в то же мгновение над головой просвистело что-то ужасно неприятное, и в двух шагах от нас шлепнулось ядро.

– Вот, если бы я был Наполеон или Фридрих, – сказал в это время Болхов, совершенно хладнокровно поворачиваясь ко мне, – я бы непременно сказал какую-нибудь любезность.

– Да вы и теперь сказали, отвечал я, с трудом скрывая тревогу, произведенную во мне прошедшей опасностью.

– Да что ж, что сказал: никто не запишет.

– А я запишу.

– Да вы ежели и запишете, так в критику, как говорит Мищенков, – прибавил он, улыбаясь.

– Тьфу ты, проклятая! – сказал в это время сзади нас Антонов, с досадой плюя в сторону, – трошки по ногам не задела.

Все мое старание казаться хладнокровным и все наши хитрые фразы показались мне невыносимо глупыми после этого простодушного восклицания» [11, с. 72 – 73].

Если дворяне гордились родом, властью, то для буржуазии целью жизни и предметом гордости являлось богатство, роскошь и обладание вещами. Гордость у лиц отдельных слоев и прослоек одного и того же класса может иметь разную форму проявления на разных этапах исторической жизни. Для иллюстрации можно сопоставить спесь и чванство кулака, выбившегося «в люди», гордость человека из современной культурной средней буржуазии и

гордость крупной буржуазии, достигшей господства, в руках которой сила не только экономическая, но и политическая, в руках которой и правительство, и парламент, и печать, которая в своих интересах диктует международную политику своей страны и стремится направить в своих интересах мировую политику, чувствуя себя господствующей в мире силой.

Чувство превосходства связывается не только с властью или богатством. Человек может гордиться превосходством над другими в самых разнообразных областях жизни: он может гордиться успехами в области искусства и науки, во всякого рода творческой работе. Люди, достигшие выдающихся успехов в области литературы, музыки, науки, получают основания для чувства гордости. Удачники могут «зазнаваться». Но гордость может не иметь тон грубого «зазнайства», а внешние проявления и характер внутренних переживаний при этом могут меняться, и чувство может терять антисоциальный характер.

Итак, в разные исторические эпохи в разных классах общества развитие гордости и объекты ее менялись. Свои установки по отношению к низшим классам господствующий класс сохранял в то время, когда уже его расцвет был далеко позади.

Надо отметить еще следующее: развитие определенных взглядов, чувств и установок в господствующем классе оказывает некоторое влияние и на классы, нижестоящие по социальной лестнице. Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу [9, с. 45], «...класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила». Взгляды на жизнь, быт, одежда господствующего класса оказывала некоторое влияние на другие классы и находила подражание. Так, буржуазия подражала дворянству. Подражание вышестоящему классу создавало видимость социального возвышения.

О тщеславии

У Р. Роллана есть такая фраза: «Тщеславному важно не то, что он есть, а каким он кажется». Он хочет стоять выше во мнении среды, чем он стоит. Человек стремится показаться другим в выгодном свете и избегает такого положения, в котором он мог бы произвести отталкивающее впечатление. При этом он действует не по логическим соображениям, а «инстинктивно» – точнее, в силу автоматически возникающей эмоциональной реакции. «Отчего с посторонними людьми каждый так деликатен? – сказал Н. Г. Чернышевский. – Отчего при чужих людях все стараются казаться лучше, чем в своем семействе? – и в самом деле при посторонних людях бывают лучше, – отчего это? Отчего со своими хуже, хоть их и больше любят, чем с чужими?» [12, с. 92]. Так создается в той или иной мере «двуликость»: одно лицо для посторонних, другое – для своих. Различие между этими лицами может достигнуть такой степени, что истинное лицо, проявляющееся в домашней жизни, совершенно не походит на «официальное» лицо (лицо для других). При лживом, корыстном скрывании своих истинных свойств получается то, что называется лицемерием. Чуткость к мнению других вырабатывается с детства. Желание не уронить себя в глазах других, боязнь осуждения («что скажут»), страх насмешки, стыд,

стеснение в присутствии посторонних – все это прямо или косвенно внушается и воспитывается средой. Эти чувства заставляют соблюдать определенные требования в одежде, поведении, в манере сидеть, говорить, есть так, чтобы не вызывать неприятного чувства у окружающих, в проявлении своих чувств (страха, раздражения, обиды и т. п.). По отношению к посторонним эти нормы поведения соблюдаются щепетильнее, чем по отношению к близким лицам или к тем, с кем постоянно встречаются. В разных классах и слоях общества эти нормы меняются, но в той или иной форме имеют всегда свое действие. Не только прогоревший дворянин поддерживал свое «достоинство» и «честь», живя не по средствам. «Многие бедняки тарашатся из последних сил и тратят последние сбереженные копейки, чтобы только быть „не хуже других“, и чтобы „не осудили“ их как-нибудь те другие», – сказал Достоевский в «Преступлении и наказании» [5, с. 290] по поводу поминок, устроенных Катериной Ивановной Мармеладову. Эти чувства, раз воспитанные, возникают впоследствии безотчетно. Причесать волосы, одеться соответственно обстоятельствам, вести себя так, чтобы «не бросаться в глаза» – это так естественно, что «само собой разумеется». И, наоборот, для большинства было бы мучительно неприятно фигурировать в таком виде, чтобы это вызывало нелестное внимание или насмешки окружающих. Похвала и порицание – сильнейшие орудия воздействия социальной среды на своих членов. «Насмешки боится даже тот, кто уже ничего не боится на свете» (Гоголь).

Если человек неряшлив, не следит за своей внешностью, в своем поведении совершенно не считается с окружающими (неопратно ест, чавкает, неряшливо одет и т. п.), нарушает покой, очень громко говорит, не обращая внимания на ситуацию, и т. п. – ведет себя «невоспитанно» или «бесстыдно», то это указывает, что человек живет без контакта с окружающей средой. Причина та, что он с детства привык не стесняться окружающих, или это эгоист, который настолько влюблен в себя, что мнение других для него не имеет цены, или человек «не от мира сего», все внимание которого фиксировано на чем-то, лежащем вне окружающей жизни, или человек опустившийся, как это бывает с алкоголиками или неудачниками, махнувшими на все рукой. Это наблюдается также при психических заболеваниях (у шизофреников, «прогрессивных паралитиков» и др.).

Наряду с обычаями, с соблюдением норм внешнего поведения, общественное мнение требует соблюдения известного минимума моральных норм. Эти требования исторически изменчивы, связаны с экономической структурой общества, с условиями социального общения, но в определенный отрезок времени в том или ином слое общества они получают характер обязательного требования. Общество своим мнением регулирует поведение своих членов. Они оказываются, таким образом, в зависимости от него, становятся в той или иной мере «рабами общественного мнения». Мысль «что скажут?» получает иногда парадоксально большую силу.

Л. Н. Толстой [10, с. 80] вкладывает такие слова в уста офицера, который страдает от службы на Кавказе, но не может решиться поехать в Россию: «...у меня настолько самолюбия, что я не поеду отсюда ни за что до тех пор, пока не

буду майором с Владимиром и Анной на шее. Я уж втянулся до того, что меня всего коробит, когда Гнилокишкину дадут награду, а мне нет. И потом, как я покажусь на глаза в России своему старосте купцу Котельникову, которому я хлеб продаю, тетушке московской и всем этим господам после двух лет на Кавказе без всякой награды? Правда, что я этих господ знать не хочу и, верно, они тоже очень мало обо мне заботятся; но уж так устроен человек, что я их знать не хочу, а из-за них гублю лучшие годы, все счастье жизни, всю будущность свою погублю»¹.

Но надо сказать, что чувствительность к чужому мнению у разных лиц изменчива. При этом мнение одних людей может вызывать яркую реакцию, других – нет. Профессионального преступника может не задевать ничье мнение, кроме небольшого числа товарищей по «профессии». Человек наиболее сильно реагирует на оценку среды, которую он ценит, – «своей среды», а к мнению вне этой среды он чувствителен менее или совсем не чувствителен. Чего требует общество? Что оно ценит? Чем определяется дозволенное, недозволенное, одобряемое, похвальное? Все это вытекает из условий жизни данного общества и определяется его интересами. Мнение общества оказывает сильнейшее влияние на поведение людей и регулирует внешнюю форму их взаимоотношений. Гордость и тщеславие идут рука об руку. Гордый, как правило, в то же время и чрезвычайно чуток к мнению других. Усиленное развитие тщеславия, как и гордости, в разных классах и слоях общества стоит в связи с жизненной ситуацией в данном классе в определенный момент.

Как и гордость, тщеславие пышным цветом расцветало в дворянской среде и особенно в дворянско-офицерской среде. Л. Н. Толстой рисует такую картину из жизни осажденного Севастополя. – Минута перерыва постоянной смертельной опасности. Офицеры гуляют на бульваре. Штабс-капитану Михайлову никто не обрадовался на бульваре кроме его полка капитана Обжогова и капитана Сусликова, которые горячо пожали ему руку; «но первый был в верблюжьих штанах... и с таким красным, вспотевшим лицом, а второй кричал так громко и развязно, что совестно было ходить с ними...» [10, с. 115]. «Ему хотелось бы подойти к адъютанту и графу Нордову. Но отчего же штабс-капитан Михайлов боится и не решается подойти к ним? – “Что, ежели они вдруг мне не поклонятся, – думает он, – или поклонятся и будут продолжать говорить между собой, как будто меня нет, или вовсе уйдут от меня, а я там останусь один между *аристократами*?”. Слово *аристократы* (в смысле высшего отборного круга, в каком бы то ни было сословии) получило у нас в России, где бы, кажется, вовсе не должно было бы быть его, с некоторого времени большую популярность и проникло во все края и во все слои общества, куда проникло только тщеславие (а в какие условия времени и обстоятельств не проникает эта гнусная страстишка?), – между купцами, между чиновниками,

¹ Сохранение чувства вопреки сознанию его ложности не представляет чего-то исключительного. Так, один юноша прочитал, что чибисов едят, но у него с детства составилось представление, что чибис – птица несъедобная. Он застрелил одного чибиса и отдал изжарить. Когда ел, то никакого неприятного вкуса не чувствовал, но кусок не шел в горло, возникало чувство отвращения, несмотря на то, что он совершенно ясно сознавал его неправильность.

писарями, офицерами, в Саратов, в Мамадыши, в Винницы, везде, где есть люди. А так как в осажденном городе Севастополе людей много, следовательно, и тщеславия много, то есть и *аристократы*, несмотря на то, что ежеминутно висит смерть над головой каждого *аристократа* и *не аристократа*.

Для капитана Обжогова штабс-капитан Михайлов *аристократ*...; для штабс-капитана Михайлова адъютант Калугин *аристократ*... Для адъютанта Калугина граф Нордов *аристократ*...

Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века» [10, с. 115 – 117].

Правила и формы вежливости во взаимоотношениях, одежде и т. п. – все это стоит в связи с условиями жизни данной социальной среды и исторически изменчиво. Для каждого класса, для разных слоев общества характерно свое законодательство мод, имеющее для многих непреодолимую силу («против всего можно пойти, а против моды не пойдешь»). По внешности, по манере одеваться, по поведению нередко можно причислить человека к той или иной общественной группе. По этому поводу Толстой Л. Н. писал: «Только взглянешь, сыта ли лошадь, сам сыт ли, как сидит, как запряжена лошадь, как ошинена тележка, как сам подпоясан, сейчас видно, на тысячи ли на сотни человек торгует». Внешность бывает иногда форменной одеждой – вспомним образ нигилиста с пледом или художника с длинными волосами в бархатной куртке.

В той или иной мере каждый считается с мнением других, но самолюбивый и тщеславный употребляет все усилия, чтобы возвысить себя в глазах других, показаться в особенно благоприятном свете. Вопросы самолюбия получают важнейшее значение в его жизни и в главном, и в мелочах. Он уже внешне стремится выделиться; не только следит за тем, чтобы были чисты лицо и руки, волосы не растрепаны, чтобы не отставать сильно от моды, но стремится в своей внешности превзойти других; не только строго подчиняться «законодательству мод», но носить утрированно модную одежду. На то, чтобы быть красиво и элегантно одетым, на уход за своей внешностью затрачивается много времени и средств.

Для того чтобы обращать на себя внимание, можно щеголять не только модностью одежды, но и ее оригинальностью и даже небрежностью, расстегнутым воротом и засученными рукавами. Сократ крикнул одному оратору, взошедшему на трибуну в лохмотьях: «О, афинский юноша! Из дыр твоей мантии выглядывает тщеславие». Иные хотят импонировать своим бесстыдством или хулиганством, и это дает им чувство превосходства. Из гордости и тщеславия вытекает соответственная осанка: внешняя важность, манера держать себя, стремление импонировать дикцией речи и т. п. Чтобы поставить себя выше в глазах других, тщеславный человек «kozyряет всеми своими козырями» и испытывает радость при удаче в этом. Он гордится, достигнув видного места, получив орден, независимо от того, какими путями

они получены, кичится восхождением на высокую гору, своим знакомством с людьми, высоко стоящими во мнении общества, своим голосом, умом, остроумием, своими знаниями. При этом тщеславный не только испытывает внутреннюю радость, принимая эти факты как доказательство своей ценности, но радость вытекает из чувства превосходства над другими и получает соответственное внешнее выражение. Удовлетворение самолюбия может стать дороже материальных выгод и может служить сильнейшим стимулом. Где нет простоты в обращении, а есть манерность, чрезмерная любезность или, наоборот, замкнутость, неуступчивость, жестокость, бесчувственность, там может скрываться желание импонировать и повисить себе цену.

Есть спорщики, которые подкарауливают случай, чтобы затеять спор. Им важно доказать не правильность своего мнения, а так или иначе одержать верх над противником; они спорят для удовлетворения своего тщеславия.

Есть люди, которые стремятся показать, что они всегда и все знают лучше других, и это составляет предмет их тщеславия. К таким относится фраза: «Тщеславие людей, знающих слишком много, труднее потушить, чем пожар». Стремление повисить свою ценность может сказаться в стиле речи, в оборотах письма. Есть ученые, которые «словечка в простоте не молвят». Речь и письменное изложение у них без нужды переобременяются специальной терминологией и иностранными словами, без надобности вносятся новая, «своя» терминология.

Симуляция учености ведет к тому, что то, что можно изложить ясно и просто, облекается в необычайно «ученую» заумную форму. У иных тщеславие находит свое удовлетворение просто в обладании вещами, ценными в глазах других: роскошной обстановкой, лошадью², собакой, певчей птицей, хорошей картиной, каким-нибудь редким предметом и т. д.

Девочке-подростку может быть лестно, что мужчины начинают на нее смотреть как на женщину. Приобретение поклонника может возвышать ее в собственных глазах и быть предметом тщеславия и гордости, как курение табака для подростка, которому табак неприятен, но курение делает его взрослым в собственных глазах.

Если человеку нельзя достичь превосходства над другими в чем-нибудь большом и серьезном, то он найдет предлог, чтобы чем-нибудь да гордиться. Если бы удовлетворение тщеславия зависело от объективного признания, то много самолюбий осталось бы неудовлетворенными, и там, где данных для объективного признания нет, приходит на выручку «возвышающий обман». Такой человек может признавать превосходство других, но оставляет себе какую-нибудь область, где он чувствует свое превосходство, и это составляет его тайную гордость. До карикатурности ничтожные обстоятельства могут быть предметом гордости и тщеславия. «Я горд, моя жена горда! – говорит мелкий чиновник у Глеба Успенского, – наша ступка по всему дому ходит, и мы – ничего!».

Домохозяйка поддерживает чрезвычайную – «кошачью» чистоту на кухне.

² Яркую иллюстрацию этому дал И. С. Тургенев в рассказе: «Конец Чертопханова»

Это наполняет ее чувством гордости и превосходства и позволяет смотреть сверху вниз на тех, кто по какой-либо причине хоть сколько-нибудь уступает ей в этом отношении. Тщеславие, стремление к превосходству там, где нет для данного лица прямого пути, выступает в замаскированной или завуалированной форме, идет обходными путями.

Внешнее проявление гордости не выражается неизбежно в мимике превосходства, в «задирании носа». Человек может чувствовать свое превосходство, быть внутренне горд, не выказывая своих чувств вовне.

Чтобы приковать к себе симпатии, тщеславные люди могут быть ласковы, любезны, предупредительны и тем самым возбуждают мнение, что это человек с большим социальным чувством. Послушный, «образцовый» ребенок эти качества может развивать, стремясь к похвале, и получает, конечно, больше симпатий и благ, чем сорванец.

Человек может гордиться «доброй славой», свою честь такой индивид может видеть в положительных отзывах о его работе, щедрости, справедливости. В стремлении к возвышению себя в чужих и своих собственных глазах может крыться побуждение к буржуазной филантропии. Отсюда же вытекает религиозное ханжество и лицемерие и всякие уловки, имеющие целью стимулировать положительные социальные чувства.

Болезнь не только у детей, но и у взрослых используется как средство стать центром внимания и заботливости и управлять жизнью близких. А. Адлер [14] приводит следующие примеры из буржуазной среды. Деловой человек, который должен считаться с заказчиками, опаздывает домой к сказанному сроку и находит жену разбитой, от страха обливающейся потом, жалкую фигуру, которая рассказывает, какие она перенесла ужасные муки. Ясно, что мужу ничего не остается, как быть точным.

В другом случае, мать опаздывает с завтраком на полчаса. У нервной дочери возникают величайшие опасения и беспокойство. Успокаивается она лишь, когда муж сходил и посмотрел, не случилось ли чего с тещей. Конечно, мать скоро привыкает быть точной. Так истерический субъект дрессирует окружающих и создает при помощи болезни свое господство. Это не просто притворство и обман. У истериков болезненные симптомы легко возникают под влиянием эмоционально насыщенных представлений.

Гордость и тщеславие могут сочетаться и субъективно неотличимо смешиваться с самыми различными другими чувствами. Успехи у противоположного пола делаются предметом гордости и тщеславия. Тщеславие может сказываться в выборе объекта любви. В чувстве ревности, в конфликте и травмах на сексуальной почве чувства обиды, уязвленной гордости и тщеславия играют большую роль.

Тщеславие сказывается в выборе профессии, в постановке жизненных целей и т. д. Неудача врага может восприниматься как личная удача. Человек, который стремится всех обогнать, быть выше других, рад не только неудаче личного врага, но у него легко возникает злорадство вообще при неудаче других и зависть при их удаче. Он всегда готов обесценить чужие успехи и достижения пристрастной критикой. Зависть не позволяет быть объективным.

Есть люди, которые всех и всё критикуют. Ни в каких действиях других они не видят ничего хорошего и подмечают всякую чужую ошибку. Они пересуживают и хулят всех и вся и проявляют при этом остроумие и большую находчивость. Для тщеславного человека признать свои ошибки равносильно личному ущербу.

А. Шопенгауэр отмечал, что «...искусство подавления заслуг посредством коварного замалчивания и их игнорирования, чтобы в пользу дурного скрыть от публики хорошее, уже практиковалось голяками Сенекина века так же хорошо, как и нынешними, и что *зависть замыкала рты* как тем, так и другим» [13, с. 96].

И спорщики, и критики могут быть субъективно искренними. Они не сознают, что в стремлении развенчать других движущей силой является их стремление к превосходству, и субъективно сохраняют чувство правоты. Такая критика порождается внутренними свойствами самой критикующей личности. Она дает возможность считать себя умнее, способнее и выше критикуемого.

Тщеславный не только критикует определенных конкретных лиц, но часто вообще относится критически к людям, к «толпе», и судит о них свысока. А. Адлер приводит такой анекдот. – Женщина поскользнулась, входя на трамвай, упала в снег и не могла подняться. Много людей спешило мимо, и никто не помогал. Наконец кто-то подошел и поднял ее. В этот момент подскочил человек, который где-то скрывался. Он приветствовал спасителя словами: «Наконец-то нашелся порядочный человек; пять минут я стою здесь и жду, поднимет ли кто-нибудь эту женщину. Вы первый». Человек сделал себя судьей над людьми. Он очевидно уже имеет низкую оценку людской сострадательности. Он ставит себя выше «толпы» и субъективно одержим социальным чувством, но у него не возникло естественное движение оказать помощь. Вместо того он занимался наблюдением, подтверждающим его низкое мнение о людях.

Тщеславное чувство превосходства над людьми находит разнообразнейшие проявления и может быть вкраплено в переживания в виде отдельных черточек. Неспособность самолюбивых людей признавать свои ошибки ведет к тому, что их ничему не учит опыт. Они всегда субъективно правы и считают, что виноваты другие лица или обстоятельства.

Самолюбивый неудачник жалуется на тяжесть жизни и считает, что пред ним виноваты, он стоял бы на первом месте, если бы родители дали иное воспитание, что он рос запущенным или, наоборот, его изнежили. Считает, что по существу он совсем неплох, что ему не дали ходу и т. д. Если у него есть какой-нибудь физический или иной недостаток, вина сваливается на него. Сваливать вину на людей или обстоятельства необходимо, чтобы не ронять себя в своих собственных глазах.

Алкоголик говорит, что он «всю жизнь испортил пьянством», что, если бы не пьянство, то «ему цены бы не было». Другие не лучше, а он только споткнулся вследствие рокового обстоятельства. Лениность также годится для самооправдания, как и всякий другой недостаток, например, нервность и т. д. «Если бы у меня не было этого недостатка, я имел бы блестящий успех в

жизни». Неудача, оказывается, не в личной малоценности, а переносится на объективные обстоятельства.

Человек жалуется, что ему ничего не удается, потому что его преследуют несчастья, видит в этом несправедливость судьбы и даже чувствует оттенок гордости в том, что какая-то сила имеет в виду именно его.

Так, люди, не имеющие возможности удовлетворить свое тщеславное стремление стать выше других путем действительной победы в соревновании, идут в обход, маскируют свое тщеславие, прибегают к разного рода дешевым способам, чтобы хотя бы в своем субъективном сознании сохранить призраки превосходства, приукрасить себя в своих собственных глазах.

Для постороннего глаза может быть ясно, что вся эта игра человеческой психики шита белыми нитками, но это часто остается не обоснованным самим действующим лицом. Человек легко ошибается там, где он заинтересован в этом. Самолюбивый человек хочет видеть себя лучше, выше других, он не мирится с признанием своей даже относительной малоценности. Осознание своей ничтожности не умещается в его сознании. Его представления послушно идут в том направлении, куда их толкает чувство тщеславия; «возвышающий обман» дороже истин, не лестных для личного сознания. Еще Кант сказал, что наихудшее для человека есть падение в своих собственных глазах.

Самообман – один из самых распространенных видов жизненной лжи. Это своеобразная защитная реакция, позволяющая сохранить душевное спокойствие и чувство уверенности в себе. Развитие тщеславия, как и гордости, зависит от условий социального существования, от индивидуальных условий развития данного индивида. Его внешнее проявление и особенности субъективного преломления могут стоять в связи с интеллектуальным и моральным развитием данной личности. Оно находится в связи с рядом факторов и представляет реакцию столь же исторически изменчивую, как и гордость.

О лести

Неспособность самолюбивого человека критически оценить свою собственную личность обеспечивает успех лести. «Льстят, – по выражению Н. Г. Чернышевского, – затем, чтобы господствовать под видом покорности» [12, с. 90]. Чем более человек чуток к мнению других или чем чаще он слышал о себе нелестные отзывы, тем легче он поддается лести. Глупые люди не избалованы похвалами, и потому они обыкновенно очень к ним чувствительны. По американскому выражению: если дурака хвалят, то он лучше работает.

Каждый человек в какой-то мере самолюбив, каждому приятно то, что говорит о его ценности, что возвышает его в своих и чужих глазах. Тот, кто идет навстречу этой потребности, делается приятным, как человек, приносящий радость, в то время как неприятная «правда глаза колет». Ф. М. Достоевский пишет в «Преступлении и наказании» о том, что Свидригайлов «пустил в ход величайшее и незыблемое средство к покорению женского сердца, средство, которое никогда и никого не обманет и которое действует решительно на всех до единой, без всякого исключения. Это средство известное – лесть. Нет ничего

в мире труднее прямодушия, и нет ничего легче лести. Если в прямодушии только одна сотая доля нотки фальшивая, то происходит тотчас диссонанс, а за ним – скандал. Если же в лести все до последней нотки фальшивые, то и тогда она приятна и слушается не без удовольствия; хотя бы и с грубым удовольствием, но все-таки с удовольствием. И как бы ни груба была лесть, в ней непременно, по крайней мере, половина кажется правдою. И это для всех развитий и всех слоев общества» [5, с. 366]. В этих словах циника, несмотря на все преувеличение, есть доля правды.

Лесть и интриги всегда были сильнейшими средствами в борьбе за милость коронованных и иных высоких особ. Лесть находила благодарную почву в самообольщении, связанном с большой властью.

Успех лести вырастает на почве тщеславия, и понятно, что тщеславные люди наиболее легко ей поддаются.

Обида

Когда задевается чувство собственного достоинства, когда человек сознает, что его унижают в его личном мнении или во мнении общества, возникает эмоция обиды. Ф. М. Достоевский писал в «Записках из мертвого дома»: «...вообще раздражает нижний чин всякая свысока небрежность, всякая брезгливость в обращении с ними. Иные думают, например, что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, так и дело с концом... Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству... да *человеческое* обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ божий. С этими-то «несчастливыми» и надо обращаться наиболее по-человечески. Это спасение и радость их» [4, с. 91].

Когда задето самолюбие, является желание ответить оскорблением на оскорбление, унижить противника. Один арестант сказал Ф. М. Достоевскому: «Они злятся на вас за то, что вы дворянин и на них не похожи. Многие из них желали бы к вам придрататься. Им бы очень хотелось вас оскорбить, унижить...» [4, с. 32]. В офицерской и дворянской среде прежде оскорбление вело к дуэли – оскорбление «смывалось кровью».

Оскорбление, обида вызывают острый аффект, который нередко ведет к ответному «оскорблению действием» или к более тяжкому преступлению. Но это действие не всегда следует тотчас за оскорблением. А. Ф. Кони на основании своего огромного судебного опыта пишет по этому поводу: «Обиженный иногда “выходит из себя” не тотчас после оскорбления, а спустя некоторое время, в течение которого обидчик успел уже спокойно обратиться к другому разговору или занятию. Внезапно прорывается в самой резкой форме протест против слов, движений, личности обидчика. Не следует думать, что человек, промолчавший первоначально и только через известный промежуток времени проявивший свое нетерпение криком, иступлением, ударами, мог в этот перерыв наблюдать и направлять на что-либо свое внимание. В такой момент он ничего не видит и не слышит. Он весь во власти охватившего его

вихря внутренних вопросов: “Да как он смеет?! Да что же это такое, да неужели я это перенесу?”» [7, с. 340 – 341].

Обида может, конечно, не вызывать столь острой реакции. Может оставаться затаенной и постепенно изживать или вести не к вспышке гнева, а к ряду обдуманных действий по типу гоголевского Ивана Ивановича, обидевшегося на слово «гусак», или к мести, которая может проявляться в разнообразных, иной раз хитрых, тонко обдуманных действиях. Поводы к обиде и ответы на нее бесчисленно разнообразны. Обиду переживает и ребенок, и взрослый, и глупый, и умный. Цицерон сказал: «Оскорбление причиняет боль, которую с трудом выносят мудрейшие и лучшие люди».

Гордый, тщеславный, самолюбивый человек и человек с повышенным чувством собственного достоинства, конечно, более обидчивы, у них имеется своего рода гиперестезия в этом отношении, они видят и подозревают обиду там, где и не предполагалось причинить ее. У отдельного индивида могут быть «пункты» обидчивости, особая обидчивость в каком-либо отношении. Такая «частная» обидчивость основывается на индивидуальных переживаниях, ее подготовивших.

Теория А. Адлера

Альфред Адлер, посвятивший многолетний труд изучению развития эмоций, формирующихся под воздействием буржуазной социальной среды, создал свою теорию их возникновения, которая вкратце сводится к следующему. Отдельные явления в душевной жизни человека нельзя рассматривать изолированно, как самостоятельные, замкнутые в себе части. Их можно понять только как части нераздельного целого, проводя линию через факты из отдельных пунктов жизни данного человека. С раннего детства у человека складывается одна линия направления его устремлений в жизни; рано ставится цель, которая определяет эту линию направления; цель установки взрослого идентична с детской установкой. Изменяется конкретизирование цели феноменологически, но не меняется стиль жизни; остаются та же цель, ритм, динамика жизни.

В детстве устанавливается шаблон, уяснив который, получают в руки систему, объясняющую как поведение человека в целом, так и поступки в отдельных случаях. Если, например, говорит А. Адлер, пациент оказывался боязливого характера, всегда был исполнен недоверия, стремился отделиться от окружающих, то обычно было легко доказать, что эти свойства были присущи ему на 3-м или 4-м году жизни, только в детски простом и ясном виде. Душевная жизнь человека рассматривается А. Адлером как комплекс приспособлений нападения и защиты. При этом все поведение человека определяется целью – достичь превосходства, могущества, одоления других прямым или обходным путем. Постановка этой цели, этого идеала вызывается первыми столкновениями ребенка с трудностями жизни и сознанием своей слабости. Поставленная цель определяет установку в жизни. Уже у грудного ребенка, прожившего на свете несколько месяцев, говорит А. Адлер, можно установить, как он относится к жизни. Выявляется определенный тип, который

в дальнейшем становится все яснее, причем сохраняется раз принятая линия поведения. Игруют роль первые ощущения, на которые ребенок отвечает чувством удовольствия и неудовольствия. Уже на основании их начинает складываться у ребенка картина мира и установка к нему. Трудности и ограничения, с которыми сталкивается ребенок, по Адлеру, ведут к тому, что ни один ребенок не вырастает без стремления к утверждению своего значения и превосходства. Это стремление к превосходству возникает из чувства собственной малоценности. Ребенок стремится освободиться от низкой самооценки, сквитать ее. Отсюда возникает борьба за самоутверждение.

У здоровых детей чувство малоценности вытекает из нормальной детской беспомощности и слабости и возникающего вследствие этого чувства неуверенности и опасности.

Стремление к превосходству патологически обостряется вследствие врожденной органической малоценности, конституциональных заболеваний детского возраста, с которыми связаны боль, страх смерти, выраженная слабость, а также вследствие замедленного телесного и психического развития, неуклюжести, безобразия, уродства, недоразвитости органов чувств и всяких других недостатков. Ребенок с патологическим предрасположением стремится к поставленной им чрезмерной цели с неудержимой бурностью, которая становится постоянным ритмом его жизни. Из этих всегда подшпоренных ритмов вытекают великие действия личностей, сверхкомпенсация которых удалась, а чаще возникают жалкие проявления невроза или психоза. Ребенок идет к своей цели или прямо и открыто, развивает агрессивный мужественный характер, или, если он встречает на своем пути большую силу противодействия и не может достигнуть цели превосходства по прямой линии, будет пытаться достичь ее обходным путем, хитростью, и на этом обходном пути вырабатывает определенные черты характера. Цель остается та же, но развивается другой тип ребенка: робкий, трусливый, который не смотрит в глаза и не говорит правду.

Оба типа защитных реакций не являются врожденными, а развиваются под влиянием внешних воздействий. Иллюстрацией может служить реакция детей на их телесные дефекты. Ребенка, испытывающего затруднения в движениях, привлекают профессии, связанные с быстрым движением. Он мечтает быть кучером, шофером. В нем живет страсть уйти от трудностей, доставшихся ему в удел, освободиться от чувства малоценности, отсталости по сравнению с другими. Это чувство вообще легко возникает у детей, которые развиваются медленно и болезненно. Дети, страдающие дефектами слуха, обнаруживают интерес и преимущественную любовь к музыке, делаются музыкальны. Примером является Бетховен. Косноязычный Демосфен упорно стремится стать оратором и т. д.

Из пониженной самооценки следует ответ, который ребенок даст на проблему жизни. Создается детский шаблон, определяется направление линии жизни к превосходству. Детский шаблон можно найти в дальнейшей жизни. Человек идет прямо или обходным путем, прибегая к маскировке, все к той же цели. Он не может освободиться от жала, вонзившегося в него в раннем детстве. В своем стремлении к удовлетворению своих влечений и защите своих

интересов индивид не только ищет компенсации своего чувства малоценности, так сказать, нормального коэффициента обеспечения, но стремится к перестраховке, к удовлетворению сверх меры, которая необходима для обеспечения его спокойного развития; появляется стремление к сверхкомпенсации. К субъективно созданной, непомерно высокой цели, как к твердо стоящей точке, направляются все творческие силы личности. Эта точка определяет линию, по которой движется жизнь, и над этой линией движения надстраивается вся душевная структура. Все желания, весь круг мыслей, интересы, течение ассоциаций, надежды, ожидания, опасения и воля идут по рельсам, определяемым этой точкой. Создавшаяся установка оказывает влияние на выбор профессии, на отношение к людям и т. д. и т. д. Линию, по которой движется жизнь индивида, можно проследить до ее истока во время первоначального осознания «эго». Там проявляется она в самой ранней установке человека, в первом противодействии внешнему миру. Ребенок создает свой жизненный план, которому он следует сознательно или бессознательно. Его движущие силы вытекают из этого одного источника, и всю жизнь человека А. Адлер рассматривает как направленную к единой цели.

В стремлении к могуществу ребенок сначала берет примером образ отца или матери. Он стремится возвыситься из своего положения робости и неуверенности в ранг всемогущего отца. Не только дети с органической малоценностью, но и нормальные дети хотят быть большими, сильными, властвовать, как отец. Их поведение, телесная и душевная поза во всякий момент направлены к этой цели. Можно видеть имитирующую отца мимику, имитирующий психический жест. Пример отца становится указателем цели.

По А. Адлеру, каждый конституционально малоценный мальчик чувствует себя превращенным в девочку. Если у ребенка возникает сомнение в своей мужественности, то он выбирает такую цель, которая обещает ему господство над всеми мужчинами, и он всегда будет выказывать склонность к демонстрации своего превосходства над женщинами, будет обесценивать и унижать женский пол. Среди этих лиц находится много таких, которые испытали пренебрежение со стороны матери.

Человек, создавший себе такую твердую точку, принимает ее в качестве отправного пункта, хотя при более близком рассмотрении должно убедиться, что такой твердой точки нет. Эта твердая точка – руководящий идеал личности, хотя он и нереален, имеет величайшее значение для всей жизни и всего психического развития. Свойства человека, по А. Адлеру, развиваются из прирожденных потенций под влиянием постановки цели.

В качестве примера, иллюстрирующего связь реакций взрослого с переживаниями раннего детства, можно привести такой случай, описанный А. Адлером. Тридцатилетний человек, энергичный, достигший уважения и успехов в жизни, является к врачу в состоянии крайней депрессии и жалуется на неохоту к труду и нежелание жить. Ему предстоит обручение, но он смотрит на будущее с недоверием. Его мучит ревность и опасение, что помолвка расстроится. Приводимые им доказательства неубедительны. Девушку нельзя ни в чем упрекнуть. Можно подозревать, что он один из тех многих людей,

которые, имея с кем-либо дело и чувствуя симпатию к нему, одновременно занимают наступательную позицию и, будучи полны недоверия, разрушают то, что хотят строить.

Его первое детское воспоминание было следующее. Он со своей матерью и младшим братом был на ярмарке. В толкотне мать его, старшего, взяла на руки. Заметив свою ошибку, она снова поставила его на землю и взяла другого, а он, огорченный, бежал около нее. Тогда ему было 4 года. Автор подметил, что при передаче этого воспоминания звучали те же струны, как и при описании своего страдания в настоящем. Пациент уверен, что не получит предпочтения, и не может перенести мысль, что ему будет предпочтен другой. Когда при психоанализе его внимание обращается на корни его нынешнего состояния, он изумляется и тотчас же признает связь этих давних событий со всем своим жизненным стилем.

Стремление к превосходству в условиях буржуазного общества ведет к тому, что человек вступает в конкуренцию с другими членами общества и, естественно, видит все в этой перспективе. Стремящийся к превосходству в этих условиях старается провести свой руководящий принцип силой или хитростью и коварством. У него развивается гордость и высокомерие, тщеславие, честолюбие, зависть, недоверие, подозрительность, словом – враждебная установка к людям, замкнутость, сухость, отсутствие теплоты в человеческих отношениях. Он склонен легко относиться к страданиям других и проходить мимо них. Такие люди – плохие партнеры в социальной игре. Про них говорят, что у них плохой характер. Люди с сильным стремлением к превосходству портят жизнь другим и себе. Их собственная жизнь наполнена теневыми сторонами. Они переоценивают всякий пустяк, затрагивающий их болезненный пункт. Все отношения к людям они воспринимают с точки зрения своего превосходства или поражения и отравляют себе все радости жизни.

У тех, кто не надеется достичь превосходства, идя по прямому пути, развивается чрезмерная осторожность, боязливость; они прибегают к разного рода уловкам, чтобы создать себе субъективное чувство превосходства; при резком обострении стремления у них развиваются странности, чудачества, неврозы (навязчивые проявления, фобии и проч.), и дело доходит до психозов.

Знание человека, по А. Адлеру, может быть получено путем выяснения роли, которую играют в его психике чувство малоценности и стремление к превосходству, диктующее его поведение. Выяснение больного линии его жизни и роли в ней бессознательного стремления к могуществу вызывает распад искусственно созданной психической конструкции и тем открывает возможность к положительному участию в социальной жизни.

Явления душевной жизни могут быть понятны, лишь если их рассматривать как части единого целого, направленные к единой поставленной цели. Для этого надо вскрыть и сделать ясной линию движения и цель, к которой оно направлено.

Проникновение в психику человека достигается тем, что проявления его установок в разные моменты жизни соединяют одной линией. При этом возникает впечатление единого направления. Таким образом, получают в руки

систему, которая показывает, что детский шаблон вновь сказывается в дальнейшей жизни. Установление линии движения делается на основании запечатлевшихся у пациента воспоминаний об отдельных симптомах и фантазиях.

Чрезмерная цель не может вместиться в сознании. Она несовместима с логическим мышлением. Осознание чрезмерности цели нарушило бы единство личности. Вследствие этого психика принуждается к искусственным приемам и уловкам для завуалирования цели. Одним из приемов, при помощи которых психика скрывает цель, является перемещение ее в бессознательное или выдвигание замещающей цели. Нервный пациент не видит, что сохранившиеся воспоминания, фантазии или отдельные реакции указывают на нечто более важное, чем ему кажется.

Стремление к фиктивной цели порождает единство личности и господствует над сознательным и бессознательным. Руководящая фикция, или твердая точка, принадлежит бессознательному. Введение в сферу сознания этой чрезмерной фиктивной цели делает невозможным действия в направлении невротической линии, так как эта цель до абсурдности не соответствует условиям реальной жизни. На этом основана психотерапия по А. Адлеру. Заставляя пациента осознать идею величия, психотерапевт при помощи критики делает невозможным влияние фикции на действия больного.

Невротический план жизни может отчасти входить в сознание, если может привести к возвеличиванию личности. Это наблюдается особенно в психозе. Но полное осознание фиктивного плана жизни вызывает его разрушение. Только бессознательность руководящей идеи делает возможным существование невротической системы.

Всякий сознательный психический акт, правильно понятый, указывает на бессознательную фиктивную цель как на бессознательный стимул. Бессознательная руководящая линия ведет к находящемуся в бессознательном идеалу личности.

Толкование сновидений служит для А. Адлера важнейшим методом выяснения фиктивной цели. Цель снотолкования – показать пациенту то, что изобличает его как организатора своей болезни. Сновидение, говорит А. Адлер, – не случайное явление. Оно свидетельствует о желаниях, ожиданиях и опасениях. Если для бодрствующего мышления, подготавливающего действие, необходима понятность, то понятность излишня во сне, который можно сравнить с дымом от огня, указывающим только, куда дует ветер, – говорит А. Адлер. Узнав у видевшего сон, что обозначают для него отдельные части сновидения, можно получить впечатление, что позади сновидения действовали силы, которые стремились в одном направлении. С помощью анализа сновидений, говорит А. Адлер, обнаруживается план жизни, согласно которому человек стремится получить господство над трудностями жизни и своей неуверенностью. Выясняются также окольные пути, по которым идет пациент, чтобы избежать поражения и достичь чувства уверенности в себе.

Значительный интерес представляют взгляды А. Адлера на воспитание, связанные с его общей концепцией, и поэтому они приводятся дальше вкратце.

Взгляды А. Адлера на воспитание

В раннем детстве мы видим проявления эгоизма. Уже во вторую половину первого года ребенок хватается все предметы и не очень-то легко согласен их отдавать. Маленькие дети не могут играть со сверстниками, так как не считаются с интересами партнера, вследствие чего непрерывно возникают конфликты. Семья способна развить социальное чувство, но в буржуазной семье слишком большую роль играет семейный эгоизм. Ребенка или слишком балуют, прививают ему мнение, что он выше, лучше других, или, наоборот, к нему предъявляют много требований. На ребенка действует сама организация семьи, основанная на отцовском авторитете, которым ребенку дается пример стремления к могуществу. Ребенок хочет достичь того же уважения, послушания и подчинения, которые он наблюдает по отношению к сильнейшему лицу в среде семьи. Если он наталкивается на непререкаемость авторитета родителей, то приходит к занятию антагонистического положения к ним.

Родители желают, чтобы ребенок в будущем занял высокое положение в обществе, на каждом шагу дается высокая оценка всякого рода материальных успехов. Ребенка с детства подшпоривают к достижению успехов в предстоящей жизненной конкуренции. В семье, как и во всей культуре капиталистического общества, есть тенденция выдвигать на первый план стремление к тому, чтобы человек в обществе каким-нибудь образом превосходил других. Социальные чувства буржуазная семья способна развить лишь в очень узких пределах и в то же время подшпоривает тщеславие и стремление к превосходству, к возвышению над другими. Стремление к превосходству ведет к тому, что человек идет по пути культа силы собственной личности, действует не в интересах общества, а вопреки им, занимает враждебную установку по отношению к среде. Чрезмерное развитие честолюбия и тщеславия препятствует прогрессу индивида и развитию социальных чувств.

Главная задача воспитания, по А. Адлеру, – развитие в ребенке социального чувства, включение в жизнь общества как активного, полезного члена, содействующего налаживанию и успеху общей жизни, развитие лучшего в человеке: чувства сострадания, человечности, способности к любви, дружбе, товариществу, теплоты в отношении к людям, подчинение естественным и разумным требованиям человеческой совместной жизни. Следует показать все плохое и негодное в его (ребенка) поведении, портящее человеческие отношения, чтобы «у его честолюбия вырвать зубы антисоциального поведения».

Для жизни, согласованной с жизнью и интересами других, нужна известная уступчивость, приспособляемость, соблюдение правил в общей социальной игре.

Воспитание стремится помочь ребенку выйти из неуверенности в своих силах, наделить его необходимыми для жизни ловкостью, знанием, правильным пониманием прав других, интересом и симпатией к людям, необходимо создание для ребенка нового пути, на котором он мог бы освободиться от

чувства неуверенности и малоценности.

Трудности воспитания связаны с тем, говорит А. Адлер, что: 1) стремление к личному могуществу возникает в том возрасте, когда с ребенком трудно объясниться; 2) дети не говорят открыто об их стремлении к могуществу, скрывают его под нежными чувствами, пускают его в ход тайным образом, стыдливо избегают быть уличенными в нем; 3) большие трудности создаются детским негативизмом – желанием во что бы то ни стало действовать по-своему – до катания с ревом по полу включительно. С возрастом негативизм сглаживается.

Там, где на каждом шагу прибегают к авторитету, где ребенку приходится много и безапелляционно подчиняться, где ребенок видит только черствое отношение, возникает чувство протеста и негативизм укрепляется.

У детей тщеславие не дает развиваться и уничтожает здоровую гордость ребенка, побуждающую его презирать неправдивость, ложь, все обманные, некрасивые окольные пути. Все это входит в арсенал его защитных средств. Тщеславный делается скрытным, он не смеет никогда выказать слабости, не позволяет себе ни с кем быть откровенным, с ним очень трудно установить контакт: прямое, честное самосознание для него в высокой степени затруднено; он всегда прав в своих глазах – другие не правы. Ослепление – одно из самых губительных действий самолюбия.

Нельзя рассчитывать, что жизнь исправит тщеславного человека. Он всегда будет иметь чувство, что виноваты другие, виновато стечение обстоятельств, что в данной ситуации иначе и быть не могло. Таких, которые, ошибаясь в жизни, размышляют о своих ошибках, находят и исправляют их, находится очень мало.

Жизнь – плохой воспитатель, говорит А. Адлер: она не увещевает, не учит и не имеет снисхождения, а заставляет провалиться тех, поведение которых не соответствует жизненным условиям. Придать правильное направление в жизни должно воспитание.

Большое значение А. Адлер придает положению, которое ребенок занимает в ряду братьев и сестер. *Единственный ребенок* полностью подвержен воспитательным воздействиям родителей, на нем безраздельно сосредоточено все внимание. Часто он оказывается изнежен, он не привыкает преодолевать трудности, так как они всегда заботливо устранялись с его пути. Он всегда ожидает, что ему кто-нибудь укажет путь. Он всегда ищет себе опоры. Такие дети при всякой самостоятельной деятельности будут иметь трудности и будут негодны для жизни. Находясь в центре внимания, они легко получают чувство, что их особа имеет чрезвычайное значение. Некоторые оказываются в такой степени избалованы, что делаются годны лишь для жизни паразита: они только наслаждаются, тогда как другие должны для них обо всем заботиться. Если родители чересчур осторожны, боятся трудностей жизни, то внушают ребенку свои опасения перед жизнью, побуждают его смотреть на мир, как враждебный себе. Ребенок вырастает в вечной боязни трудностей и все-таки не опытным, без подготовки, так как его угощали в жизни только приятным.

В ситуации *единственного ребенка* неправильную установку А. Адлер

считает почти неизбежной, но если родители знают, в чем опасность, то имеют возможность многому помешать. Первый ребенок, самый старший, получает свои характерные черты. У него более выгодное положение для развития душевной жизни. От старшего ожидают столько силы и ума, что делают его помощником и надзирающим. То, что он постоянно облекается доверием, вызывает у него настроение, формулирующееся так: ты больше, сильнее и старше, ты должен быть таким же умным, как старшие и т. п. Если развитие в этом направлении идет беспрепятственно, то у старшего развиваются черты, которые его характеризуют как охранителя порядка, в нем развиваются некоторые черты консервативности. Он приобретает высокую оценку власти. Для старшего власть – нечто само собой понятное, то, к чему следует стремиться.

Рожденные вторыми получают стремление к власти, могуществу со своим особым оттенком. Впереди их кто-то есть, кого они ощущают в качестве сильного стимула. Если у них есть силы, и они могут начать борьбу за соревнование, то будут с большой энергией пробиваться вперед. Стремясь к первенству, они начинают бег вразнос, который придает форму их жизни, тогда как первенцы чувствуют себя сравнительно уверенными, пока второй не угрожает сесть им на голову. В качестве примера А. Адлер приводит библейскую легенду об Исаве и Якове (Яков стремился получить права первородства и достал их хитростью: купил их у голодного Исав за чечевичную похлебку).

Младший в семье растет в иной атмосфере, чем другие братья и сестры, уже более взрослые и самостоятельные, в то время как младший – самый маленький, наиболее нуждающийся во внимании. Поэтому он вырастает в более теплой атмосфере. Но подобная ситуация – всегда считаться самым маленьким, на которого ни в чем нельзя полагаться, которому ничего нельзя доверить, не может быть приятна младшему. Это так его раздражает, что он большей частью стремится к тому, чтобы показать, что он все может. У него возникает стремление к могуществу, стремление превзойти всех.

В результате могут получиться два типа. Если такой ребенок достаточно силен, то он делается «скороходом», обгоняющим других. Бег на соревнование будет сказываться во всем его поведении, большей частью в мелочах, не бросающихся в глаза тем, кому неясны психологические связи его душевной жизни. Эти дети стремятся стать во главе группы. Они не переносят, если кто-нибудь стал впереди них. Среди этого типа младших есть такие, которые сделаются спасителями семьи.

Другой тип развивается, когда этот «скороход» натывается на препятствия, которые он не может преодолеть. Он теряет дух и становится злобным трусом. Он остается не менее честолюбивым, но честолюбие его побуждает отступать перед опасностью, он избегает пробы своих сил. Такой всегда будет позади, всякая задача кажется ему велика, он ни на что не отважится, будет бездельничать, но на все у него будут свои объяснения.

Если А. Адлер и делает некоторые оговорки, но, в общем, положению ребенка в буржуазной семье среди братьев и сестер он придает решающее

значение, считая, что положение ребенка (в семье) формирует и окрашивает все, что он получает в жизни [14].

Если ребенок успешно справляется со школьными заданиями, он стремится быть первым. Он учится не из интереса к предмету, а стремится к превосходству.

«Любимцы» жаждут внимания. Если учитель занимается с другими детьми, – у любимцев разочарованные и даже гневные лица. Они не выносят, чтобы на них менее обращали внимания. Учитель, задав вопрос классу, видит, как дети стремятся ответить, и большинство, почти все дети, главное значение придают не тому, чтобы правильно ответить, но чтобы выступить, чтобы показать учителю, что они могут. Многие из таких детей слушают ответ других очень неохотно, часто хотят ответить лучше. Иные даже затыкают уши, когда отвечают другие. Их школьные успехи – средство достижения цели превосходства.

Опрос родителей показал, что и дома у этих детей наблюдается ряд действий, которые родители считают просто ребяческими, но которые характерны для установки ребенка. Например, одна девочка ведет себя крайне по-мальчишески. Оказывается, что мать горда этим, но признает, что охотнее имела бы мальчика! Девочка охотно играет взрослою, много вмешивается в разговоры взрослых. Она не любит, чтобы с ней обращались как с «маленькой», но родители, тем не менее, именно так с ней и обращаются. Малышка стремится добиться признания у родителей и в школе. Здесь она не довольствуется тем, чтобы поднятием руки привлечь к себе внимание, но даже выбегает из-за парты или выпаливает ответ раньше других.

Такой тип образцового ребенка учится не из интереса и не из понимания значения образования для жизни, а из-за того, чтобы получить удовлетворение своему самолюбию и тщеславию в похвалах родителей и учителей. Он не обещает развиться в хорошего гражданина. Быть первым и вести себя всегда как конкурент – это еще не большая благодать. «В жизни дело не в том, чтобы быть первым, – говорит А. Адлер, – лучше несколько преувеличить и сказать: нам не нужны первые. Нас собственно тошнит от них». Условия буржуазной жизни неизбежно порождают такой тип «первых», от которых «тошнит».

Неуспешность в школьных занятиях может породить два типа: 1) идущих по пути борьбы со школой и 2) робких.

Если с болезненным самолюбием ребенок соединяет отсутствие терпения, то успешность работы становится невозможной. Плохой результат получается, если учитель, заметив честолюбие и нетерпение ребенка, отнесется к нему придирчиво, применяя насмешки, наказания. Возмущение против претерпеваемого и угрожающего в дальнейшем унижения вызывает воинственную установку, и ребенок вступает на ребяческие, враждебные общественные пути, начинает искать игрушечного, иллюзорного удовлетворения.

Самолюбивые дети, потерпев неудачу, отказываются участвовать в соревновании, стремятся «показать себя» иначе и идут путем, который, как им кажется, скорее приведет их к цели превосходства. Такие дети уже в первые

недели и месяцы склонны обходить и избегать школы как место их будущего поражения. А. Адлер приводит такой пример. Юноша, единственный сын, привык, чтобы о нем заботились. До школы он уже рисовал. После поступления в школу учитель и родители стали принуждать его читать и писать. Это его не интересовало, и поэтому успехи его оказались малыми, и ему пришлось отказаться от любимого занятия, а усиленно читать и писать. Скоро появились и первые поражения. Сначала он не получил «хорошо», как другие, выше которых он себя считал, а затем последовали и плохие оценки. Скоро он перестал работать и первый год в школе закончил с плохим табелем. Недостаток интереса ко всему, что касалось школы, побудил его вновь обратиться к рисункам. Ему это запретили. Тогда он стал ходить гулять, и это ему всегда позволялось. Среди детей он достиг уважения. Он мог делать многое и иное, чем образцовые ученики. Он даже пил чернила, корчил рожи, как ни один ученик в классе. Это чрезвычайно поднимало его во мнении школьных товарищей. Он рассказывал, как стрелять, ловить и выкармливать птиц, он мог повисать на автомобиле и гулять по садовым заборам. Последние штуки образцовыми учениками воспринимались с содроганием, но только в присутствии учителя и не иначе. Ребенок достиг, чего хотел: он обратил на себя внимание, но привлечь его к работе, к учению было никак невозможно. Нужно было, говорит А. Адлер, медленно идти к тому, чтобы его ободрить и наверстать все, что было пропущено в течение года.

Школьный тип «робких» (schüchtern) составляют дети, чувствующие себя в новом положении слабыми, неуверенными. Школьный тип «робких» оказывается по расспросам родителей дома далеко не таким. Дома они не только не робки, но играют роль маленьких «домашних тиранов», которые сумели поставить себе на службу всю семью. Приходя в школу, они стараются изо всех сил и здесь завоевать такое же положение, но при первой же работе они оказываются неуверенными в себе, они падки до легкой победы, но перед работой медлят, всегда боятся поражения.

Задача учителя при этом состоит в том, чтобы ободрить робких учеников, воспитать у них уважение к себе. Если это произойдет, то у них появится желание показать, что они также не последние. Поведение их невероятно меняется. Нельзя надивиться, видя, как исчезают робкие боязливые взгляды, как блестят глаза лихорадочно работающих малышей. Не только у детей, но и вообще в жизни мы видим, что робость может сочетаться с безоглядной смелостью.

Критические замечания к теории А. Адлера

Можно провести аналогию между теориями А. Адлера и З. Фрейда: по З. Фрейду, движущей силой психики является либидо; по Адлеру – стремление к превосходству, вытекающее из чувства самосохранения. З. Фрейд говорит о сексуальной природе неврозов, А. Адлер выводил их из стремления к непомерно большой цели – фикции. По З. Фрейду, невротик находится под влиянием инфантильных вытесненных желаний; по А. Адлеру, стремление к превосходству возникает в грудном возрасте и фиксируется на всю жизнь,

оставаясь вне сферы сознания. Оба автора вели психоанализ, в котором важнейшее место занимало толкование сновидений, а метод их лечения заключался в выведении фактов, кроющихся в подсознании больного, в сферу сознания (на сопротивление при лечении А. Адлер смотрит как на негативистически враждебную установку).

Тот и другой автор исследуемому ими фактору придавали универсальное значение для психики. Пансексуализму З. Фрейда соответствовало признание А. Адлером почти столь же всеобщего, огромного влияния на психику и все поведение людей чувства малоценности и вытекающего из последнего стремления к сверхкомпенсации. Из людей всех темпераментов лишь сангвиников А. Адлер считает здоровыми людьми с той оговоркой, что чистые темпераменты – редкость. Оба исследователя сходны по типу своих заключений. Исходя из наблюдавшихся фактов, каждый из них создал свою догму, после чего к фактам подходил с точки зрения созданной догмы, подгонял их под свою теорию и «счастливно находил то, что он прежде запрятал».

И З. Фрейд, и А. Адлер установили каждый в своей области ряд интересных и важных фактов, но с толкованием этих фактов часто нельзя согласиться. Тот и другой недооценивали значение социальных влияний. Наблюдая больных из определенной социальной среды в определенный исторический отрезок времени, они толковали их реакции как свойственные людям вообще. А. Адлер более считался с влиянием социального фактора. Он говорит о нарушении взаимоотношений в современном буржуазном обществе, о ненормальности отношений родителей и детей, учителей и учеников, мужчин и женщин, порождающих разброд и общую нервность.

Стремление к личному могуществу он называет наиболее выдающимся злом современного буржуазного общества. Влиянием положения ребенка в семье он объяснял склад характера единственного ребенка, а также первого, второго и последнего. Он придавал значение воспитанию и, следовательно, признавал влияние социальных факторов. Но в то же время начало «направляющей линии» он искал в грудном возрасте и считал, что там находятся переживания, определяющие весь план жизни, а жизненные условия лишь формируют и укрепляют возникшее в раннем детстве стремление к превосходству. В конечном счете, он придавал главное значение врожденным зачаткам, что не соответствует фактам, им же приводимым.

Имеется двойственность в его взглядах. Свои наблюдения над лицами из буржуазной среды он переносил на всех людей современного ему общества, но нельзя, конечно, уравнивать положение детей в разных классах буржуазного общества. Одни растут при удовлетворении всех потребностей избалованными, для них открываются широкие возможности в жизни; при этом и семья, и школа, и вся окружающая среда подшпоривают их к постановке цели превосходства, к созданию фикции; другие вырастают в нужде, перенося всякие ограничения, без надежды на блестящее будущее. Гордость и тщеславие не имеют у последних такой базы для развития и не играют такой большой роли в их жизни, как в кругу людей, которых наблюдал А. Адлер.

Односторонность наблюдаемого материала ведет к односторонности выводов.

Наибольшее значение А. Адлер придавал сознанию органической малоценности. Нельзя отрицать, что чувство малоценности в связи с индивидуальными психическими особенностями может вызвать у отдельных лиц стремление к сверхкомпенсации. Но далеко не все глухие идут в музыкальную школу и далеко не все косноязычные стремятся стать демосфенами. На основании сказанного раньше о влиянии социальных условий на развитие гордости и тщеславия главной движущей силой в стремлении к могуществу надо считать социальные условия.

Стремление к превосходству у А. Адлера получает значение универсального фактора, которым объясняется все. Этим путем он объясняет возникновение холерического, меланхолического и флегматического темпераментов: «Темпераментом человек защищается от неприятностей и ранений личного чувства». Объяснения при этом даются им просто и легко. При недостаточности щитовидной железы человеку суждено трудное положение в жизни, и он стремится сквитать это посредством искусственного психического приема, каковым является флегма. При этом А. Адлер проходит не замечая мимо того факта, что психический темп человека при недостаточной деятельности щитовидной железы меняется от лечения тиреоидином, – следовательно, он обусловлен гормонально, а если психическая реакция и играет какую-то роль, то уже как вторичная реакция.

Возникновение печали А. Адлер объясняет так: «Печальный стремится к чувству возвышения и удовлетворения. Возвышение для печалющегося дается установкой окружающих. Известно, что люди в печали часто находят облегчение в том, что кто-нибудь ставит себя к их услугам, выражает сострадание, поддерживает, что-то им дает, обещает и т. д. Печаль подобна аргументу, который должен быть для другого обязывающим, непреодолимым, которому он должен подчиняться». При таком описании возникает образ буржуазной дамы, требующей сочувствия. Нечего и говорить, что не всякая печаль появляется и протекает по типу такой дамской печали. Столь же мало обосновано то, что мальчик вследствие чувства малоценности считает себя девочкой (о чем говорилось выше) и т. д.

Движущую силу, вызывающую неврозы и психозы, А. Адлер видит в стремлении к сверхкомпенсации и в постановке цели, совершенно не соответствующей силам и возможностям данного лица. Не буду входить в подробный обзор взглядов А. Адлера в области неврологии и психиатрии. Скажу только, что в некоторых отдельных случаях возможно толковать симптоматику неврозов с точки зрения А. Адлера так же, как в других случаях их можно толковать с точки зрения З. Фрейда, но ни та, ни другая теория не имеют исключительного значения и не охватывают всех случаев. И страх, и нужда, и тяжелое жизненное положение, и т. д. также могут стать причиной возникновения неврозов. Что касается трактовки психозов с точки зрения А. Адлера, то она является слишком шаткой и, идя по этому пути, нет никаких шансов выяснить сущность психозов.

Недостатки теории А. Адлера, как и теории З. Фрейда, заключаются в их

односторонности, в чрезмерном преувеличении роли изучавшихся ими факторов в психике, в придаче им универсального значения, а также нередко – в подходе к фактам с предвзятой точки зрения, в подгонке фактов к теории.

Значение работ А. Адлера состоит в том, что, сосредоточив внимание и потратив огромный труд на изучение эмоций, связанных со становлением личности в социальной среде, он дал ряд ценных наблюдений. Неоспоримо, что эмоции эти имеют большое значение в жизни человека. В отдельных классах общества в разные исторические отрезки времени они могут быть развиты то больше, то меньше. Они могут носить резко антисоциальный характер, но могут терять антисоциальную направленность и получать большое положительное социальное значение.

2. Об эмоциях, связанных со становлением в среде социалистического общества

Выше уже говорилось, что развитие гордости, честолюбия, тщеславия и пр. на основе узкого эгоизма вытекает из социальных исторических условий, в которых протекает жизнь человека; что эти чувства получают пышное развитие в среде феодальной аристократии, в буржуазных слоях капиталистического общества, при общественных отношениях, построенных на борьбе антагонистических индивидуальных интересов.

Здесь в командующих и владеющих классах самолюбие, честолюбие и тщеславие неизбежно заостряются в силу структуры общества и побуждают устремляться на борьбу за власть, за богатство, за возвышение, идущие в ущерб другим. На почве узкоэгоистического характера стремлений возникает и развивается ряд антисоциальных чувств: ненависть к конкурентам, зависть, злорадство. Логика совместной жизни ведет самолюбивого и тщеславного человека к ряду столкновений с теми, интересы которых им затрагиваются. Вынуждая своей боевой установкой у других необходимость обороняться, он натывается на противодействие, получает контрудары. Никто не отдает свою позицию без боя. Уже один вид гордого, надутого человека может вызывать враждебное чувство, и на претензию на превосходство противники отвечают насмешкой или реакцией более резкой.

Стремление к превосходству и тщеславие имеют своим последствием не только ущерб для других и придают неприятный и тяжелый характер людским отношениям, но приносят вред и самим носителям этих чувств. Стремление к превосходству ведет к потере теплоты и искренности в отношении к людям. Сухой эгоист попадает в состояние изолированности, лишается ряда положительных социальных чувств. Бесперывная борьба создает ряд трудностей. Жизнь проходит в состоянии постоянного напряжения и раздражения. Каждая ситуация переоценивается, пустяк возвышается во что-то большое, имеющее первостепенное значение, как будто дело идет о счастье жизни во всем его значении.

Тщеславный человек постоянно находится под опасением поражения. Если он, по его мнению, достиг возвышения над другими, то всегда найдутся люди, которые будут у него оспаривать первенство. Стремление стать выше других и

тщеславие ненасытны. Как только тщеславный человек достиг цели, которая его манила, которой он добивался изо всех сил, так тотчас начинается погоня за новой целью. Повторяется в различных выражениях «Сказка о рыбаке и рыбке». Оценивая все с точки зрения тщеславия, самолюбивый человек неправильно оценивает самого себя и свои способности; воспринимает вещи в ложном аспекте; создает неправильную ориентировку в жизни, ставит цели, не соответствующие его способностям и т. п. Таковы результаты, которые приносят гордость и тщеславие при их крайнем заострении в обществе, в котором господствует борьба индивидуалистических интересов.

И в буржуазном обществе человек может гордиться не только знатностью, властью и богатством, но и тем, что принес пользу людям: спас погибающего, пожертвовал собой для семьи, государства, человечества, сделал открытия или изобретения, поднимающие общество на высшую ступень культуры. Такая гордость, конечно, встречает не отпор и не насмешку, как гордость и тщеславие, вытекающие из эгоизма, а признается законной. Но и в государстве, основанном на классовой эксплуатации, люди, считающие себя благодетелями человечества, очень часто не получают признания и в огромном большинстве случаев утешают себя иллюзией, так как результаты их творческой деятельности идут не на пользу всего человечества, а используются господствующим классом.

Ушли в прошлое образы дворянско-офицерской среды, описанные Л. Н. Толстым. Исчезла пришедшая на смену дворянству буржуазия. Русское общество прошло ряд этапов в своей жизни. Исчезли проявления гордости и тщеславия в тех формах, в каких они проявлялись в прошлом. Изменяются их проявления и в настоящее время; исчезают пережитки прошлого и крепнут и ширятся чувства, появившиеся на базе новой жизни общества. Каждый господствующий класс культивирует в своих членах путем создания общественного мнения, путем одобрения и похвалы или порицания те чувства и мнения, которые для этого класса кажутся необходимыми и полезными.

Социалистическое общество логически неизбежно должно развивать чувства, полезные для всего общества. Стремление к индивидуальному превосходству во вред другим, к личному благополучию за чужой счет, признаваемое в капиталистическом обществе законным, в нашем обществе должно считаться преступлением. Власть здесь – не средство классового господства в целях эксплуатации, а определяется задачами организации и охраны интересов трудящихся. Родовитость, власть, богатство уже не могут являться почвой, на которой вырастает гордость. Все виды деятельности получают оценку и похвалу или порицание, исходя из точки зрения пользы для общества.

В капиталистическом обществе имеет место соревнование в борьбе за получение высшей прибыли. В социалистическом обществе вместо соревнования эксплуататоров широкие массы трудящихся вступают в соревнование за построение новой жизни, за создание высшей культуры.

В. И. Ленин в статье «Как организовать соревнование» писал: «Социализм не только не угащает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность

применить его *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе – непочатый родник, и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» [8, с. 195].

Понятия «честь», «слава», «доблесть» и «геройство» в социалистическом обществе получают новую направленность и содержание. Они создают условия для возникновения на месте эгоистической гордости и тщеславия господствующих классов стремления к превосходству в социально полезной деятельности, чувство собственного достоинства и чувство благородной гордости своим вкладом в жизнь общества. Таковы тенденции в развитии этих чувств, которые приносит с собой структура социалистического общества.

Но этим мы, конечно, не хотим сказать, что в настоящее время уже полностью совершилась психологическая перестройка граждан нашей страны; что нет мелкого тщеславия, нелепой гордости, узкоэгоистического самолюбия, стремления к личному успеху в жизни за счет других и вопреки праву и справедливости. Пережитки прошлого еще живы и имеют реальное значение. Перестройка психики отстает от перестройки экономической базы, но структура социалистического общества побуждает и самолюбивого человека искать удовлетворение в социально полезной деятельности, порождает благородную гордость. Чувствам, порождавшимся борьбой за индивидуальные интересы, приходят на смену чувства, которые нужны для успеха социалистического общества, так как личные интересы в нем совпадают, сливаются с интересами социальными.

Официальная мораль капиталистического общества, мораль христианская, также формально прилагает к поведению человека идею социального чувства, проповедует любовь к ближнему, но реально в нем действуют другие нормы поведения, которые вытекают из экономической структуры общества. В обществе, построенном на эксплуатации, видимость социального чувства прикрывает тенденции, вытекающие из себялюбивых интересов, как вуаль, поднимание которой открывает истинные чувства.

Известная доля самолюбия и тщеславия есть у каждого, но степень развития этих чувств и их влияние на поведение у отдельных индивидов очень различны. Между гордыми и тщеславными людьми, у которых вопросы самолюбия играют важнейшую роль в жизни, и между робкими, приниженными и неуверенными в себе тянется непрерывная цепь промежуточных типов, у которых стремление к самовозвышению и превосходству над другими, вопросы самолюбия, гордость и тщеславие играют известную роль, но не являются главными факторами, определяющими линию их жизни. И такие промежуточные типы составляют большинство даже в капиталистическом обществе, где борьба за личное превосходство в ущерб другим содействует развитию этого рода чувств.

В обществе, основанном на равенстве прав и отсутствии эксплуатации, устраняется база для развития антисоциальных чувств и установок. Гордость, тщеславие и другие социальные чувства частью сходят на нет, частью старая

форма заполняется новым содержанием. Они неизбежно должны терять антисоциальный характер.

Сказанное можно резюмировать так. Жизнь индивида в человеческом обществе и многообразные отношения, в которые он вступает с другими индивидами, вызывает ряд специфически человеческих эмоций, куда относятся и чувства, связанные с оценкой им себя по сравнению с другими индивидами, чувства, вытекающие из чисто бессознательного стремления поставить себя выше во мнении других и в своей самооценке. Сюда относятся чувства гордости, тщеславия и т. п. В наиболее элементарном виде гордость основана на превосходстве в силе («гордость победителя»), что отражается в соответствующей пантомимике. В классовом обществе эти чувства связаны с чувственной реакцией на свое более высокое положение в социальной иерархии.

Гордость, связанная с тем или иным реальным превосходством или преимуществом в социальной среде, носит в какой-то мере агрессивный характер. Стремление к превосходству у слабых, не могущих достичь реального превосходства, может направлять их на путь удовлетворения фиктивным превосходством. Такого рода удовлетворение носит характер защитной реакции слабой личности.

Гордость, тщеславие и т. п. развиваются пышным цветом в обществе, основанном на неравенстве при классовой его структуре. Эти чувства особенно культивировались в среде феодального дворянства. Чувство гордости в классовом обществе, отражая классовое неравенство и подавление господствующим классом других классов, носит антисоциальный характер.

В социалистическом обществе, основанном на равенстве прав и отсутствии классовой эксплуатации, устраняется база для развития антисоциальных чувств и установок. Гордость, тщеславие и другие чувства этого порядка сходят на нет, частью старая форма наполняется новым содержанием. Они неизбежно должны терять антисоциальный характер. Высокую оценку в глазах общества здесь получают лишь социально полезные действия. Предметом гордости становятся реальные заслуги перед всем обществом. Создаются условия для развития социально здоровой гордости.

Список литературы

1. Блейлер Э. Аффективность, внушаемость и паранойя. – Одесса, 1929. – 140 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 669 с.
3. Дарвин Ч. Выражение душевных волнений. – СПб.: Типография А. А. Проховщикова, 1896. – 222 с.
4. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 4. – Л.: Наука, 1972. – С. 5 – 232.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. – Л.: Наука, 1973. – С. 5 – 421.

6. Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 4. – М.: Первая государственная типография, 1918. – 480 с.
7. Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 1. – М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1913. – 750 с.
8. Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 195 – 205.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С. 7 – 544.
10. Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы // Собрание сочинений в 20 томах. Т. 2. Повести и рассказы 1852 – 1856 гг. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – С. 87 – 207.
11. Толстой Л. Н. Рубка леса // Собрание сочинений в 20 томах. Т. 2. Повести и рассказы 1852 – 1856 гг. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – С. 51 – 86.
12. Чернышевский Н. Г. Что делать? // Полное собрание сочинений. Т. 11. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. – С. 5 – 336.
13. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 288 с.
14. Adler A. Menschenkenntnis. Leipzig: Hirzel, 1931. – 230 С.

References

1. Bleuler E. Affectivity, Suggestivity and Paranoia [*Affektivnost, vnushaemost i paranoiya*]. Odessa, 1929, 140 p.
2. Dahl V. I. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1 [*Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 1*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1955, 669 p.
3. Darwin Ch. The Expression of the Emotions in Man and Animals [*Vyrazhenie dushevnykh volneniy*]. Saint Petersburg, Tipografiya A. A. Prokhovschikova, 1896, 222 p.
4. Dostoevskiy F. M. The House of the Dead [*Zapiski iz mertvogo doma*] *Polnoe sobranie sochineniy v tridtsati tomakh. T.4* (Complete Works in 30 Volumes. Vol. 4). Leningrad, Nauka, 1972, pp. 5 – 232.
5. Dostoevskiy F. M. Crime and Punishment [*Prestuplenie i nakazanie*] *Polnoe sobranie sochineniy v tridtsati tomakh. T.6* (Complete Works in 30 Volumes. Vol. 6). Leningrad, Nauka, 1973, pp. 5 – 421.
6. Klyuchevskiy V. O. The Course of the Russian History. Vol. 4 [*Kurs russkoy istorii. T. 4*]. Moscow, Pervaya gosudarstvennaya tipografiya, 1918, 480 p.
7. Koni A. F. On Life's Path. Vol. 1 [*Na zhiznennom puti. T. 1*]. Moscow, Tipografiya tovarischestva I. D. Sytina, 1913, 750 p.
8. Lenin V. I. How to Organize Competition? [*Kak organizovat sorevnovanie?*]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 35* [Complete Works. Vol. 35]. Moscow, Politizdat, 1974, pp. 195 – 205.
9. Marx K., Engels F. The German Ideology [*Nemetskaya ideologiya*]. *Sochineniya. T. 3* (Works. Vol. 3). Moscow, Politizdat, 1955, pp. 7 – 544.

10. Tolstoy L. N. Sevastopol Sketches [Sevastopolskie rasskazy]. *Sobranie sochineniy v 20 tomakh. T. 2. Povesti i rasskazy 1852 – 1856 gg.* (Complete Works in 20 Volumes. Vol. 2. Novels and Stories 1852 – 1856 yy.). Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury, 1960, pp. 87 – 207.

11. Tolstoy L. N. The Wood-Felling [Rubka lesa]. *Sobranie sochineniy v 20 tomakh. T. 2. Povesti i rasskazy 1852 – 1856 gg.* (Complete Works in 20 Volumes. Vol. 2. Novels and Stories 1852 – 1856 yy.). Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury, 1960, pp. 51 – 86.

12. Chernyshevskiy N. G. What Is to Be Done? [Chto delat?]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 11* (Complete Works, Vol. 11). Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury, 1949, pp. 5 – 336.

13. Schopenhauer A. Aphorisms and Maxims [*Aforizmy i maksimy*]. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1991, 288 p.

14. Adler A. *Menschenkenntnis*. Leipzig, 1931, 230 p.

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом до 40 000 знаков (1 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат А4
- редактор Word 97 – 2003, формат doc или rtf
- шрифт Times New Roman
- междустрочный интервал – одинарный
- кегль – 14 pt
- поля – по 2,0 см. со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см.

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся аннотация (обычно 100 – 250 слов) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 12 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и

нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по ссылке с сайта нашего журнала эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. *Monadology* [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1 – 784.

Pavlov I. P. *Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals* [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383 – 408.

Ukhtomskiy A. A. *Principle of a Dominant* [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197 – 201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3 – 19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3 – 19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109 – 116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98 – 106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109 – 116.

Ignatev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98 – 106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911 – 1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11 – 12, pp. 570 – 614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;

– имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О.В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of The Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual

processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, например, «сине-зелёный», и выглядит коротко) и тире (ставится между словами, цифрами и т. п., например, «1950 – 1960 годы», «движение – жизнь»; перед и после тире ставится пробел, тире выглядит длинно). Также необходимо обращать внимание на то, что между инициалами, в сокращениях типа «и т. п.» и прочих ставится символ неразрывного пробела (ctrl+shift+пробел).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, юриспруденция, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100 – 250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph.D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100 – 250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...

2. ...

References

1. ...

2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Номер лицензионного договора с РИНЦ 379-06/2014

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2014.